

Костромская ЗЕМЛЯ

Краеведческий
альманах
Костромского
областного
отделения
Всероссийского
фонда культуры

ВЫПУСК 2

Кострома 1992

КОСТРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ

Краеведческий альманах
Костромского областного отделения
Всероссийского фонда культуры

Выпуск II

Кострома
1992 год

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

2-й выпуск нашего альманаха следует направлению, заявленному при его рождении. В нем представлены разнообразные материалы, разрабатывающие новые пласты истории костромского края.

В рубрике «Экология культуры» помещен очерк сотрудника Костромского музея-заповедника Л. И. Сизинцевой о нашем выдающемся земляке Ф. В. Чижове. Публикуя эту работу, мы хотим привлечь внимание общественности к необыкновенной—даже во времена, богатые одаренными натурами,—личности, помня о нашей неблагодарности по отношению к Федору Васильевичу Чижову (его имя было изъято из названий всех училищ, построенных в Костроме и губернии на его средства, из названия библиотеки в Костроме, которая с момента открытия в 1915 году носила его имя, его могила в Московском Даниловом монастыре стерта с лица земли).

Продолжают тему «собираания историй» идущие следом выдержки из ответов на анкету о возвращении исторических названий, помещенную в 1-м выпуске альманаха. Публикуются обращение участников Диевских чтений, прошедших в октябре 1989 года, к народным депутатам и руководству Нерехты о возвращении некоторым старинным улицам города исторических названий и материалы дискуссии, развернувшейся по этому поводу на страницах газеты «Нерехтская правда».

Несомненный интерес представляют воспоминания о Костроме начала XX века костромича Л. А. Колгушкина и исторический очерк «Бывый город Парфеньев» уроженца Парфеньевского района Д. Ф. Белорукова — известного не только своими серьезными краеведческими изысканиями, но и интересными живописными работами, в которых автор воссоздает облик Парфеньева минувших столетий.

Внимательный читатель нашего первого выпуска, конечно, заметит появление новой рубрики «Исследования и находки костромских краеведов», представленной работой Н. А. Зонтикова «За службу к нам, и за кровь, и за терпение...» — о трагической судьбе Ивана Сусанина и предполагаемых местах его гибели и захоронения.

Объявив рубрику «Экология природы» постоянной, мы будем привлекать к участию в ней самых разных специалистов, чтобы, по возможности, охватить весь круг «природных» проблем нашего края. На этот раз читателя ждет встреча со статьей известного костромского журналиста В. В. Мизицкого.

Основной вес «Наших публикаций» приходится на 3-ю часть книги Б. Н. Ширяева «Неугасимая лампада», написанную на основе рассказов участника Уреньского восстания 1918 года и названную автором «Летопись мужицкого царства». Это одна из первых публикаций, «Летописи» в нашей стране. Мы предлагаем вниманию читателя и записи Л. А. Парийского — костромского священника, краеведа. Их интерес обусловлен как личностью Н. А. Некрасова в восприятии наших земляков — крестьян Мисковской волости, так и личностью самого автора, которая явственно проступает в этих записках.

«Хроника» составлена из заметок, рассказывающих о деятельности областного отделения фонда культуры в 1990 г.

Мы ждем откликов и предложений, а также материалов для следующих выпусков альманаха.

І. ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

СИЗИНЦЕВА Л. И. (Кострома).

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИЖОВ

(1811—1877)

Сегодня, когда с такой ожесточенностью ведутся споры о России и русских, неизбежно обращение к жизни и идеям костромича Ф. В. Чиждова, физика и искусствоведа, предпринимателя, финансиста и благотворителя.

Первые свидетельства о его жизни — речь И. С. Аксакова, произнесенная им в Славянском благотворительном обществе через месяц после смерти Ф. В. Чиждова¹, и биографический очерк, написанный его бывшим личным секретарем А. Чероковым², — передают живое впечатление, но не претендуют на исчерпывающую полную. Заведомо неполной была и биография, написанная А. А. Либерманом³, потому что до 1917 года был закрыт архив Ф. В. Чиждова.

Дело сдвинулось с мертвой точки сравнительно недавно, когда ученый, журналист И. А. Симонова защитила диссертацию, посвященную взглядам и деятельности Ф. В. Чиждова⁴, и приступила к работе над книгой о нем для издательства «Наука». Однако сегодня особенно важно, чтобы имя Ф. В. Чиждова не было забыто на его родине — в Костроме, где все и начиналось более 180 лет назад.

Один из биографов Ф. В. Чиждова приводит его свидетельство о том, что он «сердечно любит Кострому, потому что в ней получил начало как образованию, так и нравственному своему развитию»⁵. Многие отмечали, что значительное влияние на него в этот период оказал отец.

Биографы считали, что Ф. В. Чиждов происходил «из бедной дворянской фамилии»⁶. И. С. Аксаков писал: «Родившись в 1811 году, в недостаточной дворянской семье Костромской губернии, он прошел тяжкую школу труда и бедности»⁷, а Либерман даже уточняет: «родители его были дворяне Костромской губернии, Чухломского уезда и владели небольшой усадьбой»⁸.

Однако И. А. Симонова утверждает: «В отличие от подавляющего большинства славянофилов Чиждов не принадлежал к родовитому дворянству — ему было 12 лет, когда его отец учитель Костромской гимназии, выходец из духовного сословия, получил право на потомственное дворянство»⁹. Это право давала ему многолетняя служба в учреждениях ведомства народного просвещения. Он был одним из первых преподавателей Костромской гимназии, которая была образована в 1804 году на базе Костромского Главного Народного Училища и помещалась в двухэтажном каменном здании, приобретенном в свое время для этого училища Приказом Общественного призрения на Верхнедербинской улице¹⁰ (сейчас это ул. Дзержинского, д. 9). В делах первого года существования нового учебного заведения хранился документ под названием «Разначение предметов и годового жалованья учителям Костромской Губернской Гимназии», где в числе семи преподавателей «учителю Истории со включеннем Мифологии и древностей, Географии, статистики и начал философии Василью Чижеву» определялось жалованье 650 рублей.¹¹ «Из расписания жалованья учителям гимназии мы

можем заключить, что положение их в финансовом отношении было довольно удовлетворительно».¹²

Гимназия в это время давала образование разностороннее: по этому же списку значились преподаватели «чистой и прикладной математики и коммерческих наук», «натуральной истории, физики и начал политической экономии», рисования, латинского языка и «изящных наук», а также немецкого и французского языков.¹³ Правда, сегодня довольно трудно определить уровень преподавания этих дисциплин.

По некоторым данным можно предположить, что по сравнению с главным народным училищем сложность предметов и требовательность педагогов значительно увеличились: сильно, почти вдвое сократилось число учащихся. Так что, видимо, каждому из учеников уделялось достаточное внимание. Возглавлял же это учебное заведение в течение семи лет Н. Ф. Грамматин, один из образованнейших людей своего времени, поэт, переводчик, первый исследователь «Слова о полку Игореве».¹⁴

Вот такой была Костромская гимназия, когда там преподавал В. Чижев.

Однако в 1819 году гимназический устав подвергся значительным изменениям: из расписания исчезли «практические» дисциплины — технология, коммерция, политическая экономия, право, психология, зато были введены греческий язык и Закон Божий¹⁵. В. Чижев, как член педагогического совета гимназии, принимает участие в проведении нового курса,¹⁶ однако уже в списках преподавателей 1820—23 годов его имя не значится.¹⁷ Очевидно, именно в это время семья Чижевых перебирается в Петербург.

Ф. В. Чижову в 1819 году было 8 лет, так что даже трудно сказать, успел ли он начать учение в Костроме. Гимназию он заканчивал уже в Петербурге, там же поступил в университет по математическому факультету, который и закончил блестяще в 1832 году.¹⁸

1830-е годы в жизни Ф. В. Чижова проходят под звездой точных наук: он «занимался математическими науками с большой любовью и замечательным успехом»¹⁹, благодаря чему был оставлен при университете, а в 1833 году уже приступил к преподаванию. А. Чероков, бывший впоследствии его личным секретарем, так рассказывал о первом появлении на кафедре нового адъюнкта: «Существова всегда на скудные средства, более заработка с уроков, он не имел возможности скопить себе что-либо к окончанию курса, чтобы собственными средствами обмундировать себя, и на первую же назначенную ему лекцию, во избежание укора в неаккуратности с первого же шага, вынужден был явиться в студенческом мундире. Престижу профессорского звания грозил конфуз, и профессора тут же собрали между собой необходимые средства к его обмундированию до исходатайствования аванса»²⁰.

Он читает алгебру, тригонометрию, аналитическую и начертательную геометрию, теорию теней и перспективы²¹, а в 1836 году получает степень магистра философии за диссертацию «Об общей теории равновесия с приложением к равновесию жидких тел и определению фигуры земли»²². В это время уже входит в российский быт железная дорога, которая соединяет Петербург с Царским Селом. Она была торжественно открыта в 1837 году (помните, у М. И. Глинки — «Веселится и ликует весь народ. В чистом поле мчится поезд...»). Ф. В. Чижев был человеком, впервые в России издавшим труд о паровых машинах, — в следующем же, 1838 году. Он назывался «Паровые машины — история, описание и приложение их со множеством чертежей» и был основан на трудах английских специалистов — Пертингтона, Стефенса и других²³.

В его родную Кострому железная дорога проляжет лишь через полвека, возможно, а пока даже молва о ней еще не добрела в провинциальную глушь (позднее мы встретим рассказ странницы Феклуши о железной дороге в «Грозе» Островского как об огнедышащем железном звере). В столицах время мчится быстрее.

Железная дорога на всю жизнь останется для Ф. В. Чижова символом прогресса и процветания России. И до Костромы она дойдет в конце концов благодаря его стараниям. Но это будет позже, а пока его блестящая карьера неожиданно прерывается, и жизнь получает другое направление.

Он казался друзьям прагматиком, «не знаю, способен ли он к энтузиазму», — записывал в это время о нем А. Никитенко в своем дневнике²⁴. Все отмечали его ясный ум, логику. Однако наука разочаровывает его, и мотивы этого разочарования вскрывают иную сторону его натуры: появляются новые интересы, лежащие в области гуманитарных знаний, сам же Ф. В. Чижев «смотрел на науку чересчур лирически, видел в ней высокое, чуть-чуть не священное дело, и потому от человека, бравшегося быть преподавателем, требовал полного и безусловно посвящения ей»²⁵.

Эти слова Ф. В. Чижев сказал о Н. В. Гоголе, одновременно с ним преподававшем в университете и делившем себя между наукой и литературой, но в меньшей степени это относится и к нему самому. И потому, когда в круг его интересов входят история искусств и литературы, социология (мы бы сегодня сказали — история культуры), он оставляет кафедру, которой отдал 8 лет, и отправляется в 1840 году за границу.

Им овладевает желание познать историю искусства — «одного из самых прямых путей к изучению истории человечества»²⁶, овладевает с силой не меньшей, чем прежде — желание познать законы физического строения мира. Ф. В. Чижев едет на воды в Мариенбад, путешествует по Германии, но каждую зиму непременно проводит в Риме, опять встретившись — и опять «не сойдясь» — там с Н. В. Гоголем. И главным содержанием римских зим было изучение истории искусства.

Один из современных исследователей С. Л. Чернов заметил мимоходом: Ф. В. Чижев «становится дилетантом-искусствоведом, пишет в русские журналы более или менее талантливые корреспонденции, собирает материал для большого труда по истории искусства, который так и остался ненаписанным»²⁷. Однако здесь не учтено состояние русского искусствознания 1840-х годов, которое, в отличие от литературоведения, еще не имело профессиональной критики высокого уровня и находилось в процессе становления. На этом фоне Ф. В. Чижев с его умением во всяком деле, за которое он берется, «дойти до самой сути», был фигурой заметной, пользовался влиянием среди художников.

По свидетельству А. Черокова, «занимаясь в Риме исключительно изучением искусств, Чижев скоро сблизился со всем тамошним кружком художников, на которых имел, по удостоверениям Кривцова (инспектора над русскими художниками за границей), весьма благотворное влияние и скоро стал для них настоящим знатоком, истинным ценителем и справедливым судьей, благодаря своему строгому уважению к требованиям искусств»²⁸. Этот «кружок художников» состоял в основном из лучших выпускников Академии художеств, отправленных на стажировку за границу, среди них были и зрелые мастера, например, А. Иванов, вынашивавший в это время замысел картины «Явление Мессии».

В эту же поездку Ф. В. Чижев впервые посещает славянские страны, находившиеся под австро-венгерским владычеством. В Праге он

знакомится с одним из идеологов славянского единения — В. Ганкой, и с этих пор идеи богоизбранности, особой миссии славянских народов, и прежде всего русского, пронизывают все существование Ф. В. Чиждова.

Однако осуществление этих идей было невероятно далеко от бытующих сегодня извращенных представлений о русской мечтательности. Этот человек настолько возлюбил Россию, что самой жизнью своей, кажется, решил опровергнуть миф о русской лени и непередпримчивости. Еще в годы преподавания в университете за Ф. В. Чиждовым заметили «способность подчинять свои личные соображения практическим целям жизни»²⁹.

В 1847 году при возвращении из очередной поездки по славянским странам, где он был замечен австрийцами в помощи черногорцам, Ф. В. Чиждова арестовали на границе и две недели продержали в Петропавловской крепости. После этого ему было запрещено пребывание в столицах, и он избирает для жительства местечко Триполье в 50 верстах от Киева, где занимается... разведением шелковичного червя, чтобы доказать возможность и доходность этого занятия в России. И, как и в других случаях, эти труды увенчались не только пудами собственноручно выработанного им шелка, что требовало немалых трудов, но и солидным исследованием «Записки о шелководстве»; этот труд охватывал шелководство от V века до современных технологий и экономических перспектив и был переведен на иностранные языки³⁰.

Как только появилась возможность жизни в столицах, он селится в Москве, как наиболее близкой русскому духу. Бывает у славянофилов — Аксаковых, Киреевских, Хомякова, но сохраняет все же самостоятельность в суждениях, а главное, осуществляет свой путь возвышения России. Этот путь отнюдь не казался славянофилам бесспорным: это была ставка на развитие технического прогресса, помощь отечественной промышленности и коммерции.

Люди, которые сотрудничали с Ф. В. Чиждовым начиная с 1850-х годов, когда он целиком отдается делу содействия промышленности, были тесно связаны с костромской землей. Среди них — А. П. Шипов, представитель костромского дворянского рода, один из основателей первого в нашем городе механического завода в 1852 г. (на его месте — завод им. Л. Б. Красина). Костромичи В. А. Кокарев, А. И. Кошелев, один из владельцев крупнейшей в стране фабрики по переработке льна товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры (в просторечии — «кашинской фабрики») — С. М. Третьяков.

Кроме них, в окружении Ф. В. Чиждова оказываются такие крупные русские промышленники, как И. Ф. Мамонтов, Т. С. Морозов, К. Т. Солдатенков и др. Именно они составляли в середине века будущее русской промышленности, содействию им отдавал все свои силы Ф. В. Чиждов. Вместе с А. П. Шиповым он создает «Общество для содействия русской промышленности и торговле», а затем в 1858—1862 годах издает журнал «Вестник промышленности», первоначально на свои средства.

На страницах этого печатного органа пропагандировалось все, что могло способствовать самостоятельности российской экономики, ее могуществу. Одним из первых условий этого была ликвидация крепостного права, которое сильно сдерживало развитие промышленности. Предпринимательству мешали сословная замкнутость, отсутствие экономических и политических прав у промышленников. Ф. В. Чиждову удалось, возбуждая общественное мнение, добиваться от правительства предоставления льгот русским капиталистам. Он выступал за соз-

данне сети железных дорог с главным узлом в Москве, развитие металлургии и машиностроения, создание акционерных банков, большого числа учебных заведений технического профиля³¹.

Все это, безусловно, имело гораздо большее значение в тот период, нежели просто развитие экономики: это влияло на становление национального самосознания, на политическую самостоятельность государства. Достаточно сказать, что и сегодня слабое развитие путей сообщения историки признают одной из причин поражения России в Крымской войне 1853—1856 годов.

Издание журнала было делом весьма хлопотным, требовало больших затрат, а денег не хватало. Однако Ф. В. Чижев по другому поводу говорил о себе: «Я как-то охотнее подчиняюсь самой труднейшей работе, когда мне ясны причина и цель ее»³². В скором времени польза издания — цель этой огромной работы Ф. В. Чижева — стала очевидна не только для него, но и для тех, ради кого он издавал «Вестник промышленности». Подписчики — московские предприниматели, часто задерживавшие выплату денег, вдруг были уведомлены о скором закрытии журнала.

Вот как об этом вспоминал секретарь Ф. В. Чижева А. Чероков: «Этот циркуляр (о прекращении подписки — Л. С.) произвел целый переполох среди подписчиков: почти каждодневно они являлись то поодиночке, то группами в редакцию за справками — верно ли? и что нужно, чтобы не прекращался журнал. Недоимки все полностью были доставлены через несколько дней»³³. Однако издатель был тверд, журнал прекратил свое существование.

Это не означало, что Ф. В. Чижев отказался от своих взглядов или от надежды реализовать их. Он только встал на путь самостоятельного их осуществления. Да и идеи его уже были восприняты значительным количеством деятелей русской промышленности и торговли.

В 1867 году открывается Московский купеческий банк (Ф. В. Чижева пригласили руководить его операциями), затем в 1869 году по его инициативе создается в Москве «Купеческое общество взаимного кредита». Идеи «Вестника промышленности» обретали плоть и кровь, частная инициатива высвобождалась, становилась менее зависимой от диктата бюрократии.

Когда-то, на заре жизни, Ф. В. Чижев впервые осознал важность железнодорожных сообщений, пропагандировал паровые двигатели. Пятидесятилетним финансистом он возвращается к этой идее. «Он задал себе задачу — вырвать русские дороги из рук иностранцев», — пишет А. Чероков³⁴. И в этом, кроме понимания их стратегического значения, было еще и желание доказать, «что и русские неучи смогут строить такие же дороги на русские деньги и управлять ими»³⁵.

Это не было результатом необоснованных амбиций. Прежде чем строить дорогу до Сергиева Посада, по инициативе Ф. В. Чижева было проведено обследование, выяснившее поток потенциальных пассажиров, составлено экономическое обоснование. Первая линия, построенная на русские капиталы русскими специалистами, была позднее продолжена до Ярославля, а потом и до Вологды. О том, почему в это время дорога не была доведена до Костромы, А. А. Либерман высказал такое предположение: «Весьма вероятно, что сердце подсказывало Чижеву соединить рельсовым путем с Москвой и родную ему Кострому, но его британская строгость к общественному достоянию не позволила ему этого сделать: он сознавал невыгодность для Общества ветви до Костромы; эта ветвь была проложена после его смерти»³⁶.

Так что, едуци в Кострому из Москвы, неплохо было бы помнить, что ничто не возникает само по себе и обязательно должен быть человек, который замыслил сущее и выполнил его, а чаще всего таких людей было много. И хотелось бы верить, что такие люди еще появятся в нашем Отечестве!

Сложная финансовая операция была разработана Ф. В. Чижовым для того, чтобы выкупить у иностранных капиталистов Московско-Курскую железную дорогу. Лишь через 18 лет, вложив фактически весь наличный капитал в банковские акции, Ф. В. Чижов и его компаньоны должны были получить доход. Для Ф. В. Чижова это означало, что он не увидит этих доходов при своей жизни. Вот эти-то капиталы и завещал он на создание сети учебных и медицинских заведений у себя на родине, в Костромской губернии³⁷.

Низшее химико-техническое училище в Костроме было открыто в 1894 году, 26 сентября³⁸. В тот момент это было первое низшее училище с химической специальностью в России. Оно давало учащимся «теоретические и практические знания, необходимые мастерам на химических заводах и в красильных заведениях³⁹. Второе костромское училище — среднее механико-техническое, было открыто тремя годами позже, 2 сентября 1897 года, и готовило «техников, могущих быть ближайшими помощниками инженеров и других высших руководителей фабрично-заводских предприятий механических и электротехнических специальностей»⁴⁰.

Плата за образование была различной и соответствовала уровню образования, а значит, и последующей плате выпускникам: в начальном — 3, в среднем — 30 рублей в год. Но необходимо помнить, что бедные ученики освобождались от платы, получали пособия из специальных средств. Так, только в низшем костромском училище в год выплачивалось стипендий на 1000 рублей — сумма огромная по тем временам.

Для двух костромских училищ были куплены постройки упомянутого выше завода братьев Шиповых — первого механического завода в городе, где были устроены прекрасно оснащенные оборудованием мастерские. Достаточно сказать, что электричество во вновь построенных зданиях и мастерских училищ уже существовало в конце прошлого столетия (городская электростанция была открыта лишь в 1913 году), действовал собственный литейный цех и т. п.⁴¹.

В развитие идеи Ф. В. Чижова о необходимости прогресса российской «глубинки» были открыты училища в уездных городах Костромской губернии — Кологриве, Макарьеве и Чухломе. Там, кроме обучения необходимым в сельском хозяйстве ремеслам, готовили сыроделов, кожевенников, специалистов по переработке льна и т. д. Иногда, как в Кологриве и Чухломе, комплексы построек училищ образовывали целые учебные городки, снабженные всем необходимым.

Память о Ф. В. Чижове бережно сохранялась среди учеников и преподавателей училища. Было создано Общество бывших его выпускников, которое следило за судьбой закончивших училище, при необходимости оказывало поддержку.

Не было забыто и женское специальное образование. В 1902 году было открыто в Костроме Учебное родовспомогательное заведение при уездной земской больнице, которая находилась вблизи фабрик и обслуживала жителей западного промышленного района города. Заведение оказывало помощь родильницам и готовило повивальных бабок, то есть акушеров высшей квалификации⁴². Оно же осуществляло и санитарное просвещение работниц. Рассказывают, что выпускницам вру-

чался саквояж с набором необходимых инструментов и достаточным на первое время количеством медикаментов.

Так Ф. В. Чижов вернулся в родной город после своей смерти. Она случилась 26 ноября 1877 года в Москве. Бог послал ему легкий конец — он умер на руках у друзей и учеников от аневризма аорты.

Полная парадоксов судьба, опровергающая все стереотипные представления о русском характере. И. С. Аксаков, поминая его, говорит: «Немало был бы он сам удивлен, если бы в то время, когда он изучал историю искусств в Италии, так пламенно им любимой, кто-либо возвестил ему его позднейшую деятельность в звании железнодорожного строителя или учредителя банков»⁴³. Всю жизнь им руководила забота о России. Будем надеяться, что в нынешний критический момент в нашей стране явятся вновь такие люди.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аксаков И. С. Федор Васильевич Чижов. — М., 1893.

² Чероков А. Федор Васильевич Чижов и его связи с Н. В. Гоголем. — М., 1902.

³ Либерман А. А. Краткий биографический очерк Федора Васильевича Чижова. — М., 1905.

⁴ Симонова И. А. Социально-экономическая доктрина славянофильства во взглядах и деятельности Ф. В. Чижова. Автореф. дисс... канд. ист. наук. — М., 1987.

⁵ Либерман А., с. 7.

⁶ Чероков А., с. 7.

⁷ Аксаков И. С., с. 6.

⁸ Либерман А., с. 7.

⁹ Симонова И. А., с. 9.

¹⁰ См.: Андроников Н. О. Краткая историческая записка о Костромской губернской гимназии: Андроников Н. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии. — Кострома, 1874. — С. 5.

¹¹ Андроников Н. О., с. 6.

¹² Там же, с. 7.

¹³ Там же, с. 6.

¹⁴ Андроников В. А. Памяти Н. Ф. Грамматина. // Костромская старина. Кострома, 1905. — Вып. VI. — С. 124.

¹⁵ Андроников Н. О., с. 8—9.

¹⁶ Там же, с. 9.

¹⁷ Там же, с. 10.

¹⁸ Либерман А. А., с. 7.

¹⁹ Цит. по кн.: Либерман А. А., с. 8.

²⁰ Чероков А., с. 7.

²¹ Либерман А., с. 8.

²² Там же, с. 10.

²³ Там же.

²⁴ Цит. по кн.: Либерман А., с. 8.

²⁵ Цит. по кн.: Чероков А., с. 8.

²⁶ Цит. по кн.: Чероков А., с. 10.

²⁷ Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. — М., 1989. — С. 396, прим. 99.

**ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ ФОНДА КУЛЬТУРЫ
О ВОССТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ
КОСТРОМСКОГО КРАЯ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

«Ваше письмо, посвященное костромским названиям, больно затронуло меня. Сколько мы утратили драгоценного. Издавна считается, что иное слово дороже вещи, а что и говорить, когда речь идет о том, что существовало извека. Впрочем, отвечаю по предложенному порядку.

Молвитино таковым и должно быть. Что за нелепость: Сусанин, де, происходил из крестьян поселка Сусанино. Восстановление надо сделать незамедлительно.

Семеновское-Лапотное, известное всем по Кустодиеву, таковым и должно быть. Сколько в этом названии мощи и красоты.

...Исторические названия в Костроме должны быть восстановлены. Сусанинская площадь, называть ее площадью Революции — просто-напросто нелепо. Почему Кострома лишилась Сенной площади? Когда ко мне в Москву приезжал Всеволод Никанорович Иванов, наскитавшийся по миру, он подарил мне свою книгу «На Нижней Дебре». Старейшее костромское название, о нем в годы детства я написал стихотворение «Первый костромич». Надо быть совершенно глухим человеком, чтобы назвать Нижнюю Дебрю улицей Кооперации! Почему Кирпичный переулок стал улицей Терешковой? Как было бы хорошо, если бы у нас снова появился Жоховский переулок, Богословский переулок, Борисоглебский переулок, улицы Ильинская, гостиница «Старый Двор». С кинотеатром «Пале» у меня связаны самые трогательные припоминания — название так отвечало духу времени.

...Мы должны вернуться к своим истокам, существует философия названий. За пренебрежение мы жестоко расплачиваемся. Медлить с делом, имеющим культурно-историческое значение, никак нельзя — век на исходе. Недаром говорилось — каковы веки, таковы и человеки».

Е. И. Осетров,
писатель, костромич по происхождению (Москва).

²⁸ Чероков А., с. 13.

²⁹ Цит. по кн.: Либерман А., с. 8.

³⁰ Чероков А., с. 28.

³¹ Об этом см.: Симонова Н. А., с. 17—18.

³² Цит. по кн.: Либерман А. А., с. 25.

³³ Чероков А., с. 33.

³⁴ Чероков А., с. 35.

³⁵ Там же, с. 36.

³⁶ Либерман А., с. 37, выделено им.

³⁷ Сборник в память столетия со дня рождения Федора Васильевича Чицова. — Кострома, 1911. — С. 60.

³⁸ Там же, с. 67.

³⁹ Там же, с. 60.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, с. 58.

⁴³ Аксаков Н. С., с. 1.

«Отвечаю по пунктам.

1. Я — за Молвитино. Семеновское-Лалотное — очень соблазнительно и мило, но и против Островского как-то возражать ум не поворачивается.

2. Я бы оставил д. Некрасово, а озеру вернул древнее название — Святое.

3. Из названий улиц я бы оставил Горную и Крестьянскую, т. к. церковей уже нет, а новые названия, на мой взгляд, симпатичны: и гора весьма крутая, и крестьянство помнить надо.

4. Техникум имени Ф. В. Чижова — безусловно! Ипатьевская слобода — конечно!».

В. С. Розов,

драматург, лауреат Ленинской премии (Москва).

«...Мое мнение о восстановлении исторических названий в Костроме и области таково:

1. Я — за восстановление таких названий, как Молвитино, Семеновское-Лалотное, Парфеньев, село Святое и озеро Святое, Зиньевско, Сусанинская площадь, Сенная площадь, ул. Нижняя Дебря, ул. Мшанская, гостиница «Старый Двор», техникум им. Ф. В. Чижова,

2. Считаю нужным сохранить ныне существующие названия: ул. Советская, ул. Войкова, ул. Терешковой, ул. Горная, ул. Крестьянская, Музейный переулок, кинотеатр «Художественный», Трудовая слобода...».

В. Н. Иванов,

заслуженный деятель искусств РСФСР,
автор книги «Кострома» (Москва).

«Я думаю, что каждому из нас знакомо чувство разочарования и даже обиды, когда, взяв в руки интересную книгу, мы не насчитываем в ней многих страниц. То же самое происходит и с книгой истории нашего края и города. Патриотизм, настоящую глубокую любовь к Родине мы не можем воспитать в наших детях одними только призывами, необходимо серьезное изучение не только настоящего (которое может не всегда радовать), но и славного прошлого. И одним из важных факторов формирования исторической памяти я считаю восстановление всех утраченных названий.

1. Это касается и таких древних поселений, как Молвитино, Семеновское-Лалотное (или хотя бы Семеновское), поселок Парфеньев.

2. Необходимо восстановить и такие названия, как село Святое и Святое озеро, названных так после победы над татарским отрядом в XIII веке, когда, по свидетельству древнего сказания об иконе Федоровской Божией Матери, костромичам была явлена помощь свыше. Необходимо восстановить село Зиньевско в Костромском и деревню Бухарино в Парфеньевском районах, их переименования связаны с известными сталинскими процессами...

3. Необходимо вернуть и самой Костроме: Сусанинскую площадь, Сенную площадь, ул. Нижнюю Дебрю, ул. Русина, ул. Ильинскую, Жоховский, Богословский, Борсоглебский, Воскресенский переулки и др. Ведь многократно уже говорилось в печати о том, что новые названия можно использовать во вновь строящихся районах города. Получается, что мы и исторические названия утратили, и новые улицы становятся безликими Профсоюзными, Индустриальными и другими — в том же духе.

Химико-механический техникум был в свое время основан на средства нашего земляка Ф. В. Чижова (строителя железных дорог, ученого, патриота) и по праву должен, как и прежде, носить его имя.

Именем Красина можно наименовать любой другой техникум. Хорошо бы восстановить и Ипатьевскую слободу, ибо прежнее название чаще употребляется в обиходе, чем нынешнее — Трудовая. Гораздо красивее и лиричнее название гостиницы «Старый Двор», чем казенное — «Центральная».

4. Необходимо положить начало возвращению нашей исторической памяти, с возвращением старых названий будут открываться и другие забытые и утраченные страницы книги Истории. И не надо бояться материальных затрат, они будут многократно компенсированы воспитанием глубокого и серьезного отношения к прошлому и более ответственным отношением к настоящему и будущему».

Протоиерей А. Андросов,
ректор Костромского духовного училища (Кострома).

«Возвращение утраченных исторических названий — это, во-первых, восстановление поправной справедливости, во-вторых, — это воссоздание некоего русского облика России, которую всячески терзали долгие 70 с лишним лет.

Лик России, трепетно-загадочный и неповторимый, был подвержен варварской пластической операции, которую сотворили вандалы по своему образу и подобию. Слава Богу, настала пора, когда другие, теперь уже добрые руки, получили возможность делать другую и куда более сложную операцию, пытаясь хоть частично воссоздать Россию...

То, что предлагает наше областное отделение Фонда культуры, вызывает очень хорошее ощущение, возникающее всегда, когда начинается восстанавливаться справедливость. Лично я всей душой стою за возвращение почти всех прежних названий. Как тепло, образно и неофициально звучат старинные названия: гостиница «Старый Двор», улицы Нижняя Дебря, Мшанская, переулочки Борисоглебский, Воскресенский и многое другое. И как скучно, и до тошноты однообразно (потому как в каждом городе все едино): пл. Революции, пр. Мира, ул. Советская и т. п.

Но некоторые изменения из тех, что указаны в анкете, вызывают сомнения вот какого рода. Нужно много времени, терпения и большой культуры, чтобы вернуть затюканным лишениями, утратившим в массе своей исторические корни нашим людям ощущение привлекательности таких названий, как, например, Семеновское-Лапотное (Семеновское — еще-де, куда ни шло, а вот Лапотное — это уже оскорбляет чей-то слух), ощущение того, что в этом названии слышится история их края, что через него протягивается удивительная нить, которая волшебным ведет в давно ушедший мир, ведь старинное название — это своего рода машина времени, позволяющая воссоздать в воображении далекую эпоху.

Считаю, что в опросе населения по поводу возвращения утраченных названий не может служить аргументом «за» или «против» личностное ощущение связи с каким-либо местом: «Я здесь, на этой улице, живу сызмальства, представить другого названия не могу...» и т. п. Такая точка зрения потому и ущербна, что грешит стереотипностью мышления и полным разрывом с историей, что является нашей общей бедой.

Насчет кинотеатра «Художественный» (бывший «Пале»). Стоит ли изменять? Если вошедший в моду кинематограф изобрели братья-французы, то понятно, почему один из первых кинотеатров назвали так. А сейчас это название опять же, к сожалению, пустой звук для очень и очень многих, к тому же раздражающий, как и все незнакомое.

О химико-механическом техникуме им. Красина (бывшем училище

имени Ф. В. Чижова). Где же историческая память, светлое чувство уважения к Ф. В. Чижову; когда по прошествии многих десятков лет функционирует учебное заведение, созданное по его воле, в нем успешно трудятся преподаватели и сотрудники, сотни ребят получают хорошие профессии, а техникум носит имя человека, не имеющего к нему никакого отношения?!

Наша поддержка начинаний отделения Фонда культуры — это наша малая попытка избавиться «от малодушия и окамененного нечувствия», говоря словами молитвы Иоанна Златоуста.

С. Н. Черепанова,
преподаватель политехникума (Кострома).

ДИСКУССИЯ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ УЛИЦ ГОРОДА НЕРЕХТЫ

В октябре 1989 года на Дневских чтениях, посвященных 195-летию со дня рождения выдающегося историка костромского края М. Я. Диева, участники их приняли открытое письмо к властям и населению г. Нерехты с предложением восстановить исторические названия ряда старинных нерехтских улиц. Письмо это было опубликовано и в областной газете «Северная правда», и в районной «Нерехтская правда» и вызвало на страницах последней оживленную дискуссию, материалы которой мы и предлагаем вниманию читателей (в сокращении). Помещаем и само письмо участников Дневских чтений.

«Уважаемый председатель исполкома Нерехтского городского Совета народных депутатов В. В. Малов, депутаты Нерехтского горсовета, жители Нерехты.

В этом году мы отмечаем 195 лет со дня рождения выдающегося русского ученого, историка и этнографа, уроженца нерехтского края протоиерея Михаила Яковлевича Диева.

Радостно видеть, как на наших глазах возрождаются памятники архитектуры старой Нерехты, как все больше возвращает город свой прежний неповторимый облик. Вместе с памятниками архитектуры все больше и больше возвращается к нам и память о наших земляках, живших и работавших тут. Впервые столь широко и искренне отмечаем мы юбилей историка Диева.

Совместными усилиями общественности, организаций и учреждений, органов власти приняты меры к благоустройству места захоронения ученого, открыты памятные доски на зданиях Нерехты, связанные с его жизнью и творчеством, впервые проведены Дневские чтения. Будем надеяться, что будут переизданы и вновь возвращены людям научные труды этого выдающегося человека.

Мы привыкли отмечать юбилей замечательных людей тем, что в городах, в которых они родились или жили, называем в их честь улицы, но мы хотели бы нарушить эту традицию, точнее, продолжить ее в духе нашего времени, в духе подлинного уважения к нашему прошлому. Мы предлагаем отметить дневский юбилей (равно как и миновавший юбилей самой Нерехты) возвращением нескольким нерехтским улиц их исконно исторических имен. Пусть не только возрожденные трудом реставраторов памятники зодчества, а и названия улиц, данные им нашими предками, вернутся к нам.

Мы предлагаем восстановить следующие исторические названия улиц Нерехты: ул. Никольская (ныне — ул. Володарского) — на этой улице стоит дом М. Я. Диева, ул. Костромская (ныне — ул. Орджоникидзе) — на этой улице в бывшем Мариинском женском училище М. Я. Диев много лет преподавал, ул. Нижегородская (ныне — ул.

Красной Армии) — эта улица ведет к бывшему Троице-Сыпанову монастырю, в котором М. Я. Диев долгие годы жил и работал, где написана была большая часть его научных трудов.

Пусть древний город вернет себе хотя бы малую часть названий своих древних улиц.

С уважением участники Дневских чтений» (52 подписи).
(«Нерехтская правда», 20. II. 1989).

Можно ли иначе?

В обращении участников Дневских чтений, опубликованном в номере газеты за 29 ноября, содержится просьба вернуть прежние названия улиц Нижегородской (Красной Армии), Костромской (Орджоникидзе), Никольской (Володарского), Суворовской (Бебеля). (Последнее название в письме участников Дневских чтений не упоминается. — Редколлегия). Неплохо бы вспомнить еще одну улицу — Крякутного (ныне — ул. Гагарина)...

Н. Иконописцев,
(«Нерехтская правда», 3.01.1990).

Нет, нельзя иначе.

Я, коренной житель Нерехты, прочитал заметку Н. Иконописцева о том, чтобы вернуть улицам города старые названия. Хочу спросить автора: чем провинились перед ним люди, которые внесли немалый вклад в дело революции и за что заплатились своей жизнью, такие, как Орджоникидзе, Володарский, такой теоретик, как Бебель, Красная Армия, разгромившая интервентов в годы революции, и в годы Великой Отечественной войны разгромила фашизм — чуму всего человечества?.. Он предлагает заменить на старые, ничего не выражающие названия улиц. Вероятно, т. Иконописцев плохо знает историю города. Были и другие названия улиц: Лабазная, Огородная, Кисельная, Кладбищенская, Козыревакая, Вокзальная, Поперечная. Были и Пахомовка, и Крякутного, который прославился тем, что надул мешок дымом вонючим и нечистая сила подняла его выше березы, ударилась о колокольню, уцепилась за веревку, чем звонят, и так остался жив. (Этот миф пришел из Рязани). Неужели наш горисполком пойдет на то, чтобы вернуть городу всю эту чуму? Да и мы, нерехтчане, это сделать не захотим.

А. Бедов,
ветеран войны и труда.

От редакции: Автор высказал свое личное мнение, с которым можно согласиться, а можно и поспорить. Жителей Нерехты, мы уверены, не может оставить равнодушными затронутая тема.

(«Нерехтская правда», 12.01.1990).

Истоки народной души

В журнале «Наше наследие» (№ 1 за 1989 г.) в статье «Имя нашего дома» есть слова нашего знаменитого соотечественника Н. К. Рериха: «...желающий прикоснуться к душе народа, должен искать истоки». В исторических названиях улиц, городов, сел и деревень как раз и лежат истоки народной души. В газете «Нерехтская правда» (№ 7 за 1990 г.) в статье «Нет, нельзя иначе» А. Бедов в очель оригинальной форме выражает свое несогласие со статьей Н. Иконописцева, в которой предлагается вернуть некоторым улицам г. Нерехты их исконные исторические названия.

Вот слова Бедова: «Неужели наш горисполком пойдет на то, чтобы вернуть городу эту чушь? Да и мы, нерехтчани, это сделать не захотим». Но А. Бедов — это еще не «мы, нерехтчани», и говорить от имени нерехтчан, считаю, не уполномочен. Речь должна идти не о теории Бебеля, а о Нерехте, которой исполнилось 775 лет, о восстановлении ее исторических памятников культуры народа, в том числе и исторических названий улиц города.

Вот кратце. Улица Бебеля — это улица А. В. Суворова, российского полководца, гордости русского народа. В «Костромских губернских ведомостях» писалось о том, что А. В. Суворов, проезжая в свое имение Сараво, отстоявшее от Нерехты в тридцати верстах, останавливался в г. Нерехте, что к нему обращалась делегация нерехтчан с просьбой ходатайствовать перед губернскими правителями о выделении денежных сумм для постройки нового моста через реку Нерехту. Суворов ходатайствовал, и помощь была оказана.

Улица Красноармейская — это улица Нижегородская. Ведет она на юго-восток, к городу Нижнему Новгороду (г. Горький) — на родину патриста земли русской Козьмы Минина.

Улица Орджоникидзе — это улица Костромская, то есть дорога ведет в г. Кострому.

Улица Володарского — это улица Никольская. На этой улице стоял и сейчас стоит отреставрированный красивый памятник культуры — храм Николаю-угоднику.

Улица Розы Люксембург — это улица Благовещенская, и ведет она от отделения связи к церкви Благовещения.

Улица Ленина — это улица Суздальская. Ведет она прямо на юг, через торговое село Писцово, через г. Тейково в красивейший город Суздаль...

А. Бедов обвиняет Н. Иконописцева в «смертном грехе»: «посягает автор еще и на дорогое нам имя В. И. Ленина. Он предлагает заменить на старые, ничего не выражающие названия улиц». Этот прием, примененный А. Бедовым, взят из времен сталинской эпохи. И направлен он на то, чтобы припугнуть Н. Иконописцева и других граждан Нерехты и района, кто солидарен с Н. Иконописцевым. Но, как говорят, поезд уже ушел. Не то время, чтобы пугать. От того, что улице будет возвращено исторически ей принадлежащее имя, репутация В. И. Ленина несколько не пострадает. При своей жизни В. И. Ленин, наверное, не был бы в восхищении от того, что его имя стали бы наклеивать на тысячах городов, улиц и площадей. Маскируясь именем Ленина, огромный сталинский аппарат стремился уничтожить исторические корни России и, переименовав старые названия городов, площадей и улиц и т. д., увековечить свои имена...

Я считаю исторически необходимым возвращение центральным улицам города Нерехты их исторических, прежних наименований. А из архитектурных памятников (церквей) вывести производства хлебокомбината и макаронную фабрику.

Уважаемые граждане г. Нерехты и Нерехтского района, слово за вами.

И. Жидков,
г. Нерехта.

(«Нерехтская правда», 6.02.1990).

Не утратить бы самобытности

В последнее время на страницах газеты часто можно встретить различные мнения по поводу названий улиц. Посмотрим на другие города нашей страны... В Калуге есть улица Пушкина — по ней когда-

то проезжал великий русский поэт. А улица, на которой жил Циолковский, носит имя выдающегося основоположника современной космонавтики... А что же у нас? Получили в известное время наши улицы имена Жданова, Орджоникидзе, Добролюбова, Чернышевского, Бебеля, К. Либкнехта. А они о Нерехте и знать-то не знали... Город наш древний, поэтому надо вернуть ему некоторые старые названия, к чему призывали в своем обращении участники Дневских чтений. Хотелось бы, чтобы не только памятниками архитектуры славилась наша Нерехта, но и самобытными, только ей присущими названиями улиц...

И если речь заходит о возвращении улицам старых названий, то это не значит, что Володарский, Орджоникидзе чем-то провинились или кому-то помешали...

В. Шестеров,
учащийся СПТУ-27, слушатель школы общественных корреспондентов. («Нерехтская правда», 6.02.1990).

Это наша Родина

Совсем не согласен с А. Бедовым, пусть он и житель Нерехты. А вот Н. Иконописцев прав, он помнит наши корни, чтит предков. Чем плохи имеющие связь с жизнью Нерехты улицы Лабазная (ее до сих пор все старожилы знают), Огородная, Кисельная, Кладбищенская, Вокзальная, Поперечная, Пахомовка, Крякутного? Они памяты для потомков. Не надо искать их по городу, каждому известно, где они находятся. А вот где, в какой части города находятся улицы Орджоникидзе, Володарского, Бебеля — без справки не ответишь. А назови: Костромская, Никольская — сразу станет ясно.

Считаю, не обиделся бы Бебель, если бы улице вернули ее прежнее название — Суворова... Теперь стоит спросить: чем станут хуже улицы Суздальская и Нижегородская, если в их окверах будут установлены памятники вождю революции В. И. Ленину и героям Красной Армии?..

А. Измайлов,
г. Нерехта.
(«Нерехтская правда», 6.02.1990).

Поддерживаю Бедова.

Прочитал в газете «Нерехтская правда» заметку «Нет, нельзя иначе» А. Бедова. Он пишет все правильно — улицы переименовывать нельзя, потому что они (надо полагать, названия — примеч. ред.) завоеваны нашими отцами и дедами.

Я живу в Нерехте с 1932 года и помню их, мы бегали, играли на этих улицах. Я против г. Иконописцева. Он, оказывается, не знает истории Нерехты. А если ему нужны имена улиц — строительства сейчас много, пусть найдет другие улицы...

К сожалению, подпись ветерана войны и труда неразборчива, указан адрес: ул. Серова, 5. («Нерехтская правда», 6.02.1990).

Из нерехтского музея нам передали еще одно письмо, затрагивающее проблему восстановления исторических названий г. Нерехты, и хотя этому письму уже более четырех лет, мы сочли нужным поместить и его в эту подборку.

Подумаем вместе.

«...Нарядный вид поднявшейся звонницы и куполов отреставрированной Никольской церкви (вскоре и колокольня бывшего Казанского собора из полубелой превратится в чисто-белую) свидетельствует о

том, что и в Нерехте изменилось отношение к архитектурному наследию и, стало быть, должно сложиться правильное отношение ко всей истории города и нерехтской земли.

Без лишней ностальгии обратимся к истории городских улиц, к их названиям. О русском Генералиссимусе А. В. Суворове знаем многое. Многие знают, что в своем Сараевском имениннике... великий полководец не раз бывал, проезжая через Нерехту и отведавывая нравившиеся ему нерехтские калачи. Но уже мало кто знает, что именем А. В. Суворова была названа одна из улиц Нерехты. Суворовская улица значилась в планах города и в конце XIX, и начале XX веков. Но после установления Советской власти многие городские улицы были переименованы, и Суворовская улица стала именоваться улицей Бебеля. А, может быть, стоит подумать вместе и вернуть этой улице первоначальное название, дабы не зачеркивать страницу истории?

Другой пример. В истории нашего города немаловажное значение имело солеварение. Кое-кто об этом знает хотя бы по названию нашей реки Солоницы. И самая крайняя (по тем временам) улица города, но и самая близкая к Солонице, называлась Усольской — то есть бывшая у солей. Но и эта улица велемнем того же времени стала называться другим именем.

Из памяти современных жителей города постепенно стирается название Егорьева гора. О том, что на ней в далекие времена было богатое Егорьево сельцо, уже почти никто не знает. В свой «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даль, паверное, не без оснований записал выражение: «сыт (богат), как Егорьева гора, Нерехта». Только старожилы помнят, что эта самая гора, покрытая зеленью деревьев и кустарников, была излюбленным местом отдыха всех нерехтчан, местом первых маевок. И одна из улиц, «вползающих» в эту гору, носила название этой же горы, но теперь она названа улицей Незамаева, будто из полутораэта улиц города только одна эта достойна носить имя нерехтского военкома 1918—19 годов, погибшего на Украине в борьбе с белополяками.

...Подумаем вместе над тем, что можно предпринять, чтобы сохранить большую историю нашей маленькой родины.

И. Большаков,
председатель городского совета ветеранов,
(«Нерехтская правда», 17.11.1987).

II. ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ

КОЛГУШКИН Л. А.

КОСТРОМСКАЯ СТАРИНА

Леонид Андреевич Колгушкин (1897—1972) прожил жизнь яркую и трудную. По рождению ярославец, он вырос в Костроме на Ивановской улице и учился в старой гимназии на Муравьевке. Леонид Андреевич и его семья перенесли все, что выпало на долю нашему народу в этом веке. Немало людей еще помнят его как директора костромской школы слепых (он возглавлял ее с 1933 по 1959 год), но только узкому кругу краеведов известно, что в последние годы жизни он работал над книгой «Костромская старина», посвященной Костроме своего детства и юности, городу начала XX века. Спустя десятилетия, много испытав и пережив, Леонид Андреевич вспоминал, какой была Кострома тогда — до революции.

Труд Л. А. Колгушкина — это, по сути, энциклопедия быта и нравов той, навсегда ушедшей от нас жизни. Написанная с любовью, честно и объективно, эта книга не увидела света в свое время, на что надеялся ее автор. Время для ее публикации пришло только сейчас.

Редколлегия «Костромской земли» благодарит вдову Леонида Андреевича — Елену Ивановну Колгушкину, любезно предоставившую в наше распоряжение текст, который мы и предполагаем опубликовать с некоторыми сокращениями.

* * *

Гл. I. Прогулка по Костроме.

Кострома в начале XX века была очень красивым зеленым городом. Особенно привлекателен был вид Костромы с Волги, а более всего с противоположного берега, от села Городища. Если бы мы в те годы жарким летом взойшли на высокий городищенский холм, то перед нами раскрылась бы вся величественная зеленая панорама города, протяженностью свыше четырех километров. Влево от нас, на стрелке, образованной Волгой и рекой Костромой, за белыми каменными стенами мы бы увидели твердыню православия — Ипатьевский монастырь с его златоглавым собором, а за ним — зеленую пойму заливных лугов... Правее далеко простираются каменные громады корпусов Кашинской фабрики. Ближе к берегу — фанерные и лесопильные заводы Кузнецова, Страшнова, Шиллинга с огромными штабелями бревен, пиломатериалов и дров. Несколько выше — корпуса «арестантских рот», торговая школа, Григоровская женская гимназия, Духовная семинария, Молочная гора, пекарни, почлежный дом, военные склады, базар и маленький бульварчик. По самому берегу мы увидели бы не менее 7—8 пристанских дебаркадеров, начиная от перевозной пристани и кончая казенной. Несколько выше пристаней нам бросились бы в глаза несколько доходных каменных зданий, бани Зимина, богадельня, мукомольная мельница Аристова, а далее — винокуренный завод Третьякова и маслобойный завод Толстопятова, а там, за Черной речкой, на изгибе Волги, мы увидели бы Татарскую слободу с невысоким минаретом мечети, стоящей на самом берегу Волги.

Ярусом выше нашему взору представилась бы картина пещи всего города с небольшим числом каменных особнячков буржуазии, купцов и помещиков, окруженных множеством небольших деревянных домиков мещан, ремесленников и служащих. Изобилие церквей, окрашенных в белый, розовый, голубой и желтый цвета, с золочеными, посеребренными, голубыми и зелеными главами и золотыми крестами дополняло ансамбль купеческо-мещанского города...

Слушившись с городищенского холма через Спасо-Никольскую слободу, пройдем к пристани, сядем на перевозный пароход «Бычков» и переедем на левый берег Волги. Если мы подойдем к самому отходу, то это путешествие займет у нас не более 20 минут, так как пароход медленно тянет за собой большой паром, загруженный до отказа возами различного груза и легковыми извозчиками. Если же мы немного опоздаем, то наш переезд из-за погрузки и разгрузки парохода затянется не менее как на час.

Ступив на берег и пройдя по сыпучему песку или по грязи, если прошел дождь, мы войдем в городские ворота. Это два высоких белых обелиска, украшенных золочеными двуглавыми орлами, — главная городская застава. Запинаясь за выбитые камни потрепанной булыжной мостовой, поднимаемся по Молочной горе. Налево от нас — каменное здание пекарни Кореновкиной и казенная винная лавка, около которой всегда толпа постоянных посетителей — «золоторотцев» или «зимогоров», как в Костроме называли босяков, грузчиков, плотогонов и прочих любителей продукции этой лавочки. Направо — такой же курень (пекарня) Таганцева, а выше по обеим сторонам — лавчонки, торгующие различной неприхотливой снедью (часто и недоброкачественной), пивные, чайные, с продажей крепких напитков.

Наверху справа — знаменитая в то время чайная «Колпаки» (ныне здесь находится типография им. Горького). Эта чайная была резиденцией правления костромского отделения знаменитого «Союза русского народа» — «черной сотни», как в то время называли ярых защитников веры, царя и отечества. Тут же нашло себе место «Общество трезвости», также являвшееся реакционной организацией, вербующей в «черную сотню» провокаторов, шпионов, штрейбрыхеров и прочих предателей оживающего рабочего класса. «Колпаками» эту чайную называли в народе за то, что официантки в ней носили белые колпаки, официально же она называлась «Чайная-столовая Общества трезвости». Можно подумать, что в этой чайной действительно насаждалась трезвость, но это было совсем не так — по требованию потребителя водка, вино и пиво подавались в неограниченном количестве.

Около этой чайной была биржа ломовых извозчиков. Здесь же было и самое оживленное место. Говор, грохот колес, ржание лошадей, площадная брань, драки перепившихся людей — все сливалось в сплошной гул бойкого торгового места. Кроме ломовых извозчиков, тут все время находились так называемые «ваньки». Это были крестьяне близлежащих деревень, выезжающие в город на сезонный заработок. Они отличались от коренных извозчиков слабыми, рабочими лошаденками, бедной экипировкой упряжи, а также более дешевой таксой за проезд. Чаще всего «ваньками» пользовались менее обеспеченные жители для поездки на вокзал, в ночное время, а также для деловых разъездов по городу на более дальние расстояния.

В самом верху справа, выше «Колпаков», была часовня, где монахини продавали свечи, просфоры, ладан, крестики, иконки и прочие ритуальные предметы.

Поднявшись в гору, мы оказались бы около большой розовой часовни, стоящей как раз против Молочной горы. В ней время от времени

по заказу служили молебны и также торговали предметами религиозного ритуала. Говорят, что эта часовня была построена в конце 80-х годов прошлого века в память «убиения» царя Александра II...

За часовней была прямоугольная площадь, гладко утрамбованная и огороженная небольшими полосатыми черно-белыми столбиками. Ее называли «плацпарадом», так как там проводились строевые занятия солдат местного гарнизона и полицейских соединений.

Справа от нас — торговые ряды или, как их тогда называли, «Гостинный двор», а слева такие же — «Мучные ряды». Не заходя туда, мы подходим к памятнику Ивану Сусанину и знакомимся с центром города от круглого сквера. Мы видим пожарную каланчу с постоянно ходящим вверху дежурным пожарным, в открытые для проветривания ворота обозных сараев любуемся красивыми красными дорогами с блестящими медными атрибутами, бочечными выездами. В глубине, в стойлах, слышим конский топот, пофыркивание лошадей и хруст поедаемого сена. Оттуда доносится характерный, пряный запах конюшни.

Через улицу — военная гауптвахта с часовым на площадке около полосатой будки, тут на металлическом флагштоке подвешен ярко блестящий колокол для вызова караула в «ружье». Проходим через длинный сквер, против Присутственных мест, который называли «Ботаниковским», мимо гостиницы «Кострома» и подходим к небольшой, розового цвета церкви Воскресения «на площадке». Она была огорожена металлической резной оградой и занимала довольно большую территорию в самом начале Русинной улицы (церковь снесли в конце 20-х годов). Площадь между церковью, Гостинным двором и зданием городской думы называлась Воскресенской. Она была вымощена булыжным камнем, и на самой ее середине стояла высокая, трехэтажей, водокачка, где в базарные дни останавливались сотни крестьянских подвод с различными сельскохозяйственными продуктами. К зданию городской думы в сторону Русинной улицы примыкали «Масляные ряды», а в сторону базара — «Табачные».

От церкви Воскресения пересечем улицу по направлению к гостинице «Старый Двор» на Ильинскую улицу и через главные ворота войдем на городской бульвар. Эти ворота были немного левее кинотеатра «Малый», которого в то время еще не было.

Перед нами — вид на широкую, тенистую липовую аллею, по обеим сторонам которой расставлены серые деревянные скамьи со спинками. Поперек аллеи подвешены большие круглые фонари с керосиновыми лампами внутри. Своим видом они очень напоминали турецкие барабаны. Аллея шла овалом, но повороты ее и противоположная часть в сторону базара и соборной площади почти всегда пустовали, а посетители бульвара гуляли и отдыхали главным образом на центральной ее части, где была эстрада для духового оркестра, а в овале за резным палисадником находился летний ресторан. По сторонам главной аллеи были узкие аллеи с простыми скамейками. Во время гуляний по главной аллее взад и вперед ходили учащиеся, офицеры, чиновники, а по боковым — рабочая молодежь, горничные, солдаты и другая «простая» публика.

На территории ресторана в глубине стоял главный павильон с буфетом и кухней, перед ним на площадке находился красивый фонтан с мальчиком, державшим в руках большую рыбу, изо рта которой били струи воды. В бассейне фонтана всегда плавали живые рыбы, чаще всего — стерляди. Рыбы привлекали к фонтану детей и подростков. С боков по обеим сторонам фонтана стояли беседки, по желанию клиентов закрывающиеся суровыми шторами. Там посетители могли заказать блюда, попить чаю, кофе, какао. Разгулявшиеся купцы и чиновники

любили покурить в узкой компании в этих беседках. На бульваре было несколько павильонов с мороженым, сладостями и лимонадом.

С бульвара боковыми воротами мы выйдем на Соборную площадь, мощенную мелким булыжником. На этой площади проходили военные парады в табельные и так называемые «царские» дни, а также собирались «крестные ходы» на крещенское водосвятие или вокруг города. Над Соборной площадью возвышался кафедральный собор с его пятиэтажной белой колокольней, раскрашенной синей отделкой с большим количеством позолоты на главах и крестах. Оригинальные часы с золочеными стрелками были вмонтированы в верхней части колокольни на все четыре стороны. Они отбивали мелодичным боем каждый час, полчаса и четверть часа. Собор был окружен большой и высокой белокаменной оградой. Он был виден с паромов за 10—15 километров и весьма украшал общий ансамбль города. По какому-то недоразумению он не был включен в список архитектурных памятников старины и был уничтожен в тридцатых годах...

С Соборной площади пройдем на маленький бульварчик и по валу спустимся к красивой белой беседке, стоящей на самом обрыве к Волге. Говорят, что этот вал остался от крепостного, окружавшего в древности город. Беседка окружена массивной чугунной оградой.

...Из беседки открывается вид на все Заволжье, которое, несмотря на то, что там был железнодорожный вокзал, представляло из себя простую деревню, и только лишь на главной, Московской, улице было несколько каменных домов и складских помещений. По самому берегу Заволжья были проложены две параллельные линии железнодорожных путей для перевозки дров, кирпича и прочих грузов. Кругом видны густые березовые рощи, в тени которых костромские фабриканты Чумаковы, Зотовы и другие имели свои дачи. Никаких крупных производств в Заволжье не было. Население состояло из ломовых и легковых извозчиков, мелких кустарей, торговцев, железнодорожных рабочих и служащих, жителей соседнего села Селища, которые, кроме крестьянства и извоза, занимались сапожным промыслом, и их продукция высоко ценилась крестьянами за прочность и относительную доступность по цене.

Городской берег Волги был очень оживленным. У самого маленького бульварчика была дачная пристань паромства Набатова, за ней — купальня. Дачные пароходики «Муравей», «Пчелка» и другие непрерывно курсировали вниз по Волге, приставая к каждой даче. Много было товаро-пассажирских и скорых паромств, в начале нашего века между ними была жесточайшая конкуренция. Одни общества вытесняли другие. В первые же годы века прекратили свое существование общества: «Зевеке», «Зарубин», «Каменские». Прочнее держались паромства: «Кавказ и Меркурий», «Кашинной», «Русь», «Общество по Волге» и «Самолет». Последние два паромства имели наилучшие, быстроходные пароходы, предпочитаемые более обеспеченными пассажирами. Общество «Русь» приобрело от общества «Зевеке» пароходы особой конструкции, называемые американскими. Они имели по две рядом стоящие в передней части корпуса высокие черные трубы, а за кормой — огромное колесо. Названия их также были американские: «Алабама», «Миссури», «Миссисипи», «Амазонка» и другие, это были очень тихоходные пароходы. Вся нижняя палуба у них была приспособлена для перевозки скота и тяжелых грузов. Такса за провоз пассажиров на них была самая низкая, вполне доступная для беднейших людей. Несколько позднее паромство приобрело более совершенные пароходы с одной трубой, но с таким же задним колесом, названия их соответствовали драгоценным камням: «Алмаз», «Изумруд», «Топаз», «Бирюза» и другие. Эти пароходы

были окрашены в белый цвет, имели деревянный корпус, были чище и быстроходнее.

Пристани и пароходы имели отличительную окраску. Самолетские были розовые, Общества по Волге — белые. Другие были голубые, фисташковые и т. д. Последней по течению реки была «казенная» пристань с белоснежными небольшими пароходами — «Свяга», «Межень» и «Стрежень». Это была речная полиция, выполняющая на реке инспекторские функции.

Весь берег у пристаней был завален штабелями ящиков, мешков, корзин и бочек с различными грузами. Эти штабеля были прикрыты громадными брезентами. Шум, грохот, звон цепей и якорей, разноголосые гудки пароходов, крики и площадная брань грузчиков, снующих с огромными тюками взад и вперед по трапам, — все сливалось в единое целое, создавая картину напряженной работы волжского порта. Запах смолы, речной сырости, рыбы, зловония гниющего навоза и пищевых отходов заражали воздух всего берега. Разъезженная ломовыми подводами земля почти никогда не просыхала.

С нашей воображаемой экскурсией мы поднимемся на более высокую часть набережной и пройдем мимо целого ряда торговых ларьков, где можно купить любые съестные продукты. В них развешены связки копченой воблы, баранок, а на полках и на прилавках разложены бутерброды, булки, колбасы, селедки, консервы, фрукты, конфеты и прочее. Основными покупателями всех этих товаров были транзитные пассажиры, пароходные команды и грузчики, которые, бесспорно, нередко получали желудочно-кишечные заболевания.

Не задерживаясь на набережной, мы поднимаемся в гору на Муравьевку. Этот уютный уголок всегда был и остается до сих пор любимым местом отдыха костромичей, в особенности учащейся молодежи. Узкая аллея начиналась от Борисоглебской горы, где слева, на пригорке, за железной оградой стояла розовая церковь Бориса и Глеба, а напротив ее — губернаторский дом. От проезжей части дороги аллея отделялась простой деревянной изгородью и сплошной зеленой стеной акаций. Изредка были простые деревянные скамейки без спинок. Освещения тут не было. На выступах, которые назывались бастионами, стояли чугунные пушки времен XVII века. Их по Муравьевке было не менее двадцати. Жерла пушек были направлены в сторону Волги. Мальчуганы очень любили оседлывать их, играя в конницу.

На углу Гимназического переуллка эта часть аллеи прерывалась лестницей, а с переуллка шел косой проезжий спуск на Нижнюю Дебрю. Пройдя его и снова поднявшись по лесенке, мы попадаем на маленькую Муравьевку. Здесь была более широкая аллея и игровая площадка с игротеккой, организованной каким-то благотворительным обществом. Там в определенные часы выдавались различные игрушки детям дошкольного возраста, пришедшим со старшими, для игры на месте. Дети получали по выбору скакалки, деревянные кольца, кегли, трехколесные велосипеды, больших качающихся коней, а также посуду для игры в песок. Муравьевка заканчивалась голубой церковью Всех Святых. Из крупных зданий на Муравьевке можно указать на два барских особняка, епархиальное женское училище и классическую мужскую гимназию.

III. ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ КРАЯ

БЕЛОРУКОВ Д. Ф. (Москва).

«БЫВЫЙ ГОРОД» ПАРФЕНЬЕВ

Дмитрий Федорович Белоруков родился 24 октября 1912 года в семье крупного парфеньевского лесопромышленника. Отец умер накануне дня выселения из собственного двухэтажного дома. Старшего брата репрессировали, Дмитрий бежал на Нею. Работал учеником слесаря, позднее — в гидротехнической экспедиции.

Правдами и неправдами поступил в Московский гидротехнический институт, получил специальность инженера-строителя. Работал в московском институте «Гидроэнергопроект», проектировал гидростанции, в том числе и Усть-Каменогорскую на Иртыше.

В 1941 году его призвали в армию и направили в Военно-инженерную академию. После ускоренного ее окончания — Сталинградский фронт, контузия. Войну кончил начальником штаба инженерных войск 4-й гвардейской танковой армии.

После войны — доцент кафедры строительства атомных станций Московского инженерно-строительного института. Для научной работы взял тему «Деревянное зодчество», которая вывела его на строительство деревянных храмов, а затем привела в краеведение. Ему он и посвятил свою жизнь, выйдя на пенсию в звании полковника. Автор многих работ по истории костромской земли и частично опубликованного труда «Из истории костромского края» (история сел и деревень).

* * *

Реформой Екатерины II о преобразовании губерний России город Парфеньев был переименован в посад. Это в градостроительном табеле — среднее между городом и селом. Но еще и после этого Парфеньев долго даже в официальных документах называли «бывым городом».

Но чтобы проследить историю Парфеньева, надо бросить взгляд в глубокое прошлое края. Сотни тысяч лет назад окончилось великое оледенение Восточной Европы. Мощный ледник под влиянием потепления климата стал таять. Выпаханные ледником углубления в земле заполнились талой водой, образуя озера, а потоки стекавшей воды образовали реки. Принесенные ледником гранитные породы остались на месте, и эти немые свидетели оледенения в виде валунов, булыжников и каменных гряд и сейчас видны на территории Парфеньевского района.

Шли годы, местность подсыхала, стала покрываться лесом, и на ней появились звери, а позже и люди. Откуда появились люди в заволжских лесах? Они пришли с далекого востока вслед за отступающим ледником. Это загадочная народность — смешанные племена угро-финской языковой группы. Селились они по берегам рек и озер, проникая сюда по рекам, — единственным путем сообщения в лесном краю. Письменных документов времен мери нет, но сохранилась память о них в пережившем века языке. Мерянские названия рек: Нея, Вохтома, Нельша, Монза, Ружбол, Сомбас и другие сохранились в Парфеньевском районе до нашего времени.

В IX веке нашей эры началось великое переселение славян с юга на север, но поток славян двигался не только с юга, часть их шла с запада из Новгорода. Внешний вид коренных парфеньевцев: продолговатые лица, большие, с горбинкой носы — подтверждает мнение антропологов, что они — потомки новгородцев. И язык, этот многовековой хранитель исторической памяти, подтверждает это. Новгородское цоканье жителей (особенно под с. Матвеевым) еще не так давно было повсеместным. Там говорили не «печка», а «пецка», не «бочка», а «боцка», не «чулок», а «цулок», не «дочка», а «доцка» и т. д.

О происхождении названия города Парфеньева существуют разные версии. По одной из них, высказанной знаменитым уроженцем Парфеньева — писателем С. В. Максимовым, город назван по имени монаха Парфения, основавшего здесь монастырь. Но эту версию можно подвергнуть сомнению. Монастырь в Парфеньеве действительно был, но в более позднее время, в XVII веке. Этот монастырь находился на месте ныне существующей Рождественской церкви (в которой ныне — гараж и ремонтные мастерские), и полное его название было «Рождественский монастырь, что на ямах Черного Бору на реке Нее». Название монастыря не связывает его никак с именем монаха Парфения. В переписных книгах Парфеньева 1616, 1628, 1848 гг. Рождественский монастырь нигде не упоминается. Закрыт же он был в 1725 г. по смерти последнего игумена.

Вторая версия о происхождении названия Парфеньев такова — город назван по фамилии строителя крепости. Обычно для строительства крепостей из Москвы, из Разрядного приказа, присылались дьяки розмыслы (военные инженеры того времени), а в начале XVI века в Разрядном приказе действительно был дьяк Парфеньев.

В архиве Древних актов в Москве в делах Оружейной палаты хранится жалоба-челобитье, поданная царю Михаилу Федоровичу в 1616 году парфеньевскими посадскими людьми на то, что парфеньевскую землю захватил некий Леонтий Максимов и не разрешает на ней строить еще вновь прибывшим. Челобитная содержит сведения о месте основания Парфеньева. Это место занимала деревня Кочево, возможно, принадлежавшая боярину Кочеву и названная по его фамилии. Когда в условиях частых набегов казанских татар возникла необходимость создать на реке Нее крепость, выбор пал на место, где находилась д. Кочево. Правительство купило эту деревню, а жителей освободило от податей, предоставив им льготы (свободы), отсюда и название — слобода, где были поселены эти люди.

Первое упоминание о Парфеньеве содержится в галичской летописи, хранящейся ныне в рукописном отделе библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, где говорится о нападении врага на парфеньевский край: «В лето 7029 (1521) мая в 26 день приходили татарова казанские с черемисы на уженские волости и на парфян (жителей Парфеньевской волости — Д. Б.) и много зла учинили и в полон поведоша а иных иссекоша и поидоша прочь...».

Через два года татары опять совершили набег на Парфеньев: «В лето 7032 (1523) сентября в 15 день приходили татарова и черемисы в галицкие волости и поплениша их много и людей иссекоша и заставу великого князя (т. е. Ивана III — Д. Б.) в Парфеньеве разгнаша и воевод иссекоша а иных в полон поведоша...».

Таковы первые упоминания о Парфеньеве. Чтобы лучше понять их, надо вспомнить историю. К этому времени могущественная Золотая орда распалась, образовав три ханства: Крымское, Ногайское (в низовьях Волги) и Казанское. Последнее граничило с Галицким уездом, в который входил и парфеньевский край, по рекам Меже, Ветлуге и Усте. На

востоке Галичский уезд граничил с землями черемисов (марийцами) — союзниками и вассалами Казани. Для защиты от набегов татар и черемисов московское правительство разделило пограничные с Казанью Галичский и Костромской уезды на административно-военные районы, назвав их «осадами». В центре каждой «осады» был город-крепость, куда при опасности укрывалось население. Здесь люди получали оружие. Возглавлял оборону бережитель города или городской приказчик. В это время были построены крепости в Любиме, Судае, Кадые, Кологриве, Парфеньеве, и каждая из крепостей имела свою «осаду».

Парфеньевская «осада» первоначально имела три волости: Парфеньевскую, Каликинскую и Нейскую. Парфеньевская волость называлась также и Окологородной, так как она была у самого города. По переписи 1616 г., в ней было 93 деревни и починка. Эта волость занимала территорию современных Парфеньевского, Николо-Ширского и Матвеевского сельсоветов, в ней было 297 крестьянских дворов:

Каликинская волость, центром которой была деревня Каликино (позже она стала селом), занимала территорию современных Антроповского, Савинского и Бушневского сельсоветов. В этой волости были 81 деревня и починок с 298 крестьянскими дворами в ней.

Нейская волость занимала территорию Парфеньевского и Крусановского сельсоветов. Центр волости находился в с. Успенье, в волости было 18 деревень и починок с 91 крестьянским двором в них. В этой волости находилась и Пезобольская слободка с несколькими приписанными к ней деревнями.

Таким образом, во всех трех волостях Парфеньевской «осады», по переписи 1616 г., было 192 деревни и починка с 689 крестьянскими дворами. Если считать, что в каждом дворе было по 5 человек (а такая норма принята для первой половины XVII века), то в Парфеньевской «осаде» жило около 3500 человек. Позже в Парфеньевскую «осаду» вошли Потрусовская, Вожеровская и Кужбальская волости.

Итак, город Парфеньев возник как форпост на казанском оборонительном рубеже Московского государства и имел цель прикрыть с востока важный административно-военный пункт — город Галич. Крепость в Парфеньеве построена в 1520—1522 гг., в царствование великого князя Василия III. Место для крепости было выбрано там, где обычно высаживались татары, приплывавшие на стругах с Волги по Унже и по реке Нее, чтобы дальше пересечь на запасных коней, которых вели по берегу Ней (струи же татары оставляли на Нее, чтобы на обратном пути загрузить их награбленным имуществом и пленными). Лучшего места для крепости, чем вдающийся в реку Нею мыс коренного левого берега, ограниченный с запада оврагом, по дну которого протекает ручей Течера (сейчас — Комсомольская улица), с юга и востока (со стороны Нейского переуллка и улицы Ленина) — крутыми скатами, нельзя было сыскать. Перешеек, соединявший мыс с коренным берегом, за которым был посад, можно было перекопать, сделать тут ров (это место сейчас — перед каменными воротами в ограде действующей церкви), и тогда крепость оказывалась защищенной с трех сторон крутыми откосами и рвом со стороны посада.

Присланный из Разрядного приказа дьяк измерял гору и определял места для башен и стен крепости. Волостель Парфеньева со своими приказными людьми ездил по деревням, приказывая старостам выделять для строительства крепости людей и подвод. Начались работы: выкорчевали лес, росший на горе, заготовили и привезли лес для стен и башен, отрыли ров, переместив землю на гору, чтобы увеличить ее высоту...

Башен в построенной крепости было семь, из них пять — по углам. Башни были двухэтажными, разделенными бревенчатым полом («мостом»), и выдавались на 2—3 метра вперед стен, чтобы из них можно было вести фланговый огонь. В верхнем этаже башен стояли лёгкие пушки. Все башни имели шатровое покрытие.

Промежуточная башня (сейчас на ее месте — ворота в ограде церкви со стороны Нейского переулка) имела площадку для наблюдения за подступами к реке Нее, откуда вероятнее всего мог появиться неприятель.

Самой громоздкой была проезжая башня, стоявшая на месте каменных ворот у бывшей церковной сторожки. В нижнем этаже этой башни имелись ворота для въезда в крепость. Тут же жили и воротники, следившие за воротами. В их обязанность входило наблюдать за въездом в крепость, а при опасности вовремя запереть ворота.

Стены крепости были сделаны из «городней» — деревянных срубов — шириной каждая 2,5—3 м и длиной 6 м, поставленных в ряд и прилегающих торцами друг к другу (пространство внутри городней засыпалось землей). Городни были прикрыты двухскатной крышей от дождя и снега. (То, что стены крепости были сделаны из городней, подтверждает план Парфеньева, составленный в 1741 г. и хранящийся в картинной галерее Парфеньева. На плане хорошо видны городни и башни).

Через ров был переброшен деревянный мост, соединявший крепость с посадом. Возможно, он был подъемным. В XVIII столетии этот ров засыпали и замостили булыжником. Вероятно, ров заполнялся водой из реки Ней. Тогда река протекала ближе к городу — по современному стадиону и по лугам за улицей Ленина. Остатки старого русла сохранились до наших дней в виде озера у горы Полковушки.

Сразу же с сооружением крепости в ней была построена деревянная Ризположенская церковь (на ее месте ныне находится каменная действующая церковь). На колокольне церкви висел набатный колокол, тревожного звона которого боялись все жители Парфеньева и соседних с ним деревень. Звон его слышался только при появлении неприятеля или при пожаре. От висевшего на колокольне колокола спускалась веревка, конец которой был привязан к врытому в землю столбу. Каждый мог ударить в набат, но за ложный набат виновный расплачивался своими боками. Столб с концом от набатного колокола был запретным местом Парфеньева, особенно для детей, которым даже близко подходить к этому месту запрещалось. Этот колокол в Парфеньеве висел до 30-х годов нашего века.

Церкви Парфеньева, стоявшие на высоких холмах, были композиционными центрами города. Еще при постройке крепости вблизи ее, на соседнем холме (сейчас на этом месте бульвар), был погост, на котором стояла церковь во имя святителя Николая. Утопленные в землю четыре огромных камня-валуна на углах бывшей церкви, служившие фундаментом, сохранились до наших дней. В откосе горы сверху вниз отрыта была дорожка, по которой поднимались богомольцы. Следы ее видны и сейчас. Никольский погост являлся центром церковного прихода, к которому были приписаны близлежащие деревни, и в их числе деревня Кочево. Никольская церковь на погосте существовала до середины XVI века, потом она сгорела и на ее месте построили новую церковь — во имя Воскресения Христова. А чтобы сохранить память о первой церкви, у новой прирубил «в особых стенах» придел во имя св. Николая. Но и эта церковь сгорела, и вместо нее построили новую церковь — ближе к посаду, на месте, где теперь кинотеатр, назвав ее Ризположенской. Новая церковь была названа Ризположенской потому, что в это же вре-

мя сгорела Ризположенская церковь в крепости (на месте сгоревшего храма была поставлена часовня, простоявшая до 1790 г.).

Ризположенская церковь стала называться «соборной», то есть главной церковью Парфеньева. Она стояла на посаде «в площади» и, помимо религиозных, выполняла и торгово-посреднические функции. В подвалах ее хранились эталоны мер и весов, сохранные расписки, залог и прочее. В церкви устроили придел в честь Параскевы Пятницы — покровительницы торговли. Церкви в честь этой мученицы существовали на всех торговых площадях древних городов России. Позже в этой церкви устроили еще придел в честь преподобного Макария Унженского. В 1848 году взамен деревянной Ризположенской церкви была построена каменная церковь, нередко по приделу во имя преподобного Макария именуемая Макарьевской (ныне в этой церкви находится кинотеатр).

В крепости же в 1790 году взамен деревянной часовни построили каменную Ризположенскую церковь (сейчас это действующая церковь), вновь ставшую соборной. В церкви были устроены приделы во имя св. Николая, Воскресения Христова и св. Дмитрия Ростовского. В ограде действующей Ризположенской церкви ныне находится деревянная часовня, стоявшая до 1937 года на месте Никольского погоста.

Особняком стоит на холме на берегу ручья Течера Рождественская церковь, она находится на месте упоминавшегося выше «Рождественского монастыря, что на ямах Черного Бору на реке Нее». Название его характеризует место, где он стоял. Заросший лесом овраг (сейчас по нему проходит Комсомольская улица) с ямами по сторонам выглядел мрачно. Сохранились документы о построении в монастыре взамен обветшавшей новой деревянной Рождественской церкви, в которой, как известно, находились три особо почитаемые иконы древнего письма: Рождества Христова, Всех скорбящих и Неувядаемый цвет, судьба которых неизвестна. Не пылятся ли они где-нибудь на чердаках домов Парфеньева? В 1848 году деревянную церковь сменил каменный Рождественский храм с колокольней. Сейчас эта церковь — в полуразрушенном состоянии, в ней находится гараж, колокольня разобрана, и кирпич от нее использован на подсыпку дороги.

За Рождественской церковью (сейчас здесь ул. К. Маркса) стояли дома духовенства, на плане Парфеньева 1741 г. указано: «здесь живут попы». Луга на левом берегу реки Нее (за улицей Ленина) перед Буграми назывались раньше «Пятинами», так как пятая часть укоса сена с них шла священникам. Укосы травы на этих лугах были отменными, так как полая вода, ежегодно заливая их, удобряла осевшим илом. Луга не требовали никаких мелноративных мероприятий, разве только ежегодно скашивался молодой кустарник да заравнивались кротовые бугры. Жители Парфеньева часто спорили о праве владения землей. В 1731 году священник Ризположенской церкви Борис Семенов судился с посадскими людьми, захватившими церковную землю. При рассмотрении этого спорного дела в Галичской провинциальной канцелярии было подтверждено право церкви на землю: «Ризположенской церкви в 1653 году дано государством жалование на свечи и на ладан — «пустошь, а в ней 5 четей земли» (2,25 га — Д. Б.).

Внутри крепости стояла приказная изба, в которой жил и работал городской приказчик (позже — воевода). Тут же в избе находился и подьячий — секретарь приказной избы. Первым известным управителем города (волостелем) был галичский дворянин А. И. Племянников. В грамоте, которую дал великий князь Василий Иванович, сказано: «Се аз князь великий Василий Иванович всеа Русии пожаловал еси Андрея Иванова сына Племянникова Каликиным и Парфеньевым. И

вы все люди тое волости чтите его и слушайте, а он вас ведает и судит и ходит у вас по старине как было преж сего...». С построением крепости управлять городом стал городской приказчик (бережитель), в обязанности которого входило следить за сооружениями крепости, за ее вооружением, организовывать оборону ее, а также судить жителей и собирать с них подати. Позже эти функции в Парфеньеве выполняли воеводы, которые назначались указами из Москвы.

Воеводы в Парфеньев назначались, как правило, из отставных военных. Имн были: в 1686 году — Д. Н. Загоскин, в 1690—1691 гг. — Перфильев, в 1691—1697 гг. — Черногузов, в 1698 г. — Катенин, в 1702 г. — Тимирязев, в 1708 г. — Белолобский, в 1709 г. Черевин и т. д. Из ранних воевод известен Семен Дмитриевич Апухтин, прапрадед Натальи Дмитриевны Апухтиной, жены декабриста М. А. Фонвизина, служивший в Парфеньеве в 1617—1618 гг.

Воеводы в Парфеньеве со своими домочадцами и дворовыми жили на подворье, находившемся сначала в самой крепости, а потом на посаде — на месте, где сейчас находится аптека. Стоявшее здесь воеводское подворье было обширно. Две большие избы, поставленные рядом, соединялись широкими сенями с парадным входом. В верхнем этаже дома — горницы со спальнями, столовой. Нижний этаж занимали слуги. К дому пристроены чуланы, светелки — для жены воеводы и их дочерей. На дворе — конюшенный и каретный сарай, сарай для дров, баня, людская изба для дворовых, поварня для выгонки вина и пива. Все подворье было огорожено высоким забором и все постройки украшены резьбой. Особенно украшен парадный вход — крыльцо (рундук), который богатством отделки должен был поражать всех, идущих к воеводе.

Подворье воеводы, когда оно находилось в крепости, было более скромным. Тогда одну часть приказной избы занимала квартира самого воеводы, а в другой была его канцелярия. В канцелярии — судейская комната, в которой работал сам воевода, рядом была комната для подьячего и его писцов. В судейской комнате находился стол, покрытый скатертью, в углах комнаты — иконы с подвешенными к ним лампадами. Над креслом воеводы на стене висело «зерцало» — символ власти воеводы. По стенам — лавки для посетителей, тут же и шкафы (короба) с царскими указами и грамотами. В широких сенях ожидали люди, вызванные в приказную избу.

Исполнительной властью воеводы была штатная военная команда из 25 человек, возглавляемая офицером. В штате воеводы был и залочных дел мастер — палач. Он распоряжался в подклети приказной избы, помогая орудиями пыток допросу воеводы, он же приводил в исполнение наказание, назначенное воеводой.

В северо-западном углу крепости стояла огороженная тыном тюрьма. Отдельно стояла другая — «опальная» тюрьма. В ней содержались сосланные из Москвы служивые люди, попавшие в опалу. Разбойников и татей держали в подклети тюрьмы, где особо опасных заковывали в ножные и ручные кандалы и приковывали цепью к стене или специальным обрубок бревен. Заключенные именовались «тюремными сидельцами». В праздничные дни их под охраной выводили на посад для сбора милостыни. Заключенные в опальную тюрьму охранялись назначаемыми по очереди посадскими людьми.

В стороне от жилых помещений в крепости стояли избы для хранения оружия, которое раздавалось защитникам Парфеньева в случае опасности. Здесь же хранились и запасы продовольствия. Отдельно стоял погреб с «зелевым» запасом (порохом) и со свинцовыми ядрами для пушек. Для обслуживания пушек в крепости имелись штатные пуц-

кари, которым в качестве жалования были дарованы земли у слобод Ложково и Савино.

Застраивался Парфеньев как и все старинные русские города. К крепости примыкал посад, располагавшийся на территории центральной части улицы Ленина — на ее участке до Красноармейской улицы. Центром посада была площадь (место против здания военкомата, теперь засаженное деревьями). Другая, верхняя, часть посада, располагалась на территории современных улиц Культуры и Индустриальной. На посаде жили торговцы, ремесленники, пушкарники и др. В 1616 г. на посаде было всего 25 дворов. В этом же году на посаде было 14 торговых лавок. Здесь же находились кабацкий двор, таможенная изба, в которой собирались пошлины за товары, здесь же на посаде была съезжая изба для заседаний выборных людей волости.

Под крепостью на месте современных Нейского переуллка и Комсомольской улицы располагались слободы, в которых жили крестьяне бывшей деревни Кочево, получившие при оселении льготы. В начале XVIII века в этих же слободах поселились семейные солдаты парфеньевского гарнизона.

В XVII веке границы Московского государства ушли далеко на восток. Парфеньев потерял свое военное значение, крепость его разрушалась, пушки ржавели, а пушкарники мирно жили, занимаясь торговлей и ремеслами. Размеренно и тихо текла жизнь заброшенного в лесах Заволжья небольшого города. Оживлялся он только по пятницам (а позднее — по четвергам), когда здесь собирались базары. Через Парфеньев проходил торговый тракт из Вятки, Казани на Галич, в Петербург, Вологду, Архангельск. Парфеньев и застраивался вдоль тракта, образуя широкую Большую Посадскую улицу (ныне — ул. Ленина).

Эта вымощенная булыжником улица выполняла в торговые дни роль площади. В базарные и ярмарочные дни по бокам улицы ставились балаганы, ларьки, лотки. Здесь же ставились и возы с товарами купцов и крестьян. И чего тут только не было... Красный товар — мануфактура, галантерея, обувь, возы с сушеной галичской рыбой, лотки с сушеными фруктами, ларьки с церковной утварью и иконами, привезенными богомазами из Палеха и Мстеры, возы с закутанной в сено глиняной посудой из д. Кукушкино, деревянная посуда из д. Телегино... Мест на Большой Посадской улице во время базаров не хватало, возы с товарами ставили в переулках, и в каждом из них — свои товары. В Пожарном переулке (сейчас — часть ул. Красноармейской) — глиняная и деревянная посуда, шелковой товар: грабли, кошель, рогожи, бочонки и пр.; в Конном переулке (сейчас — ул. Максимова) продавалась скотина: лошади (по ним и переулок был назван), коровы, овцы, поросята. В конце Большой Посадской улицы — торговля дровами, сеном, соломой.

А в харчевнях (трактирах), которых в Парфеньеве было шесть, шла своя жизнь. В них после церковной службы разрешалось торговать горячительными напитками. Родоначальником парфеньевских харчевен и трактиров был кабак, открытый в Парфеньеве в 1617 году. Еще царь Иван Грозный разрешил открыть в Москве для опричников кабака с продажей в нем водки, мало известной тогда на Руси. Царь Михаил Федорович Романов велел открыть кабаки по всем городам и продажу пива (водки и пива) отдавать на откуп частным лицам. Сохранилась грамота, присланная в 1617 году парфеньевскому воеводе Грязеву из Москвы, вот ее текст: «От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси в Парфеньев воеводе нашему Серому Грязеву. Бил нам челом... крестьянин Костромского уезду села Молвитино Васка Степанов, чтоб нам его пожаловать в Парфеньев на посаде кабаком в откуп на 7125

(1617) год, и мы его, Васку, пожаловали, велели ему тот парфеньевский кабак на откуп за 59 рублей на год: и как тебе наша грамота придет, и ты бы в Парфеньеве на посаде велел отдать на откуп Васке Степанову, и на кабаке вино курить, на кабацком дворе и пиво». Кабацкий двор в Парфеньеве находился на посаде, где сейчас находится мебельный магазин. «Курили» (вырабатывали) вино и пиво в поварне, которая стояла в лугах под горой (в начале улицы Коммуны).

В 1708 году Петр I разделил территорию России на 8 губерний. Была образована Архангелогородская губерния, в состав которой вошла Галицкая провинция, в ней и был Парфеньев. Реформы и войны Петра требовали больших денежных и материальных средств. Парфеньевцы платили налоги: ямские, полонянические — на выкуп пленных, корабельные — на строительство флота, на жалование ратным людям и т. д. В конце Северной войны высвободилось много русских войск, но демобилизовывать их из-за политической обстановки было еще нельзя. Тогда Петр I приказал их расположить в глубине России, в специальных полковых округах, в так называемых «дистрихах». Содержание войск, находившихся в этих округах, он возложил на местное население.

В Парфеньеве и его ближайших деревнях был расквартирован Казанский пехотный полк. Штаб этого полка находился в Парфеньеве в специально выстроенном штабном дворе. Двор этот был на горе, с того времени называющейся Полковушка, там, где сейчас расположено старое кладбище. Полковой двор занимал большой прямоугольник земли, застроенный по периметру зданиями складов, канцелярий, казарм. В центре был плац для обучения солдат. Семейных солдат поселили в специально выстроенных для них домах в Малой и Большой слободах (сейчас это район Комсомольской улицы, Нейского переулка и начало улицы Лепина). Таких солдатских домов было 22, но большинство солдат было поселено в домах парфеньевцев и в ближайших деревнях.

Реформой Екатерины II Парфеньев был переименован в посад. Изменились и значение Парфеньева, и его управление, и даже жизнь его жителей. Теперь он входил в состав Кологривского уезда, и в его истории начался новый этап.

ДОЗОРНАЯ КНИГА г. СОЛИГАЛИЧА 1614 ГОДА

Эта книга обнаружена мною в Центральном государственном архиве Древних актов, и копия ее в 1983 г. преподнесена в дар Солигаличскому краеведческому музею.

Дозор (допроверка — Д. Б.) Солигалича был проведен дьяком Кузьминым по приказу царя Михаила Федоровича в 1614 год с целью установить размеры разорения, причиненного Солигаличу польско-литовскими интервентами.

Оригинал Дозорной книги хранится в архиве Древних актов в фонде Поместного приказа (фонд № 1209) под № 453. Материал этот исследователям неизвестен, и полный текст его прилагается ниже:

«По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу дьяк Парфений Кузьмин дозирал у Солигаличской город и посад и около посаду что после войны литовских людей осталось тяглых и пустых дворов и порожних дворовых мест и что на торгу повопоставлено на погорелых местах лавок, харчевен и что на посаде на погорелых местах поставлено варниц.

Посад на реке Костроме. — А на посаде на берегу осыпь (насыпь — Д.Б.) старого города, а город был рубленный и тот город сожгли литовские люди, как приходили к Соли Галицкой в прошлом 7121 (1613 г. — Д. Б.) в генвъре в 3-й день и в нынешнем во 7122 (1614) годе по государеву и цареву и великого князя Михаила Федоровичу указу по той старого города осыпи зачат делати острог и тот острог еще не доделан и в место не сведен, башен нет, а в городе храм поставлен новой после приходу литовских людей на старом на горелом месте во имя Рождества Иоанна предтечи а во храме образов и книг ни колоколов ни строения нет и храм не освещен, а другой был храм во имя Успенья пречистой богородицы, а в нем были два придела, придел Макария Унженского чудотворца, а другой стратотерпца Георгия и тот храм сожжен в приход литовских людей, а дворов в остроге нет никаких.

На посаде и по Великой улице храмы соборные (главные храмы города — Д. Б.). Храм во имя Рождества пресвятой богородицы клетки (в виде клетки-сруба — Д. Б.), а другой храм с трапезой во имя Рождества Христова, а в нем другой престол Живоначальной троицы о двух верхах, а во храме образы и свечи, и книги, и ризы, и сосуды церковные все строение мирское, приходное, да у того ж храму колокольница рубленая о восьми стенах вверх, а на колокольнице три колокола.

На посаде же на Волоке храм вверх о пяти верхах во имя великомученика Николы, а в нем три престола, престола Козьмы и Демьяна, да престол Флора и Лавра, да престол Воскресения отца нашего Иисуса Христа, да в нем престол во имя Благовещения Пречистой Богородицы, да у тех храмов колокольница вверх рубленая о осьми стенах, а на ней три колокола, во храме образы и свечи и книги и сосуды церковные все строение мирское, а около тех храмов ограда деревянная да против Никола Чудотворца храм с трапезой теплый клетки во имя великомученицы Пятницы, а во храму образы и свечи и книги и всякое церковное строение, все мирское, а колокол один невелик.

У Соли-ж Галицкой на посаде на берегу у Костромы реки, монастырь Воскресенской, а на монастыре два храма деревянные, храм вверх во имя Воскресения Христова да у его ж вверх четыре престола, престол Честного креста, престол Животворящей Троицы, престол верховным апостолам Петру и Павлу, престол пророка Ильи.

Во храму Воскресения образы местные блаженной памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича (Грозного — Д. Б.) всея Руси образ Препловеннй Христа нашего на золоте, а в нем были жемчужные вкладыны и то обрали литовские люди, другой образ Пречистой Богородицы Одегитриевой на золоте, у ней был венец да гривна серебряны и то все поимали литовские люди, а иное всякое церковное строение мирское, да на монастыре ж Воскресения храм с трапезой вверх во имя стратотерпца Христова Дмитрия Селуноского, а в нем два престола Алексея Человека Божия да престол Введения Пречистой Богородицы, да колокольница о осьми стенах вверх, а на ней колокола, а во храму Дмитрия образы, свечи и ризы и сосуды, все строение мирское.

На монастыре 9 келлий, а в них 4 чернца (монаха — Д. Б.), а иные келлии пусты, да у того ж монастыря вотчинка деревня Бозлыново с пуштошми пашни пашут поп да дьякон 22 чети в поле, а сошного писма по пол чети и владеет той вотчиной воскресенский поп Иван Иванов.

На посаде ж у Костромы реки на берегу храм клетки во имя Афанасия Александрийского строения Троицы-Сергиева монастыря.

На посад же у варниц против таможенной избы поставлен новый храм с трапезою на старом горелом на церковном месте во имя стратотерпца Георгия, а строения церковного и колокольни нет и храм не освещен.

Тут же у варниц храм был во имя стратотерпцев Христовых Бориса и Глеба, да на площади храм был во имя Пречистой Богородицы Владимирские и те храмы пожжены в приход литовских людей.

На посаде же у Пречистой Богородицы у соборной церкви двory церковные: двор патриарши живет на нем дворник Ивашка Мартьянов, двор соборного дьякона, дворишка соборный живет на нем нищий, двор съезжий, ставят на нем воеводы и приказные люди, двор каменщик Тамилка Антипов, двory Троице-Сергиева монастыря нетяглые два двора, место пусто тяглое посадского человека Ивашка Федотов убит в приход литовских людей. От Пречистой ж Богородицы от соборные церкви улица Повирская, а в ней двory посацкие тяглые, а на иных дворах живут после войны петяглые люди, вдовы и бобыли четыре двора, двор Троицы-Сергиева монастыря живут на нем троицкие мельники, а против троицкого двора мельница Троицкая на реке на Костроме, а в ней двое жерновов; да два двора, двор пуст Афонасьевского попа Якова в литовский приход ссечен, двор Симонова монастыря, что на Москве живет на нем монастырский служка же, двор Аврамя Городецкого монастыря живут на нем монастырские служки, двор пуст Мишка Иванов убит в 7121 (1613) г. под Москвой да четыре двора бобылей.

Пустых дворов: двор Матвейка Васильева, убит в 7121 (1613) г., двор пуст вдовицы Офимьины ссечена в литовский приход, двор каменщика Гришка Микитин, двор Всилко Муровцев галичанин сын боярский, двор Оська Швецов ссечен в литовский приход, двор Олешка убит, двор Исанка Спиридов убит, двор Петрушка Иванов убит, двор Вторушка Федоров убит, двор вдовы Офимьины убита, двор вдовы Любавы убита, двор вдовы Парасковьи убита.

Улица Цикалова

Двор сына боярского Федора Суханина, а живет в нем дворник. Дворы Троице-Сергиева монастыря три двора да тяглых посацких людей пять дворов. Двор пуст Федка Семисов убит, да два пустых места, а люди убиты, двory пожжены.

Улица на ручье на Шишкове

В ней тяглых дворов пять, а шесть дворов пустых, люди побиты.

Улица Хвостова

Три двора тяглых пустых, да дворов 36 люди побиты.

Улица Наволоцкая

Двор съезжий земской, а в нем дворник Степанко Семенов. Дворы посацкие ж по Глушице ставятся наново 8 дворов, а погорело 13 дворов. От Николы Чудотворца на берегу от перевоза двory вверх по Костроме реке 11 дворов ставятся.

Улица Черная

14 дворов и 6 из них пустых.

У Соли ж на посаде на берегу Костромы реки на зеленом месте бобыльских дворишек 3 двора. На берегу ж у Костромы реки, на зеленом месте винокурня, а варит на ней вино на кабаке приходец москвитин Матка.

За рекою Костромю против Воскресенского монастыря слободка **Набережная**, посацкие люди сказывают, что та слободка их посацких людей и оне владеют по купчей, а Симонова монастыря, что на Москве служка Иван Васильев подал челобитную и пишет, что та слободка Симонова монастыря и крепости в монастыре и в жалованой де грамоте у них слободки не писана. А в слободке в Набережной жильцов семь дворов.

За речкою за Славинкою слободка **Божедомская**, посацкая тяглая, а в ней 11 дворов, да двор бобылихи Ографены муж убит.

И всего у Соли Галицкой на посаде живущих 51 двор, а людей в них 54 человека, да вдов живущих тяглых 8 дворов и людей в них 8, да бобыльских 8 дворов, да пустых посацких тяглых 50 дворов, а людей в них побиты в приход литовских людей в прошлом 7121 (1613) г. да пожженных дворов тяглых мест которые пожжены литовскими людьми 58, а люди в них побиты и пожжены с женами и детьми.

У Соли-Галицкой на посаде у торгу на площади таможенная изба, а тамгу и всякую пошлину собирают на государя посацких людей переменяются по годам. Да позади таможенной избы была изба пудовая, а собирали в ней в Соли пудовую пошлину и та изба сгорела в приход литовских людей.

А ныне собирают пудовую пошлину в таможенной избе. Да на старой таможенной избе, изба земская Окологородней волости.

У Соли Галицкие на торгу лавки которые поставлены ново на горелых местах на лавочных после войны.

На реке на Костроме амбары соляные на берегу реки у судовова пристанища два амбара Мпшки Афанасева.

У Соли Галицкой на торгу харчевни поставлены после войны литовских людей: изба харчевная Андриюшки Солодилова, изба харчевная Поселки Злобина, изба харчевная Якушки Борисова, изба харчевная Буланки Поляничина, изба харчевная Путишки Сузорева, изба харчевная Андриюшки Солоделова и пять пустых харчевных мест. И всего у Соли Галицкой на посаде на торгу живущих 11 лавок да лавочных пожженных мест 39 да 9 полков что на лавочных местах поставлены да прилавок до 10 амбаров соляных да 6 амбаров соляных что на берегу у Костромы реки.

У Соли Галицкие на посаде варницы соляные посацкие и монастырские и детей боярских.

Колодез Забыкин.

У того колодезя варница Средняя посадского человека Васки Афанасева з братьями у тое же варница, место дровяное кладбище его, у той варницы два амбара соляных. У того же колодезя Забыкина варница Зуева посацкого человека Ивашки Ксенафонтова, у той варницы место дровяное кладбище да два амбара соляных. У того же Забыкина колодезя варница Лукинская детей боярских Любима да Богдана Микифоровых детей Мичуринна а владеет той варницей Федор Мичурин а против место дровяного кладбища да ларь соляной, да у той же варницы за Ивановым амбаром место дровяное кладбище детей Мичуринных. У того же колодезя варница Ивашкова пуста Васки Афанасева и та варница лежит в пуге не владеет ею никто.

Колодез Детинец Большой а другой колодез Детинец Малый.

А у них варница Васильевская посацкого человека Васки Яковлева с племянниками, да у той варницы амбар. У тех же колодезей варница Серкова Васки ж Яковлева да амбар да дровяное кладбище. У

тех же колодезей варница Иванчиковъ посацких людей Ивашки Степанова да брата его Степанки Казаринова и та варница згорела в прошлом годе. Да у тех же колодезей варница Погорелка Федора Мичурина.

Колодез Бочкин пуст а у него варница Голодиха пуста Петрушки Васильева.

Колодез Пролом а у него варница Хвостова посацких людей Куземки Каменова да Васки Карманова. У того же колодезя варница Покрова Пречистой Богородицы Городецкого монастыря и соляной амбар и деревянное кладбище. У того же колодезя варница Тыркасова Федора Мичурина.

Колодез Костромитинов и того колодезя половина Троицы Сергиева монастыря а у него варница Костромитинова Троицы Сергиева монастыря да против варницы амбар соляной Троицкого ж монастыря а другая половина колодезя за усольцы за посацкими людьми. И у той половины колодезя варница Позориха посацкого человека Тимошки Конова, у той варницы амбар соляной.

У той же половины колодезя варница Сутяга посацкого человека Тренки Лихачева да в той же варнице Городецкого монастыря жеребий шестая часть.

Колодез Успенский и того колодезя половина посацких людей Будимка Говорова да Микифорка Пятова а у тое половины варницы Успенская посацких людей Каратанка да Некраска Ивановых да место дровяное кладбище.

А другая половина Успенского колодезя Троица Сергиева монастыря да Городецкого монастыря да Федора Мичурина да вдовы Авдотьи Зиновьевы, у того же колодезя варница Распопина пуста а в ней половина Троицкая.

Колодез Коробкин пуст Троица Сергиева монастыря да Федора Мичурина да Городецкого монастыря а колодезное место у них вопче.

Колодез Замосной а у него варница Борисова Петрушки Васильева с товарищи, а у того же колодезя варница Иванова посацких людей Микифора Пятова да Дудинка Говорова.

Колодез Молоча и того колодезя половина Троица Сергиева монастыря да варница Молоча а другая варница Богдана. А другая ж половина Моложскова ж колодезя посацких людей да Городецкого монастыря да в той половине восьмая доля Троица Сергиева монастыря.

Колодез Швак а у него колодезя варница Якимовская посадских людей Степанко Афанасьев да Петрушка Васильев с товарищи, да у того ж колодезя варница Засериха у того же колодезя варница Волоката посацких людей Ивашко Федотов да Подосенко Тимофеев. У того ж колодезя варница Сутыри пуста а владеет ею Тимошка Копанов.

Два колодезя Симонова монастыря: колодез Большой да другой колодез Малый. А у них две варницы Верхняя да варница Новая да два анбара соляных да место дровяное кладбище. Симонов колодез Чертолом пуст а у него дворище Карповское да дворище колодезя Замошин Симонова ж монастыря да у него ж дворище Истоминское.

Колодез Говедов Федора Мичурина стоит пуст да два колодезя пусты посацких людей один на дворище Коробкине а другой на Шевеловском дворище.

И всего у Соли Галицкие на посаде колодезей и варниц посацких людей шесть колодезей жилых целых да половина колодезя Костромитинова да половина колодезя Моложскова да половина колодезя Успенскова да три колодезя пустых да 13 варниц жилых да 3 варницы пустых да два места варничных пустых, посацких же людей до 10 анбаров да 8 деревянных кладбищ да варница детей боярских Любима да

Богдана Микифоровых детей Мачурниа и с тех варниц посацкие люди пудовую пошлину платят в Большой приход а собирают тутощние усольские целовальники с пуда по полденги.

У Соли ж Галицкие монастырских Троицкого, Симонова и Городецкого соляных колодезей живущих 2 колодезя целых да половина колодезя Костромитинова да половина колодезя Молочи да половина колодезя Успенского и им же 16 варниц жилых да 5 анбаров да 8 кладбищ.

У Соли ж Галицкой место государство на Зеленом месте слободки подле речки Костромы и Николе чудотворцу что на Волоке по ручью Шишков да к Средней варнице да за ручьем Шишковым да за Глушицею место государево же каменщиков Андрюшкин двор истари бывали два колодезя соляных и те колодези поняла вода из реки Костромы а ныне тем местом владеют посацкие люди кладут на них дрова варнишные.

У Соли Галицкие каменщиков 11 дворов. У Соли Галицкие за рекою за Костромою слободка ямская а в ней ямщиков двор Петрушка Титов, двор Ивашка Колобов да Ямских же дворов пустых 6 мест запустели издавна а кто на тех местах ямщиков живали то они незапомнят потому что многие ямщики после того переменялись а нынешние живут по деревням.

За рекою за Костромою слободка Стрелецкая и в ней живут стрельцы и пушкар и рассыльщики: двор стрельца Куземки Коверзина, двор стрельца Лукашки Петрова и еще 14 стрелецких дворов, да двор рассыльщика Федки Маслова, двор сыщика Ивашки Власова, двор пушкаря Гришки Онтипова, двор Спасского монастыря что на реке Воче, а в нем дворник. А всего в Стрелецкой слободе 15 дворов и 15 человек.

У Соли ж Галицкие на посаде полянщики (полянщики обрабатывают землю на полянах в лесах — Д. Б.) живут в разных улицах на полянских местах на Всполье в Хвостовой улице. А всего полянских домов 17 дворов.

А по дозорной книге Петра Волинского 7121 (1613) г. у Соли Галицкие на посаде в живущей четь и пол чети сохи да в пуге соха.

Волость Окологородная Усольская — а в ней деревни и пустоши. Убиты литовцами крестьяне в деревне Жеребцова, починок что была деревня Бородина на речке на Святице а запустела от литовских людей в 7117 (1609) г. крестьяне побиты а иные расселились в пустые дворы, починок что была деревня Митино на речке Борисовке, деревня Легитово пуста а в ней 4 двора пусты а запустела та деревня в прошлом в 7121 (1613) годе в приход литовских людей в крестьяне все побиты и с женами и с детьми а иные разбрелись. Деревня Лункина на р. Костроме пуста.

Погост. На нем храм во имя чудотворца Николы вверх а другой храм клецки с трапезою во имя пророка Илиа а во храмах образы и книги, и ризы, и сосуды церковные, и свечи, и колокола строение мирское а дворов на погосте двор попа Афанасия да дьячка, двор пономаря, двор просвирницы.

Погост — в нем храм Живоначальной Троицы вверх а другой храм чудотворца Николы клецки с трапезою а в них образы, и книги, и ризы, и свечи, и сосуды церковные, и колокола строение все мирское. Тое же окологородней волости приходные и на том же погосте двор пономаря Третьячки Микитина, двор просвирницы Маланицы. Да тут же на погосте 4 крестьянских двора (видимо, это село Троица в Зашугомье — Д. Б.).

Да деревни Коробкино, Колесниково, Муравьево, Сергодская, Слезино. Деревня Самылково а крестьяне все побиты а иные разбрелись. А всего в окологородней волости 2 погоста да в них четыре храма да два двора попов да 111 деревень и в них крестьян живущих тяглых 389 дво-

ров и 420 человек да бобыльских 94 двора да в живущих же деревнях крестьянских пустых дворов 43 да крестьянских же пустых мест 60 да 52 пустоши.

Волость Жилино.

Погост — а на погосте храм вверх с трапезою Успения Пречистой Богородицы а другой храм вверх же во имя стратотерпца Дмитрия Солунского (видимо, это с. Дмитрий, что на Гриве — Д. Б.), а строение в обоих храмах образы и свечи, и книги, и ризы, мирское да тут же двор пола Ефтихий а прозвище Кторов да двор пономаря.

Погост на речке на Езовке, а в нем храм клецки с трапезою Преображения Спасова, а другой храм клецки чудотворца Николы. Строение все мирское. В волости починок что была деревня Раково деревня Коряково, д. Скороногово запустели от казанских людей.

Городище Жилинское. На речке на Шилохне заросло лесом большим, а около его городища лесу хоромного на пяти верстах, а истори бывал город, а запустел от казанских людей тому лет больша осмидесяти. Тут же пустоши Холкино, Хорошее, Лукинское все запустело от казанских людей. А всего в Жилинской волости 2 погоста в них 4 храма да волостных живущих 84 деревни, а в них крестьян живущих тяглых 204 двора да людей в них 250 человек да бобыльских 29 дворов да в них 12 пустых дворов.

Волость Холм Шаров. А в ней погост, а на погосте храм вверх во имя стратотерпца Георгия да другой храм клецки с трапезою во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а строение все мирское (это, видимо, село Георгий, что на старом — Д. Б.).

Волость Корцево. А в ней погост, а на нем храм во имя Николы Чудотворца вверх да другой храм преподобного Макария Унженского да другой храм с трапезою клецки Успения Пресвятой Богородицы. И всего в Корцевской волости погост и 28 деревень, а дворов в них 80.

Волость Спасская. Погоста в ней нет, а в деревнях ее 127 дворов.

Волость Сольдовская. Погоста нет, а деревень в ней 37.

Волость Лосево Раменье. — На реке Вексе погост, а в нем храм во имя Николая Чудотворца вверх да другой храм с трапезою во имя Покрова Богородицы.

Тут же на белой церковной земле двор никольского попа Филипа, двор дьячка, двор пономаря, да 8 келней, а в них живут нищие и кормятся у церкви божие да в том же селе тяглых крестьянских 11 дворов».

Публикация **Д. Ф. Белорукова.**

IV. ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ КОСТРОМСКИХ КРАЕВЕДОВ

ЗОНТИКОВ Н. А. (Кострома).

«ЗА СЛУЖБУ К НАМ, И ЗА КРОВЬ, И ЗА ТЕРПЕНИЕ...»

(Иван Сусанин. Легенды, предания, история).

Иван Сусанин — один из наиболее уважаемых у нас героев отечественной истории, уважаемых искренне, вне зависимости от официального отношения к памяти о нем, менявшегося неоднократно. Его образ — неотъемлемая часть нашей культуры, искусства, фольклора, можно сказать, что он вошел в самую плоть и кровь нашего народа. К нему привыкли, так что трагичность фигуры Сусанина почти не ощущается. И тем не менее, образ этот глубоко трагичен, и не только потому, что Сусанин погиб смертью мученика, во многом трагична и посмертная судьба памяти об этом человеке. Главную роль здесь, к сожалению, сыграла политика: мало кто из деятелей нашей истории посмертно был жертвой стольких политических спекуляций, как Сусанин, — и до революции, и после.

Мы, видимо, никогда не узнаем того, что произошло на самом деле то ли в конце 1612 года, то ли в начале 1613 года, примерно в 70 верстах к северу от Костромы в треугольнике, образуемом селами Домнино и Исупово и деревней Деревнище и занимаемом поныне огромным, овеянным преданиями Исуповским (или Чистым) болотом...

Как и любое событие, оставившее определенный след в истории и к которому прикоснулась политика, оно — это событие — породило, с одной стороны, много различных легенд, вплоть до самых фантастических, с другой, — официальный культ, веками связанный с именем Сусанина, который также не способствовал поиску истины. Объективных, не преследующих пропагандистско-политических целей работ по Сусанину мало. О многих фактах, связанных с этим событием, старались умолчать и до революции, и после.

Попробуем бросить объективный взгляд на сусанинскую историю при нынешнем состоянии исторических источников и литературы и выделить то, что мы знаем наверняка, что можем предполагать и что остается для нас тайной.

Чтобы перейти к Сусанину, вспомним вкратце то время, отдаленное от нас почти четырьмя столетиями.

Смутное время

Небывалые по своему трагическому масштабу катаклизмы — природные, классовые, религиозные — терзают страну. Страшный, неданный голод 1601 — 1603 годов, почти фантастическая история, связанная с захватом русского престола самозванцем, выдававшим себя за убитого в Угличе царевича Димитрия и бывшим уроженцем нашего края Григорием Отрепьевым, его свержение, избрание царем Василия Шуйского, крестьянская война под предводительством И. Болотникова, открытая польская интервенция осенью 1609 года, свержение Шуйского и переход власти к боярской думе, начавшей переговоры с польской стороной об избрании царем польского королевича Владислава, организа-

ция первого земского ополчения 1611 года и его распад, всеобщая неразбериха и ощущение краха...

Великая смута волнами расходитя по стране, захватывая и костромскую землю. Вот только некоторые эпизоды кровавой истории тех лет: разгром Костромы зимой 1608—1609 годов войсками Лжедмитрия II («тушинцами»), захват ими же Галича; наступление на тушинцев ополчения северных городов (Солигалича, Вологды, Тотьмы, Великого Устюга) и освобождение ими вначале Галича, а затем и Костромы; осада Ипатьевского монастыря, в котором укрылись поляки и их сторонники, продолжавшаяся до сентября 1609 года; разгром поляками Кинешмы, Плеса, Нерехты; участие костромичей в первом земском ополчении 1611 года, прохождение в марте 1612 года по костромской земле вышедшего из Нижнего Новгорода ополчения Миннина и Пожарского...

Затрагивали ли эти события — смута, междоусобная брань, вражеское нашествие, неизбежное взаимное ожесточение — Ивана Сусанина и его семью или до поры до времени обходили стороной, мы не знаем, но все это — время, в которое жил Сусанин.

Итак, ополчение Миннина и Пожарского, пройдя от Костромы к Ярославлю и простояв в этом городе 4 месяца, в августе 1613 года приближается к занятой поляками Москве. Начинаются ожесточенные бои, ополченцы берут одну часть города за другой, осаждают московский кремль. Наконец, 27 октября блокированный польский гарнизон капитулирует. И вот здесь-то — казалось бы, на излете лихолетия — настал час, когда война и смерть подступили к самому дому Сусанина...

Романовы

В числе других русских бояр, которых поляки держали у себя в качестве заложников, ратниками Миннина и Пожарского были освобождены инокиня Марфа Ивановна Романова (урожденная Ксения Ивановна Шестова) и ее 15-летний сын Михаил. Испытаний в эти тяжелые годы на мать и сына Романовых выпало с лихвой. Еще в 1601 году, когда Борис Годунов подверг род Романовых (как наиболее опасных своих соперников в борьбе за власть) суровой опале, Ксения Ивановна была насильственно пострижена в монахини (с этого момента она и известна уже под монашеским именем Марфа) и сослана в далекое Заонежье, в Толвуйский погост.

Глава семьи, Федор Никитич Романов, также был насильственно пострижен в монахи (что навсегда закрывало ему путь к царскому престолу) и, получив при этом монашеское имя Филарет, был сослан на север, в Антониев-Сийский монастырь. Супруги Романовы пробыли в ссылке в разлуке друг с другом и детьми 4 года — до падения Годунова. Воцарившийся в Москве Григорий Отрепьев освободил всех оставшихся к этому времени в живых Романовых, в частности, Филарет стал главой огромной ростовской митрополии — ростовским митрополитом, и вся семья воссоединилась в Ростове.

В бурных событиях Смутного времени митрополиту Филарету довелось играть не последнюю роль, но его активная политическая деятельность оборвалась в апреле 1611 года под Смоленском, где все русское посольство, ведущее переговоры о вступлении на русский престол королевича Владислава, в том числе и Филарет, было арестовано, и отцу будущего первого царя из рода Романовых пришлось долгие годы провести в польском плену.

Марфа Ивановна пережила смерть четырех малолетних сыновей, совсем недавно, в июле 1611 года, она похоронила свою единственную дочь Татьяну. Из всех ее детей Михаил был последним оставшимся в живых.

Михаил (он родился в Москве в 1596 году) еще совсем маленьким был разлучен с родителями и вместе с сестрой Татьяной и теткой Настасьей Никитичной сослан все туда же на север — на Белоозеро. В 1602 году брата и сестру Романовых перевезли в вотчину Федора Никитича — в одно из сел Юрьев-Польского уезда. С родителями Михаил и Татьяна вновь увиделись в 1605 году. Последние годы Михаил с матерью провели в польском плену в качестве заложников.

Позади у матери и сына Романовых были ужасы боев в Москве и осады московского кремля, впереди — полная неопределенность и страх перед грядущим днем. Безусловно, Марфа Ивановна хорошо понимала, что ближайшим следствием победы над поляками будет созыв Земского Собора, которому предстоит выбрать царя, понимала она и то, что ее Михаил — один из наиболее вероятных претендентов, а значит, с ним (и с ней) в любую минуту может случиться все, что угодно. Вероятнее всего, этим объясняется отъезд Романовых сразу после освобождения из польского плена в Кострому, а не только тем, что в разоренной, долгое время бывшей театром военных действий Москве жить было, видимо, нелегко.

В Кострому Марфа Ивановна и Михаил прибыли где-то в первой половине ноября 1612 года, в костромском кремле у Марфы Ивановны был свой т. н. «осадный двор». Что произошло дальше, не ясно — то ли мать и сын вместе поехали дальше — в с. Домнино, то ли Марфа Ивановна осталась в Костроме, а в Домнино отправился один Михаил. Вероятнее второе, т. к. в большинстве народных преданий Марфа Ивановна во всех событиях у Домнина не упоминается. По мнению автора капитальнейшего труда «Правда о Сусанине», потомственного священника с. Домнина протоиерея А. Домнинского, собравшего все известные ему народные предания, Сусанин будучи старостой Домнинской вотчины, приехал к Марфе Ивановне в Кострому и увез с собой Михаила, причем ночью и в крестьянской одежде¹. Так это или нет — судить трудно.

По некоторым данным, Романовы отправились в Макарьево-Унженский монастырь поклониться мощам преподобного Макария (видимо, по обету — за свое избавление от польского плена), но данные эти не проясняют — сразу ли из Москвы или уже из Домнина поехали они туда. Из монастыря Михаил, судя по всему, уехал в Домнино.

Село Домнино было старинной вотчиной костромских дворян Шестовых. Нам известно, что им владели и отец Марфы Ивановны — Иван Васильевич, и дед — Василий Михайлович. По сообщению А. Домнинского, в начале XVII века в Домнине, хотя оно и считалось селом, крестьян не было, а были только барская усадьба Шестовых, при которой жил староста вотчины — Сусанин, и построенная Шестовыми же деревянная Воскресенская церковь, при которой жил священник².

Иван Сусанин

Что нам известно о личности Ивана Сусанина? Крайне мало, почти ничего. У него была дочь Антонида, выданная замуж за крестьянина Богдана Сабинина (написание его фамилии различно — Собинин и Сабинин). Родились ли уже тогда дети Богдана и Антониды, внуки Сусанина — Даниил и Константин, — неизвестно. О жене Сусанина нам неизвестно ничего, но поскольку ни в документах, ни в преданиях она никак не упоминается, то, скорее всего, к этому времени она уже умерла. Судя по тому, что Сусанин имел замужнюю дочь, был он уже в зрелом возрасте.

В ряде преданий Сусанина называют то старостой домнинской вотчины, то более поздним термином — бурмистром. Документальных сведений об этом нет, но верность этого утверждения убедительно обосновал протоиерей А. Домнинский³.

Сусанин был крепостным дворян Шестовых. Крепостное право тогда уже существовало, хотя и в более мягких формах, чем позднее. Так что для Сусанина и Марфы Ивановна, и Михаил были господа.

Согласно преданиям, родом Иван Сусанин был из близлежащей деревни Деревнище (позднее — д. Деревенька). Судя по названию, это достаточно старое селение, однажды уже бывшее заброшенным («Деревнище» — место, где была деревня)⁴. Но сам Иван жил в Домнине, а в Деревнище жили Богдан и Антонида Сабинины.

Ряд преданий сообщает нам отчество Сусанина — Осипович. Чтобы правильнее понять все, что происходило дальше, необходимо помнить, что, во-первых, шла война и Михаил для Сусанина был свой — русский, православный, много ни за что пострадавший подросток. Конечно, жители домнинской вотчины хорошо знали о судьбе и Марфы Ивановны (в народных преданиях она нередко называется «Оксиньей Ивановной», т. е. ее помнили и по мирскому имени), и ее мужа, и их детей. Во-вторых, надо учесть и известную патриархальность отношений крестьян и помещиков на протяжении веков, ведь первые не только боролись со вторыми, известно и много иных примеров. Вспомним хотя бы отношения пушкинских Савельича и Гринева. К тому же, если дело происходило в феврале 1613 года, то нельзя совсем исключить, что Сусанин мог знать о том, что дело идет к избранию Михаила царем.

Время действия

Версия I: поздняя осень 1612 года.

В нашем сознании (благодаря опере М. И. Глинки, многочисленным картинам, художественной литературе) прочно укоренился образ Сусанина, ведущего поляков лесом среди сугробов. Однако есть основания для предположения, что сусанинский подвиг пришелся совсем на другое время года — на осень.

В целом ряде народных преданий, записанных в XIX веке, повествуется, как Сусанин спрятал Михаила в ямнике недавно сгоревшего овина и даже будто бы прикрыл его обгоревшими бревнами. Еще в начале нашего века жители Деревеньки показывали яму, якобы, от этого самого овина. Версию о спасении царя в ямнике сгоревшего овина отрицали практически все исследователи. Но если в этом предании сгоревший овин не выдумка, а реальность, то это несомненным образом указывает на осеннее время года, поскольку овины топились в основном осенью и сгорали в основном тогда же.

Убедительнее всего эту версию обосновал протоиерей А. Домнинский (представитель старинного рода домнинских священников, чей прямой предок — отец Евсей — был священником в Домнине при Сусанине), писавший: «Историки говорят, что смерть Сусанина... случилась в феврале или в марте 1613 года; а мне думается, что это событие случилось осенью 1612 года, потому что в нашей местности, в феврале или в марте месяцах, никак невозможно ни пройти, ни проехать кроме проложенной дороги. В нашей местности к огородам и лесам наносит высокие бугры снега в сии месяцы... а историки, между тем, говорят, что Сусанин вел поляков все лесами и не путем и не дорогою»⁵.

Целком разделял это мнение А. Домнинского и покойный А. А. Григоров, полагавший также, что сусанинский подвиг был совершен осенью, а позднее, когда Михаил стал царем, оба эти события вольно или невольно совместили.

Но тогда любой слышавший о Сусанине, может спросить: что же это были за поляки, которые пытались захватить (или убить) Михаила осенью, если во всей литературе говорится, что это произошло позднее — после избрания Михаила царем в Москве на Земском Соборе в феврале 1613 года? А. Домнинский считал, что поляки искали одного из наиболее верных претендентов на русский престол. Это, в принципе, очень вероятно. Вычислить таких претендентов не составляло особого труда.

А. А. Григоров же полагал, что «осенние» поляки были какой-нибудь обычной группой, промышлявшей грабежом и разбоем, узнавшей каким-то образом про Михаила и решившей захватить его, например, для того, чтобы потребовать у родителей выкуп.

Место гибели Сусанина.

Версия I: д. Деревнище.

В ряде преданий, в которых описывается, как Сусанин укрыл Михаила в ямнике от сгоревшего овина в д. Деревнище, говорится, что здесь же, в Деревнище, поляки его пытали и, ничего не добившись, убили. Эта версия не имеет никакого документального подтверждения. Практически никто из серьезных «сусаниноведов» эту версию не разделял.

Версия II: Исуповское болото.

Это версия самая общеизвестная, ее разделяли и очень многие историки. Фольклор о Сусанине почти всегда указывает местом гибели героя это болото. Очень поэтичен образ красной сосны, выросшей на крови Сусанина. Весьма характерно в этом смысле и второе название Исуповского болота — «Чистое». А. Домнинский писал: «Оно носит издревле сие имя потому, что орошено страдальческой кровию незабвенного Сусанина...»⁶ А. Домнинский, кстати, также считал местом гибели Сусанина болото. И ведь болото, безусловно, было главным местом действия сусанинской трагедии! Конечно же, по болоту водил Сусанин поляков, уводя их все дальше и дальше от Домнина. Но сколько встает вопросов, если Сусанин действительно погиб на болоте: а что, поляки после этого погибли все? только часть? кто тогда рассказал? как об этом узнали? Ни в одном из известных нам документов того времени о гибели поляков не говорится ни слова. И думается, что не здесь, не на болоте, погиб реальный (а не фольклорный) Сусанин.

Версия III: село Исупово.

Имеется и еще одна версия, что местом гибели Сусанина является не Исуповское болото, а само село Исупово. В 1731 году правнук Сусанина И. Л. Собинин подал по случаю восшествия на престол новой императрицы Анны Иоанновны прошение о подтверждении льгот, положенных потомкам Сусанина, в котором говорилось: «В прошлом во 121 году (1613) приходил из Москвы из осад на Кострому блаженный и вечная достойная памяти великий Государь Царь и великий князь Михайло Федорович, с матерью своею великою государынею инокинею Марфою Ивановною и были в Костромском уезде в дворцовом селе Домнине в которую бытность их Величества в селе Домнине приходили

Польские и Литовские люди, поймав многих языков пытали и распрашивали про него великого Государя, которые языки сказали им, что великий Государь имеетца во оном селе Домнине и в то время прадед ево онаго села Домнина крестьянин Иван Сусанин взят оными Польскими людьми... оной прадед его от села Домнина отвел и про него великого Государя не сказал и зато оне в селе Исупове прадеда ево пытали разными немерными пытками и посадя на столб изрубили в мелкие части...»⁷.

Если отбросить такие сомнительные подробности о том, что Сусанина посадили на кол, то суть документа довольно ясна — Сусанина убили в Исупове. В таком случае смерть Сусанина видели наверняка исуповцы, они же в таком случае и сообщили об этом в Домнино или же сами отнесли туда тело погибшего земляка.

Версия гибели Сусанина в Исупове — единственная имеющая под собой документальную основу — самая реальная, да и вряд ли И. Л. Собинин, по времени еще не так отдаленный от Сусанина, не знал точно, где именно погиб его прадед.

Что Сусанин был убит в Исупове, считал и один из наиболее серьезных историков, занимавшихся этой историей, В. А. Самарянов, писавший: «Сусанин после пыток и страданий... наконец изрублен в мелкие куски в с. Исупове... и следовательно не в глухом лесу, но в месте более или менее населенном»⁸.

Историк П. Троицкий, разделяя это мнение, писал: «Итак, смерть Сусанина была не в глухом лесу... но... в селе Исупове, находящемся в 7 верстах на юг от Домнина... Возможно, что и сами поляки, чтобы показать русским, как они жестоко мстят тем, которые идут против них, принудили некоторых исуповских жителей присутствовать при мученической казни Сусанина»⁹.

Время действия.

Версия II: февраль 1613 года.

Предположение А. Домнинского о том, что подвиг Сусанина пришелся на осень 1612 года, замалчивалось в массовой литературе о Сусанине. Почему — ясно: если принять это предположение, то получается, что Сусанин спасал не царя, а всего лишь своего юного барина. В принципе, разница с общепринятой версией невелика, но оттенок несколько другой. Да и не только политические соображения играли здесь роль: при отнесении событий на осень вся история, казалось, утрачивала остросюжетный, захватывающий характер.

Однако есть и еще некоторые соображения, которые указывают, кажется, на то, что подвиг Сусанина был совершен не в феврале. Вспомним, как развиваются события в стране после освобождения Москвы от поляков. Повсеместно начинается работа по подготовке Земского Собора (своего рода Учредительного собрания того времени). С конца декабря 1612 года в Москву стали съезжаться выборные люди. Первые заседания собора начались в первой половине января. Основной вопрос, который предстояло решить участникам собора, — избрание нового законного царя. В острой борьбе различных группировок стало ясно, что наиболее сильными позициями на соборе обладают сторонники Михаила Романова. Объясняется это многими причинами, не последнюю роль сыграл возраст Михаила (в отличие от своих более старших соперников Михаил не успел себя чем-либо запятнать в политической борьбе). Знали ли о всей этой политической «кухне» сам Михаил и Марфа Ивановна? Русский историк П. Г. Любомиров полагал, что знали. Действитель-

но, трудно поверить, что сторонники Михаила выдвигали его кандидатуру, не заручившись предварительно согласием Романовых, в противном случае отказ Михаила от престола, в случае избрания его собором на царство, грозил непредсказуемыми последствиями.

21 февраля 1613 года Михаил торжественно был избран Земским собором новым царем России. 2 марта из Москвы в сторону Костромы было отправлено специальное «великое посольство», которое должно было официально уведомить Михаила Федоровича Романова об его избрании и торжественно доставить в столицу русского государства.

По общепринятой версии, именно в это время — со второй половины февраля по начало марта — и была послана поляками, говоря современным языком, «группа захвата» с целью взять Михаила Романова живым или мертвым, чтобы сорвать процесс стабилизации в России и продолжать войну за русский престол. В этой версии нет ничего невероятного — поляки во время работы Земского собора стояли не так далеко от Москвы. Своих информаторов у них наверняка было достаточно, так что узнать о решениях собора и о вероятном местонахождении нового царя было не так уж и сложно. Все это очень и очень могло быть. Ведь если допустили мы факт контактов каких-нибудь посланников от собора с Романовыми (неважно где — в Домнине или Костроме), то почему не допустить и польскую «группу захвата»? Я думаю, что истины в этом вопросе мы не узнаем никогда.

Но все-таки (как я уже говорил) есть еще соображение, позволяющее отнести сусанинский подвиг не на февраль, а на осень. Как известно, Михаил Романов и его мать встретили московское посольство утром 14 марта 1613 года в Ипатьевском монастыре. Почему именно там, а не в кремле, например, где был свой осадный двор, где были власти, где была главная святыня костромской земли — Федоровская икона Божьей Матери? Предположения о том, что Романовы переехали в монастырь накануне приезда посольства ради того, чтобы его, это посольство, принять поприличнее, не имеют веских доказательств. Но другие предположения есть. Вот что писал И. В. Баженов — один из крупнейших историков костромского края: «...с 21 февраля того года наступил Великий пост, на какое время цари и бояре, по благочестивому древнему обычаю, нередко помещались в монастырях для душеспасения, для сохранения или поддержания доброго христианского покаянного настроения»¹¹. Однако, если это так и Романовы находились в монастыре на покаянии (а это, наверное, так, если учесть известную набожность Михаила Федоровича), то названный факт тоже, вроде бы, указывает на то, что Михаил находился в монастыре, по крайней мере, с 21 февраля, а это означает, скорее всего, то, что он пребывал в Костроме с поздней осени. Маловероятно, чтобы, чудом избежав смерти в феврале, он сразу же стал поститься в монастыре.

Впрочем, как я говорил выше, мы, видимо, никогда не узнаем, как оно было все на самом деле — слишком много деталей нам неизвестно, а те, что известны, мы, вероятно, трактуем неправильно.

В любом случае, в любом варианте и времени, и места гибели Ивана Осиповича Сусанина роль его подвига несколько не умаляется. Спасение Михаила Романова, которому волею судеб суждено было в то трагическое время стать символом русской государственности, — это был великий подвиг, показывающий, как много может даже один мужественный человек.

Ведь наверняка Сусанин мог бы, спасая свою жизнь, указать полякам, где находится его молодой господин, ведь могло быть, что люди и не узнали бы об этом. Думается, что все упоминаемые в преданиях и до-

кументах жестокие пытки, которым подвергали Сусанина поляки, не выдумки для пушного эффекта.

Пример с Сусаниным заставляет вспомнить и наших предков, еще когда сказавших: близ царя — близ смерти. Действительно, сколько смертей последовало за попыткой стать царем Федора Никитича Романова и как опять загуляла смерть вокруг его сына Михаила, едва-едва только он приблизился к царскому трону. И оказавшийся близ царя Иван Сусанин воистину оказался близ смерти.

Могила Сусанина

Здесь самое время спросить: а где могила Сусанина? Вопрос об этом вставал редко — какая может быть могила у человека, погибшего на болоте! Однако, если допустить, что Иван Сусанин действительно погиб в селе Исупове (или где-то возле него), то вопрос о месте его захоронения встает совершенно логично.

Вся жизнь наших предков была связана с церковью своего прихода — в ней их крестили, венчали, отпевали, на кладбище у приходского храма, если не случилось человеку умереть уж очень далеко от родной земли, его обычно и погребали. Приходской церковью для жителей Домнина и Деревнище была Воскресенская церковь села Домнина — деревянный шатровый храм, стоявший на склоне домнинской возвышенности над долиной речки Шачи. И тело крестьянина-мученика, если оно не стало добычей болота, должно было быть похороненным на кладбище Воскресенской церкви — наверняка рядом со своими предками. Судя по всему, так это и есть.

Первым, кажется, об этом написал протоиерей А. Домнинский, сообщивший: «Сусанин погребен под церковью, и туда каждого дня ходили в старину петь панихиды... Это я слышал от домнинских крестьян, кои содружны были с моим родителем»¹².

В 1897 году на заседании Костромской губернской ученой архивной комиссии с сообщением, посвященным, в частности, разысканиям о местонахождении могилы Сусанина, выступил председатель комиссии Н. Н. Селифонтов. В докладе Селифонтова говорилось: «В настоящее время в распоряжении комиссии... имеется официальный рапорт благочинного священника 4-го Бувеского округа отца Василия Семеновского Его Пресвященству епископу нашему Виссариону, от 8 июня 1896 г., за № 112, из которого видно, что «по ходячим в народе слухам предание сходится к тому единству, что Сусанин похоронен при тогда бывшей деревянной церкви села Домнина, но могила и самое ее место в народном предании изгладилось. Большинство, — говорит далее отец благочинный — в числе коего главный с. Домнина старожил крестьянин Дмитрий Марков, имеющий от роду более 75 лет, уверяют, что (как слышал от своего отца и теток, старших отца) могила Сусанина должна быть на том месте, где была прежняя деревянная церковь, которая за ветхостью уничтожена, а настоящая каменная церковь на несколько сажен отдалена прежней деревянной; на могиле, будто, была плита с надписью, но она плита между другими камнями, находившимися на могилах, по недостатку камней для бута, при постройке каменной церкви, употреблена на бут»¹³. Священник и краевед И. М. Студитский уточнял, что могила Сусанина находилась в юго-западном углу ограды домнинской Успенской церкви¹⁴.

Деревянный шатровый Воскресенский храм в Домнине был построен, по-видимому, в конце XVI века, перестроен в 1649 году и существовал еще в начале XIX века. Действующая и поныне каменная церковь Успения Божьей Матери начата в 1810 году, а окончена в 1817 году. По-

преданию, каменный храм был возведен на том месте, где стоял барский дом Шестовых (об этом напоминает каким-то чудом уцелевшая памятная доска внутри церкви). Таким образом, как это было нередко, каменный и деревянный храмы некоторое время сосуществовали. В 1831 году древняя Воскресенская церковь «по ветхости» была разобрана и материал ее был использован для обжига кирпичей строящейся церковной ограды. По свидетельствам местных жителей, при закрытии домнинской церкви в самом начале Великой Отечественной войны и устройства в ней зерносклада (к счастью, это кощунство продолжалось сравнительно недолго — то ли в самом конце войны, то ли сразу по ее окончании церковь удалось открыть вновь) все кладбище при церкви было уничтожено — «спланировано» так, что от могил не осталось и следа.

Таким образом, немногие достоверные известия показывают на то, что сусанинская могила находилась в Домнине. Отметим, что известные факты (захоронение под церковью, каменная плита на могиле) совершенно явно указывают, что отношение к Сусанину сразу было в высшей степени почтительное — под церковью хоронили не всякого помещика или государственного деятеля. Об этом же говорит, кстати, и наименование Сусанина в приводимых ниже царских грамотах 1619 и 1633 годов Иваном Сусаниным, в отличие от упоминаемых там же «Богдашки Сабинина» и «Антонидки Сабининой», называемых в уничижительной форме, как и подобало называть тогда в официальных документах крестьян.

Нельзя не упомянуть о том, что где-то здесь же — на домнинском погосте — был похоронен и умерший до 1633 года зять Сусанина Богдан Сабинин.

Говоря о сусанинской могиле, нельзя не коснуться версии о том, что тело Сусанина позднее было перевезено и похоронено в Ипатьевском монастыре. Известие это отвергалось практически всеми исследователями как необоснованное и надуманное. Действительно, очень маловероятно, чтобы при том внимании, которое уделялось династией Романовых Ипатьевскому монастырю (в том же XVII веке, когда только и могло произойти перезахоронение Сусанина, не зафиксированное дошедшими до нас источниками), его монахи «потеряли» или «забыли» о бывшей бы столь важной во всех отношениях для монастыря такой святыне, как могила человека, спасшего родоначальника этой династии.

Потомки Сусанина

Михаил с матерью и «великим московским посольством» в марте 1613 года уехали из Ипатьевского монастыря в разоренную Москву. Впереди были большие труды по восстановлению разлаженной смутой и годами продолжающейся войны с Польшей машины русской государственности. После Деулинского перемирия отец Михаила Филарет в обмен на одного польского полковника был выпущен в июне 1619 года из плена, и в том же месяце на соборе Москвы Филарета избирают патриархом всея Руси. Вскоре, в сентябре, Михаил Федорович (видимо, по обещанию — по случаю возвращения из плена отца) посетил Кострому и съездил на богомолье в Макарьев-Унженский монастырь (собор, избравший Филарета патриархом, канонизировал и преподобного Макария). Перед поездкой в монастырь Михаил Федорович на несколько дней съездил в Домнино. Результатом этой его поездки и была жалованная грамота царя родным Ивану Сусанину. Вот текст этой грамоты: «Божиею милостью, Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михайло Федорович, всея Руси Самодержец, по нашему Царскому милосердию, а по совету и прошению матери Нашей, Государыни, ве-

ликия Старицы инокини Марфы Иоанновны, пожаловали есма Костромского уезда, Нашего села Домнина, крестьянина Богдашка Собинина, за службу к нам и за кровь, и за терпение тестя его Ивана Сусанина: как Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михайло Феодорович всея Руси в прошлом 121 (1613) году были на Костроме, и в те поры приходили в Костромской уезд Польские и Литовские люди, а тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина в те поры Литовские люди изымали и его пытали великими, немерными пытками и пытали у него, где в те поры Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михайло Феодорович всея Руси были, и он Иван ведая про нас, Великого Государя, где Мы в те поры были, терпя от тех Польских и Литовских людей немерные пытки, про нас, Великого Государя, тем Польским и Литовским людям, где мы в те поры были не сказал, а Польские и Литовские люди замучили его до смерти. И Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михайло Феодорович всея Руси пожаловали его, Богдашка, за тестя его Ивана Сусанина к нам службу и кровь, в Костромском уезде Нашего дворцового села Домнина половину деревни Деревнищ, на чем он, Богдашка, ныне живет, полторы чети выти земли велели обелить с тое полудеревни, с полторы чети выти, на нем, на Богдашке, и на детях его, и на внучатах, и на правнучатах, Наших никаких податей и кормов, и полвод, и наметных всяких столовых и хлебных запасов, и в городовые поделки, и в мостовщину, и в инья ни в какие подати имати с них не велели; велели им тое полдеревни во всем обелить и детям их, и внучатам, и во весь род недвижно. А будет то наше село Домнино в который монастырь и в отдаче будет, тое полдеревни Деревнище, полторы чети выти ни в который монастырь с тем селом отдавать не велели, велели по Нашему Царскому жалованью владеть ему, Богдашке Собинину, и детям его, и внучатам, и правнучатам, и в род их во веки недвижно. Дана сия наша Царская жалованная грамота в Москве лета 7128 (1619) ноября в 30 день»¹⁶.

По этой грамоте Богдан Сабинин и его потомство стали так называемыми «белопашцами» — т. е. крестьянами, не несущими никаких повинностей в чью-либо пользу. Грамота 1619 года долгое время служила тем, кто считал и считает, что никакого подвига Сусанина не было, что выдача грамоты была сделана с целью укрепления авторитета молодой династии для того, чтобы показать, как любит ее простой народ и т. д. Да, наверное, такие соображения имели место, но преувеличивать все это нельзя. Безусловно, что подвигу Сусанина и тогда, когда он был совершен, и в 1619 году еще не придавали того политического значения, как много позднее. Михаил поступил так, как не мог не поступить, будучи царем (ведь существовала своеобразная царская этика). Думается, что тогда, в 1619 году, Романовы смотрели на пожалование родным Сусанина во многом как не дело домашнее.

Однако в 1630 году перед смертью Марфа Ивановна наряду со многими землями завещала и свою домнинскую вотчину Новоспасскому монастырю в Москве, долгое время служившему местом погребения почти всех Романовых. После кончины матери царя, последовавшей в 1631 году, архимандрит Новоспасского монастыря в соответствии с завещанием «очернил» потомков И. Сусанина (т. е. распространил на них все обычные повинности в пользу монастыря). Почему была нарушена царская грамота 1619 года? Думается, что вряд ли сама «Великая старица» причастна к этому, скорее всего произошло какое-то недоразумение. То ли Богдан Сабинин, то ли уже его вдова подают на имя Михаила Федоровича челобитную. Эта челобитная нам неизвестна, но известна ответная грамота царя, датированная 30 января 1633 года: «Божией милостию, Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михайло Фео-

дорович... пожаловали есма Костромского уезда, села Домнина Богдашка Сабинина за службу к нам и за терпение тестя его Ивана Сусанина... в Костромском уезде нашего дворцового села Домнина половину деревни Деревнищ, чем он Богдашка жил... Оное село Домнино и с деревнями и с тою деревнею отдано в монастырь к Спасу на Новой по нашей матери, Великой Государыне, инокине Марфе Ивановне, и Спасский архимандрит его полдеревни очернил, и всякие доходы на монастырь емлет, и Мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михайло Феодорович всея Руси пожаловали вместо тое деревни Деревнищ того Богдашка Сабинина жену его вдову Антонидку и с детьми ея с Данилком да с Костьюкою, за терпение и за кровь и за смерть отца ея Ивана Сусанина в Костромском уезде, села Красного, приселка Подольского пустошь Коробово в отчину и в род их во веки не подвижно, велели обелить, на ней Антонидке и на детях ея, внучатах и на правнучатах, на них никаких податей... имать не велели. А буде то наше село Красное во отдаче и тое пустоши никому ни в поместье, ни в вотчину не отдавать и у них не отнимать, а владеть им по сей Нашей Царской жалованной грамоте ей Антонидке и детям ея и внучатам и правнучатам и в роде во века неподвижно...»¹⁷.

Итак, в ответ на челобитную родных Сусанина царь, который не мог нарушить предсмертную волю матери, взамен Деревнища пожаловал им пустошь Коробово (ныне — д. Коробово в Красносельском районе). В Коробове потомки Сусанина (или как их еще называли — «коробовские белопашцы») и жили впоследствии несколько веков. В Коробове поселились Антонида и два ее сына — Даниил и Константин, от последних пошло два колена потомков Сусанина, и еще в XIX веке жители Коробова помнили, кто они — «даниловичи» или «константиновичи».

В числе других поселений деревня Коробово входила в приход, центром которого была церковь в близлежащем селе Прискокове. На кладбище у этой церкви, согласно преданиям коробовцев, и находится могила Антониды, умершей после 1644 года. Здесь же, наверняка, похоронены и внуки Сусанина — Даниил и Константин, и правнуки, и значительная часть других потомков Ивана Сусанина.

Постепенно численность «коробовских белопашцев» росла, во многом это была обычная деревня — большинство ее жителей занималось обыкновенными крестьянскими делами, некоторые — ювелирным ремеслом, некоторые летом уходили на Волгу в бурлаки. Коробовцы имели целый ряд льгот, в частности, в начале XIX века даже начальнику губернии, костромскому губернатору, если бы он захотел приехать в Коробово, пришлось бы брать разрешение на это в Петербурге, у министра двора.

В начале 50-х годов XIX века в Коробове по распоряжению Николая I за счет казны была построена каменная церковь во имя Иоанна Предтечи — святого, в честь которого был назван и Иван Сусанин. Освящена эта церковь была 11 декабря 1855 года. Для колокольной церкви отлили набор колоколов с барельефными изображениями членов царской семьи (где-то они теперь, эти колокола?).

Начиная с 1834 года, в программу встреч царей, периодически посещавших Кострому, неизменно входит и встреча с потомками Сусанина. В августе 1858 года Коробово специально посетил совершающий поездку по стране император Александр II. Последняя встреча коробовцев с царем Николаем II состоялась 20 мая 1913 года в парке губернаторского дома на Муравьевке (нынешняя поликлиника) во время пребывания его в Костроме по случаю торжеств в связи с 300-летием правления дома Романовых.

В XVIII веке Сусанина вспоминали (в искусстве, в политике) крайне редко. В условиях национального подъема, вызванного Отечественной войной 1812 года, интерес к личности легендарного крестьянина заметно возрастает. Вскоре после окончания войны с Наполеоном итальянцем К. Кавосом была написана опера «Иван Сусанин», премьера которой состоялась в Петербурге 19 октября 1815 года. Вскоре, в 1822 году, появилась и известная дума К. Ф. Рылеева о Сусанине. Вторая опера, где героем был Сусанин — первая русская классическая национальная опера, — создана М. И. Глинкой в середине 1830-х годов. Первоначально она, как и опера Кавоса, называлась «Иван Сусанин», но Николай I дал ей другое название — «Жизнь за царя». Премьера оперы Глинки состоялась в Петербурге 27 ноября 1836 года.

После пребывания в Костроме в 1834 году императора Николая I было решено соорудить памятник Сусанину в нашем городе. Памятник был заложен на центральной площади, переименованной по такому случаю из Екатеринославской в Сусанинскую, 2 августа 1843 года, а торжественно открыт 14 марта 1851 года (напомню, что 14 марта — это день, в который Михаил Федорович дал свое согласие на царство). Автором памятника был известный скульптор того времени В. И. Демут-Малиновский, ректор Академии художеств. На гранитной колонне памятника находился бронзовый бюст Михаила Романова, а у подножья колонны — коленопреклоненная фигура Ивана Сусанина. О монархическом духе, в котором был выдержан монумент, немало писали после революции. И это правда, иным он, наверное, быть и не мог, но как явление искусства этот памятник-колонна был весьма интересен, он на редкость удачно вписался в ансамбль Сусанинской площади.

И в опере Глинки, и в памятнике в Костроме наглядно были отражены противоречия эпохи. Ведь национальный подъем после войны 1812 года переплетался с кризисом крепостнической системы, образ знаменитого крестьянина в этих условиях использовался различными общественными силами в политической борьбе.

Крестьянская реформа 1861 года в этом плане ничего существенно не изменила. Правящие круги по-прежнему творили настоящий культ личности Сусанина, делая основной упор на монархическую, политическую сторону его подвига, провозглашая Сусанина символом «царелюбивого русского народа». Роковые последствия покушения революционера Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 года на Александра II у решетки Летнего сада в Петербурге сыграли в этом свою известную роль. Дело в том, что, по официальной версии, Каракозов, стреляя в царя, промахнулся из-за того, что его толкнул оказавшийся рядом крестьянин Осип Иванович Комиссаров, происходивший из-под села Молвитина, т. е. приходившийся ближайшим земляком Сусанина. Так это было или не так — сказать трудно, но, вероятнее всего, спасение Александра II Комиссарову приписали. Среди задержанных оказался земляк Сусанина, и не обыграть это было нельзя. Каракозов, естественно, был повешен, его выстрел привел только к массовым арестам среди демократической общественности и усилил позиции реакции. Комиссарову же, провозглашенному «вторым Сусаниным», было пожаловано дворянство, к фамилии его была прибавлена почетная приставка «Костромской», его имя всячески восхвалялось.

На общем фоне политической борьбы этого времени надо рассматривать и известное, повторенное в нескольких работах положение историка П. И. Костомарова¹⁸. Не отрицая существования личности Ива-

на Сусанина, Костомаров утверждал, что его подвиг — это позднейший вымысел. В самом выдвижении такой версии не было никакого криминала; право на самую необычную гипотезу — святое право каждого историка. Сам тот факт, что стало можно совершенно легально выдвигать такие предположения, — свидетельство того, как сильно изменилось русское общество после 1861 года. Но в конкретной ситуации 70-х и 80-х годов прошлого века реакция на выступление Н. И. Костомарова была преимущественно не научная, а политическая, был поднят большой шум, на историка навешали немало политических ярлыков (типа того, что вот дали свободу, теперь посягают на наши святыни). Хотя нельзя не заметить, что и сам Н. И. Костомаров, видимо, не удержался от того, чтобы не допустить политику в свое научное творчество. Один из основателей на Украине тайного «Кирилло-Мефодиевского братства» (членом которого был, например, и великий поэт Т. Г. Шевченко), Костомаров почти год просидел в Петропавловской крепости, а затем на 9 лет был сослан в Саратов; он получил возможность заниматься научной и преподавательской работой только после смерти Николая I. Все, что он написал о Сусанине, надо рассматривать как реакцию и на казненный культ знаменитого крестьянина, и на всю официальную историографию того времени. В главном Н. И. Костомаров был неправ, хотя этот случай лишней раз подтвердил пользу плюрализма мнений в науке. В полемике с оппонентом историка костромского края еще раз пересмотрели все материалы по сусанинской тематике, ввели в научный оборот много новых материалов.

Во время трагических событий I-й русской революции имя Сусанина слишком часто мелькало «по ту сторону» баррикад. Наряду с Мининым имя Ивана Сусанина часто было знаменем крайне правой черносотенной реакции. К тому же в условиях кризиса начала XX века официальный культ личности Сусанина, как и любой культ, породил снизу отрицательное (нигилистическое) отношение и к личности, и к подвигу этого человека. (Вроде: Сусанин — это холуй, который спас основателя кровавой романовской шайки). Так реальности начала XVII века переносились на реальности совсем другой эпохи.

В начале XX века существовавшее в Костроме Александровское православное братство, занимавшееся благотворительной деятельностью в местах Костромской губернии, связанных с первыми Романовыми, приняло решение о возведении в Деревеньке близ Домнина на том месте, где, по преданию, стояла сусанинская изба, памятной часовни. Строительство ее началось в 1911 году, а торжественно освящена она была 20 октября 1913 года (на пояснительной доске, укрепленной ныне на часовне, ошибочно значится, что церковь построена в 1915 году) местным благочинным с причтами ближайших церквей — Домнина и Хрипелей. До революции ежегодно 29 августа (11 сентября по н. стилю) на Усекновенье главы Иоанна Предтечи служилась панихида об упокоении души Ивана Сусанина¹⁹.

Празднование 300-летия подвига Сусанина почти совпало с 300-летием правления Дома Романовых. В мае 1913 года в Костроме, в бывшем кремле, на том примерно месте, где в XVII веке находился двор Марфы Ивановны Романовой, был заложен монумент в честь романовского юбилея. На этом монументе среди многих других фигур должна была находиться и бронзовая фигура умирающего Сусанина, над которым склонялась фигура женщины — аллегорическое изображение России (к сожалению, начавшаяся через год война не дала возможности закончить до революции этот во всех отношениях интересный памятник).

Первые годы после революции отношение к Сусанину формально оставалось лояльным (хотя бы пример со стариком-сибиряком Ф. С. Гуляевым, заведшим в августе 1919 года отряд колчаковцев в болото и наряду с орденом Красного Знамени награжденным постановлением ВЦИК почетной фамилией «Сусанин»), но, по сути дела, новый строй выбрасывал память о Сусанине на свалку истории.

В сентябре 1918 года Сусанинская площадь в Костроме была переименована в площадь Революции. Тогда же, в сентябре, согласно Декрету Совнаркома от 12 апреля 1918 года «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг...», за подписями Ленина, Луначарского и Сталина, был наполовину разрушен и находящийся на площади знаменитый памятник Демут-Малиновского. С памятника была снесена колонна и обе фигуры — и Михаила, и Сусанна, — а взамен на постамент был установлен четырехгранный шатер, увенчанный красным флагом, и установлено четыре портрета: Маркса, Бебеля, Лассала и Ленина.

Примерно тогда же была отправлена в переплавку за Волгу на завод ПЛО (вскоре получивший название «Рабочий металлист») наряду с другими и бронзовая фигура Сусанна с почти оконченного романовского монумента, спустя несколько лет преобразованного в памятник Ленину...

И все-таки официальное отношение к Сусанину в первые два десятилетия после революции было не то чтобы враждебное — к нему относились скорее как к чему-то допотопному, невообразимо далекому и чуждому нбвой социалистической эпохе. У нового времени были свои герои. Пренебрежительное отношение к Сусанину надо рассматривать на фоне общего негативного отношения к истории России, выразившегося в таких формах, как гонения на краеведов, разгром музеев, закрытие и массовое разрушение храмов, в том числе и тех, так или иначе связанных с памятью о Сусанине.

В 30-е годы была превращена в зерносклад сусанинская часовня в Деревеньке. Как писалось выше, была закрыта и также превращена в зерносклад Успенская церковь в Домнине (вновь, к счастью, открытая после войны), и при этом было уничтожено все находящееся при церкви старинное кладбище, на котором, как думается, покоится прах нашего национального героя. В это же время осквернена и полуразрушена Троицкая церковь в с. Исупове, разрушена Преображенская церковь в с. Хрипели (от нее уцелела одна только колокольня, возвышающаяся над долиной речки Шачи). Такую же участь разделили и все церкви с. Молвятина — будущего Сусанна, включая и такую жемчужину русской культуры, как церковь Воскресения, с которой были сбиты все главы, а в храме устроен зерносклад.

Заброшена и осквернена была церковь в с. Прискокове (где, напомним, похоронены дочь Сусанна Антониди и почти все другие его потомки), порушена церковь Иоанна Предтечи в Коробове — этот храм-памятник Ивану Сусанину.

Но времена менялись, к середине 30-х годов режим, все более и более напоминающий древневосточную деспотию, вспомнил кое-кого из исторических фигур, казалось бы, навсегда канувших со старой Россией в Лету: Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова, Кутузова, Петра I, Ивана Грозного... Причин для их возвращения было много: приближалась война, и нужно было вспомнить людей, защищавших Отечество в боях с иноземным врагом (прежние официальные ге-

рой — участники гражданской войны — для таких целей годились мало), но были и более глубокие причины, связанные с преобразованием самого режима.

Пришел черед возвращения и Ивана Сусанина. В газетах и журналах вновь замелькали материалы о Сусанине, в которых нигде не упоминался Михаил Романов и подвиг трактовался как обыкновенный патристический поступок без конкретной подоплеки. Срочно (за 4 месяца) была восстановлена, точнее, переделана опера М. И. Глинки, с революции не шедшая на территории СССР. Из оперы были выброшены, естественно, все упоминания о царе Михаиле Федоровиче, об Ипатьевском монастыре и т. д. Премьера этой оперы, получившей название «Иван Сусанин», состоялась в Москве в Большом театре 27 февраля 1939 года.

27 августа 1939 года (в литературе встречается ошибочная дата — 1938 год) указом Президиума Верховного Совета РСФСР старинное село Молвитино, центр Молвитинского района, «по просьбам трудящихся» было переименовано в с. Сусанино.

Учитывая сложившуюся к концу 30-х годов систему власти в СССР, можно уверенно предположить, что все это делалось по прямому указанию И. В. Сталина.

Видимо, конкретным поводом к «возвращению» Сусанина были антипольские соображения: готовился раздел польского государства, готовился Пакт с Германией, решением Исполкома Коминтерна (на самом деле — по решению Сталина) в 1938 году была распущена польская компартия, действующая в Польше в подполье, тысячи и тысячи поляков, живших в СССР были арестованы только за свою национальность (хотя бы генерал Рокоссовский)... В этом раскладе старик Сусанин мог принести режиму пользу.

Нельзя не увидеть, что «возвращенный» в конце 30-х годов образ Сусанина, несмотря на всяческое умалчивание о царе Михаиле, был, по сути дела, глубоко монархичен и в чем-то воскрешал дореволюционные традиции восприятия Сусанина. Хотя сама легализация имени героя-крестьянина в целом была делом положительным.

Отечественная война вернула Ивана Сусанина новым поколениям окончательно, его образ в числе многих других теней славных предков помогал нашему народу в борьбе с германским фашизмом. Сусанин бесспорно был возведен в разряд национальных героев, о нем нельзя было говорить иначе, как с добавлением почтительных эпитетов: «патриот земли русской», «народный герой», «мужественный русский крестьянин» и т. д. Можно говорить о возвращении определенного культа Сусанина — казенного и холодного, умалчивающего слишком о многом.

При внешних казенных почестях, воздаваемых имени героя, оставались полуразрушенными храмы сусанинской земли; в начале 50-х годов было начато осушение Чистого болота; подточенная коллективизацией, войной и послевоенным временем, исчезла с лица земли сусанинская Деревенька...

Несмотря на сопротивление части костромской общественности, в 1967 году в Костроме был установлен памятник И. Сусанину (скульптор Н. Лавинский) — холодный и малохудожественный, так и не ставший своим в ансамбле центра нашего древнего города.

Поворот к реальному, а не показному уважению нашего прошлого, в том числе и памяти о Сусанине, происходил медленно. В 1977 году получило статус «памятника природы» Чистое болото, чем оно было спасено от торфоразработок. Тогда же была отреставрирована мемориальная часовня в Деревеньке, начата и сейчас уже завершается рес-

таврация церкви Воскресения в п. Сусанине; где ныне находится музей подвига Сусанина. В 1988 году, когда отмечалось 375-летие подвига, на возвышении над Чистым болотом, на месте бывшей деревни Анферово, был установлен памятный знак — огромный валун с надписью: «Иван Сусанин 1613», на редкость вписавшийся в пейзаж.

В последние годы окончательно сняты все негласные запреты на упоминание вместе с именем Сусанина имени первого царя из рода Романовых. В 1989 году была восстановлена постановка оперы «Жизнь за царя». 15 июля 1990 года впервые за более чем семь десятилетий отслужен был молебен у часовни в Деревеньке. Но и сделать еще предстоит немало.

Самое главное состоит в том, что в отношении к Сусанину необходимо отказаться от каких-либо политических крайностей. Этого человека, жившего на рубеже XVI и XVII веков, надо воспринимать реально, т. е. таким, каким он был, без стыдливых оговорок, что, де, он, хотя и спас царя, но все-таки герой. Необходимо и здесь подходить с общечеловеческих позиций. Необходимо, наконец, и покаяние перед его памятью — и за все крайности в дореволюционное время, и за все, что было сделано после революции. Действительно, как бы сам Иван Осипович — православный, верующий крестьянин — посмотрел на разрушение храмов, на осквернение кладбищ, на исчезновение сел и деревень, на оскудение земли его родных мест?

Ну, а тайна, которая, вероятно, всегда будет витать над этим событием, над каждой его деталью — этот неотъемлимый спутник каждого исторического события, — станет будить мысль, поощрять к поиску.

ПРИЛОЖЕНИЕ

¹ Домнинский А. Правда о Сусанине. //Русский Архив. — 1871. — № 2. — Стб. 13, 31.

² Там же. — Стб. 14.

³ Там же. — Стб. 11.

⁴ Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1977. — Вып. 4 — С. 220.

⁵ Доминский А. Указ, соч. — Стб. 9.

⁶ Там же. — Стб. 19.

⁷ Костромские Губернские Ведомости, 1852, № 12.

⁸ Самарянов В. А. Памяти Ивана Сусанина, за Царя, Спасителя Веры и Царства, живот свой положившего в 7121 (1613) году. — К., 1882. — С. 60.

⁹ Троицкий П. Исторический очерк костромского края. //Справочная книжка Костромской губернии и календарь на 1909 г. — К., 1909. — С. 357.

¹⁰ Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. — М., 1939. — С. 221.

¹¹ Баженов И. В. Где Михаил Федорович Романов с матерью инокиней Марфою нашел безопасности для себя убежище от преследований поляков в начале 1613 года? — К., 1911. — С. 15.

¹² Домнинский А. Указ, соч., — Стб. 12.

¹³ Особый журнал Костромской губернии ученой архивной комиссией, заседания 26 августа 1897 г. — К., 1897. — С. 21.

¹⁴ Студитский И. Посещение г. Костромы и Музея Архивной Комиссии 3 июня 1908 г. Королевой Эллиной Ольгой Константиновной. //Костромская старина — К., 1912. — Вып. 7. — С. 3.

¹⁵ Домнинский А. Указ, соч., — Стб. 23.

¹⁶ Виноградов Н. Краткий очерк исторического развития привилегий Костромских белопашцев. — К., 1911. — С. 2—3.

¹⁷ Самарянов В. А. Указ, соч., — С. 93.

¹⁸ Костомаров Н. И. Собр. соч., Исторические монографии и исследования, т. I. — СПб., 1903.

¹⁹ Годовой отчет Александровского Православного Братства в г. Костроме за 1913 г. — К., 1914. — С. 6.

С. В. МАКСИМОВ И А. А. БАХРУШИН

(К истории творческих взаимоотношений)

В Центральном театральном музее имени А. А. Бахрушина хранятся документы, позволяющие пролить свет на мало известную сторону деятельности С. В. Максимова, которая связана с собиранием архивных материалов для театрального музея.

Близкое знакомство С. В. Максимова с выходцем из купеческой среды, фабрикантом, меценатом А. А. Бахрушиным относится к 90-м годам XIX века, когда Бахрушин обратился к писателю за помощью в пополнении своих коллекций. Познакомившись с материалами Бахрушина, Максимов пришел в восторг. В письме из Петербурга 9 декабря 1896 года он писал коллекционеру, что его «знаменитый и несравненный музей»¹ внушает глубокое уважение и побуждает тем самым к его дальнейшему пополнению. Радость С. В. Максимова не была случайной, поскольку именно в это время он замечает, как предметы искусства становятся наживой разного рода дельцов. Об этом он сообщает своему другу А. Н. Макарову.²

В первой же посылке в Москву Максимов отправляет Бахрушину самое дорогое, что у него хранилось в настоящее время, большую редкость — автограф механика-самоучки Ивана Петровича Кулибина. «Чертеж, сделанный им с надстрочными и по полям объяснениями, и лоскуток с подобными же молитвенными воззваниями к Божией помощи, относится к той самодействующей машине (perpetuum mobile), над которой он трудился многие годы. Она досталась мне в раздробленном виде, и некоторую часть этого автографа я с удовольствием решаюсь поделить с Вами как положительную и несомненно уникаю»³ — писал С. В. Максимов. Вместе с этим подарком писатель предложил А. А. Бахрушину письма некоторых своих адресатов, автографы которых стали редкостью: Дрянского, Славутинского, Иванова-Классика, Нечипоренко, Д. Д. Минаева, художника Боклевского, поэта Н. Курочкина, издателя «Русской старины» М. Семевского, скульптора М. Микешина, собирателя народных песен, гитариста и литератора М. Стаховича.

Особо выделяет С. В. Максимов рукописное наследие И. Ф. Горбунова, чувствуя, что А. А. Бахрушин заинтересован этим больше, так как имеет цель собирать в первую очередь все, что связано с театром и театральными деятелями. Он дарит хранящиеся у него письма писателя и артиста и берется быть посредником между Бахрушиным и семьей И. Ф. Горбунова в вопросе приобретения для музея альбома, в котором в течение многих лет оставляли свои записи знакомые Ивана Федоровича артисты и писатели. Особую ценность в этом альбоме представляли автографы М. С. Щепкина. Дело это становится спешным для Максимова и потому, что некий антикварный книгопродавец с Литейной имел виды на альбом и давал за него Модесту Писареву 850 рублей.

С. В. Максимов предлагал свои услуги и по комментированию записей, так как почти все они были сделаны при нем и имели конкретный повод, тем более, что в это время он работал над воспоминаниями о И. Ф. Горбунове и А. Н. Островском. Бахрушин не поскупился и приобрел альбом за 1500 рублей, после чего Максимов начинает работать над подготовкой к передаче музею многочисленных материалов по истории театра, собранных И. Ф. Горбуновым за долгие годы.

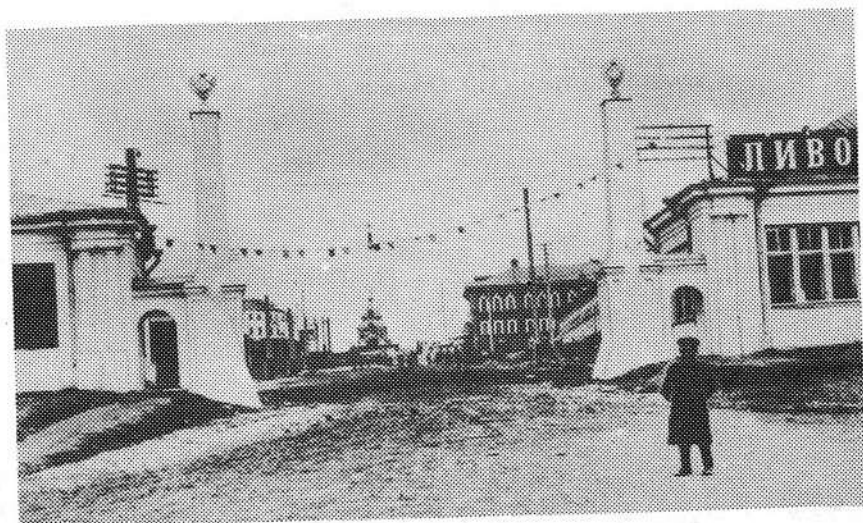
Вскоре на какое-то время сильная лихорадка приковывает писателя к постели. А за ней пришло и другое несчастье — умер один из ближайших друзей К. А. Потехин, дружба с которым продолжалась полвека. Будучи хорошим врачом, К. А. Потехин, по свидетельству С. В. Максимова, спас его когда-то от смерти. А теперь из-за болезни даже праху поклониться не пришлось. По этим причинам писатель просит у Бахрушина отсрочки в исследовании горбуновской хроники театральной жизни. Но чуть окрепнув, он сам вновь пишет в Москву и спешит обрадовать Бахрушина тем, что подобным коллекционированием занимался Мих. Ник. Островский, что его коллекция жива и находится у вдовы его брата-драматурга, что сам Максимов ее видел, когда его просили разобрать бумаги умершего А. Н. Островского, хранившиеся в квартире его брата. А. А. Бахрушин обрадовался такой удаче, но она оказалась несбыточной. Вскоре С. В. Максимов пишет ему: «Бумаги А. Н. Островского находятся у его вдовы, живущей где-то здесь и не желающей знать никого из нас, друзей покойного».⁴

Летом 1897 года С. В. Максимов долгое время жил в селе Ильинском Галичского уезда Костромской губернии у своего друга, бывшего инженера путей сообщения Александра Николаевича Макарова. Но большое расстояние между Москвой и Галичем не стало помехой в общении с А. А. Бахрушиным. Между ними продолжается переписка и деловые отношения. Письма Максимова из Ильинского по своему настроению заметно отличаются от его писем из Петербурга. Они намного лиричнее, наполнены заботами родного края, грустью о так малопеременивой жизни лесной глуши. Еще зимой, заглядывая в будущее, Максимов писал в Москву: «... для удобства работы на всю весну и лето забираюсь в глухие леса, в сухие сосновые боры моей родины, в посад Парфентьев Костромской губ. Кологривского уезда, куда и поплыву от Рыбинска по Волге и от Юрьевца по Унже и еще затем от Макарьева 80 верст на лошадях»⁵. Все замечающий глаз писателя часто сравнивает прошлое и настоящее. Многие изменилось за полвека, и Максимов с горечью видит, как докатилась и до этих мест все разрушающая жажда наживы. Об этом он с сожалением пишет Бахрушину: «... за всякими редкостями, остатками барского богатства ежегодно по зимам являются сюда, вот уже несколько лет кряду, два молодца из Нижегородской губернии и скупают на местах все от старой бронзы ... до кожаных досок, облекающих старые книги, и до рукописей в свитках».⁶ И хоть радуется, что «недавно на пяти возах увезли из села Каликина в Костромской архивный музей бумаги и дела князей Куракиных, владевших большою вотчиною»,⁷ но тут же огорчается, что архив П. А. Катенина не сохранили — пошел с молотка в Чухломе после смерти племянника и наследника. Но к радости С. В. Максимова, да и А. А. Бахрушина тоже, А. Н. Макаров купил на этом аукционе портрет примадонны петербургской русской оперы Степановой, которая была одной из самых популярных певиц в конце царствования Александра I. Она была первой исполнительницей роли Антонида в опере Глинки «Иван Сусанин», такой и изображена на портрете.

Вернувшись в Петербург, Максимов решает разузнать о ней побольше. И вскоре с радостью и удивлением сообщает Бахрушину, что Степанова жива, что жива сестра Глинки, которая оказалась соседкой университетского друга С. В. Максимова, М. Кудрина, — ныне медицинского инспектора флота. В результате таких разысканий у Бахрушина появляется целый ряд адресов людей, хранящих бесценные архивные документы.

В.А. Колесов. Портрет В.Ф. Чижова.
1911. Фоторепродукция Г.П. Белякова.

Кострома. Московская застава. Репродукция Г.П. Белякова.

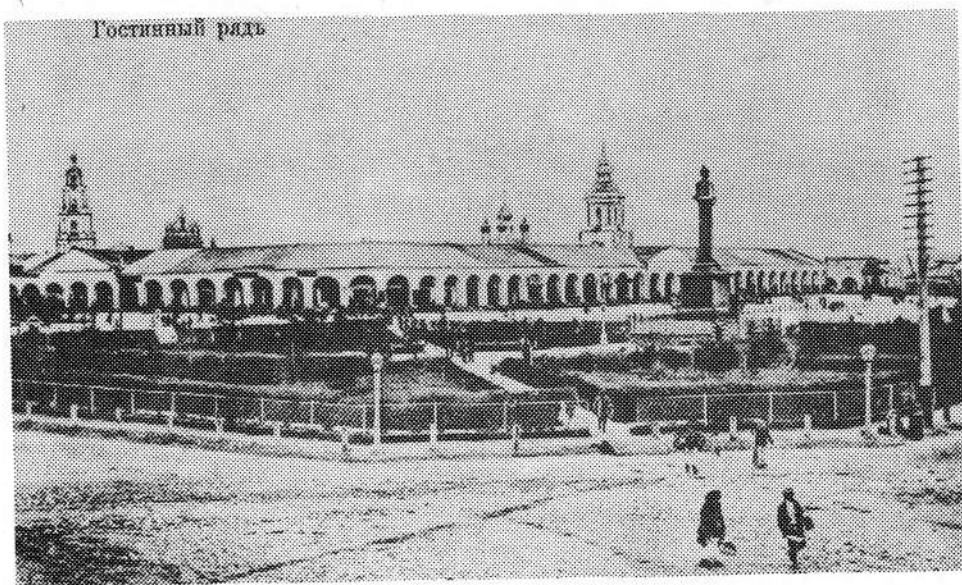
Леонид Андреевич Колгушкин
(1897-1972). Снимок из домашнего
архива.

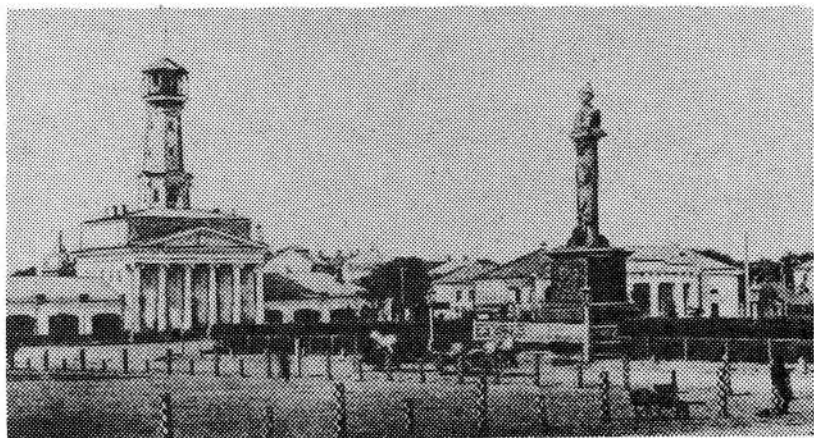

Кострома. Вид на Молочную гору, церковь Спаса в рядах и соборный ансамбль кремля с колокольни Предтечнского храма. Репродукция Г.П. Белякова.

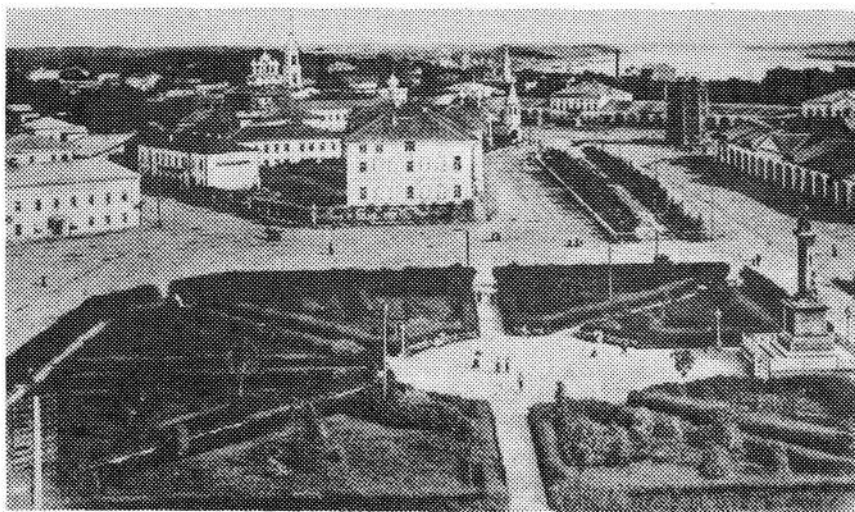
Гостинный рядъ

Кострома. Сусанинская площадь. Репродукция Г.П. Белякова.

В.И. Демут-Малиновский. Памятник Ивану Сусанину.
Репродукция Г.П. Белякова.

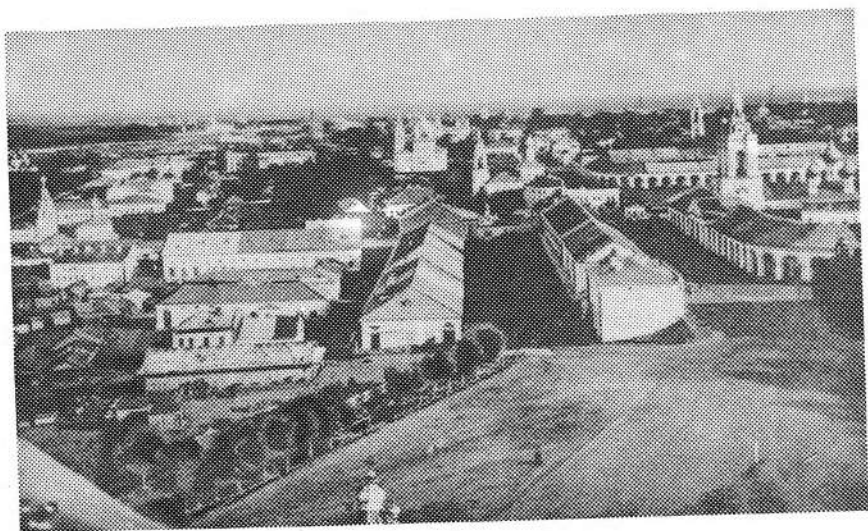
Кострома. Вид с пожарной каланчи на Сусанинскую площадь.

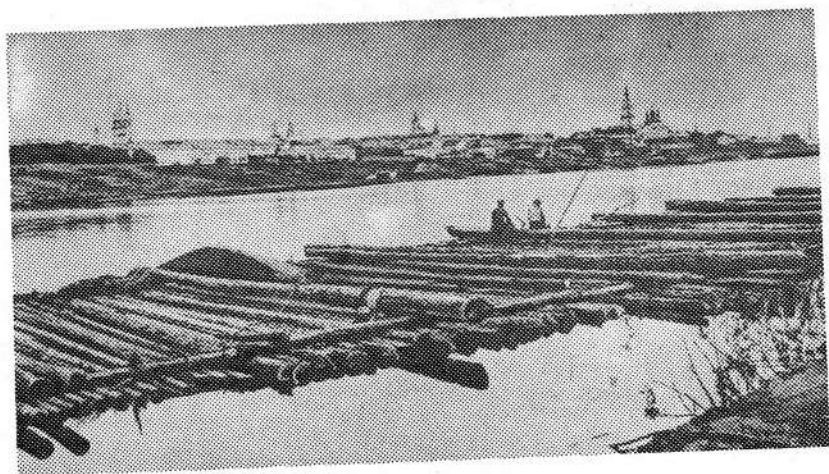
Кострома. Гостиница "Старый Двор" на Русиной улице.
Репродукция Г.П. Белякова.

Соборный ансамбль Костромского кремля. Репродукция Г.П. Белякова.

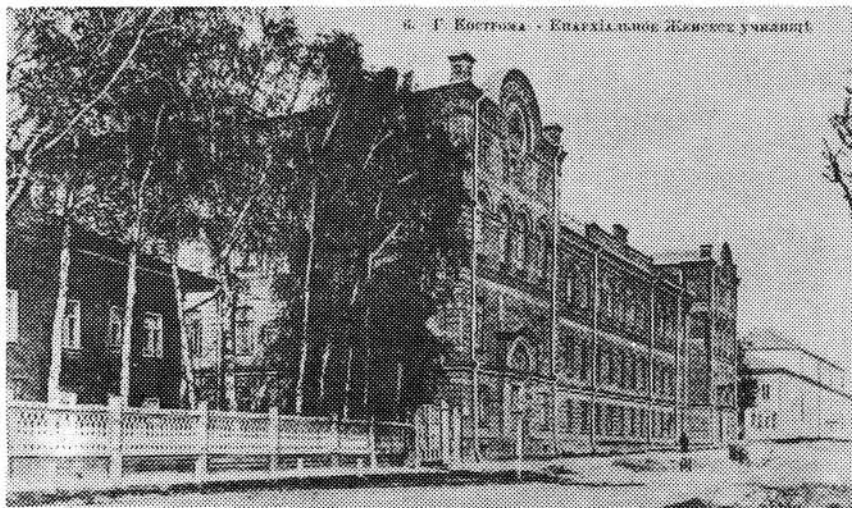
Кострома. Вид с кремлевской колокольни. Репродукция Г.П. Белякова.

Кострома. На Волге. Репродукция Г.П. Белякова.

Кострома. Храм Бориса и Глеба на Муравьевке.
Репродукция Г.П. Белякова.

Кострома. Епархиальное женское училище. Репродукция Г.П. Белякова.

Кострома. Вид с крыши епархиального училища.
Репродукция Г.П. Белякова.

Кострома. Спуск с Муравьевки на Нижнюю Дебрю.
Репродукция Г.П. Белякова.

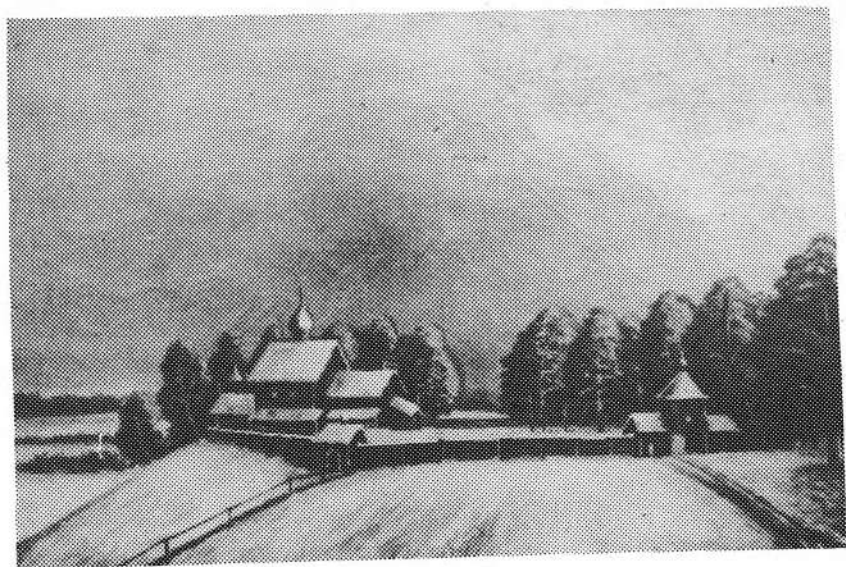
Дмитрий Федорович Белорукон
(1912-1991).

Кострома. Церковь всех святых. Репродукция Г.П. Белякова.

Д.Ф. Белоруков. Посад Парфеньев. XVII-XVIII вв.

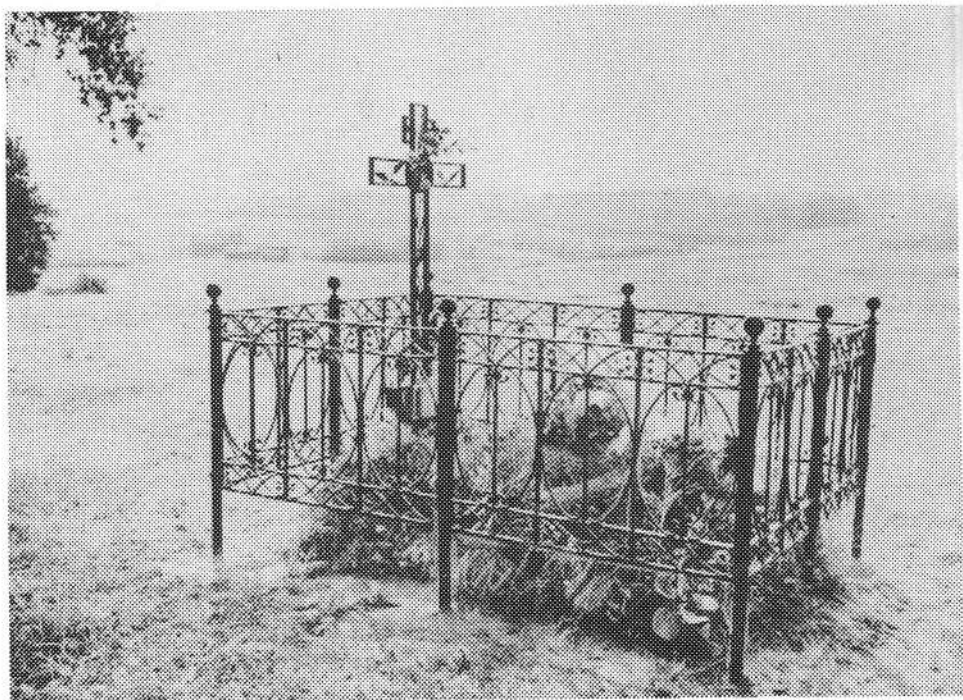
Д.Ф. Белоруков. Рождественский монастырь, "что на
ямах Черного Бору", в XVII в.

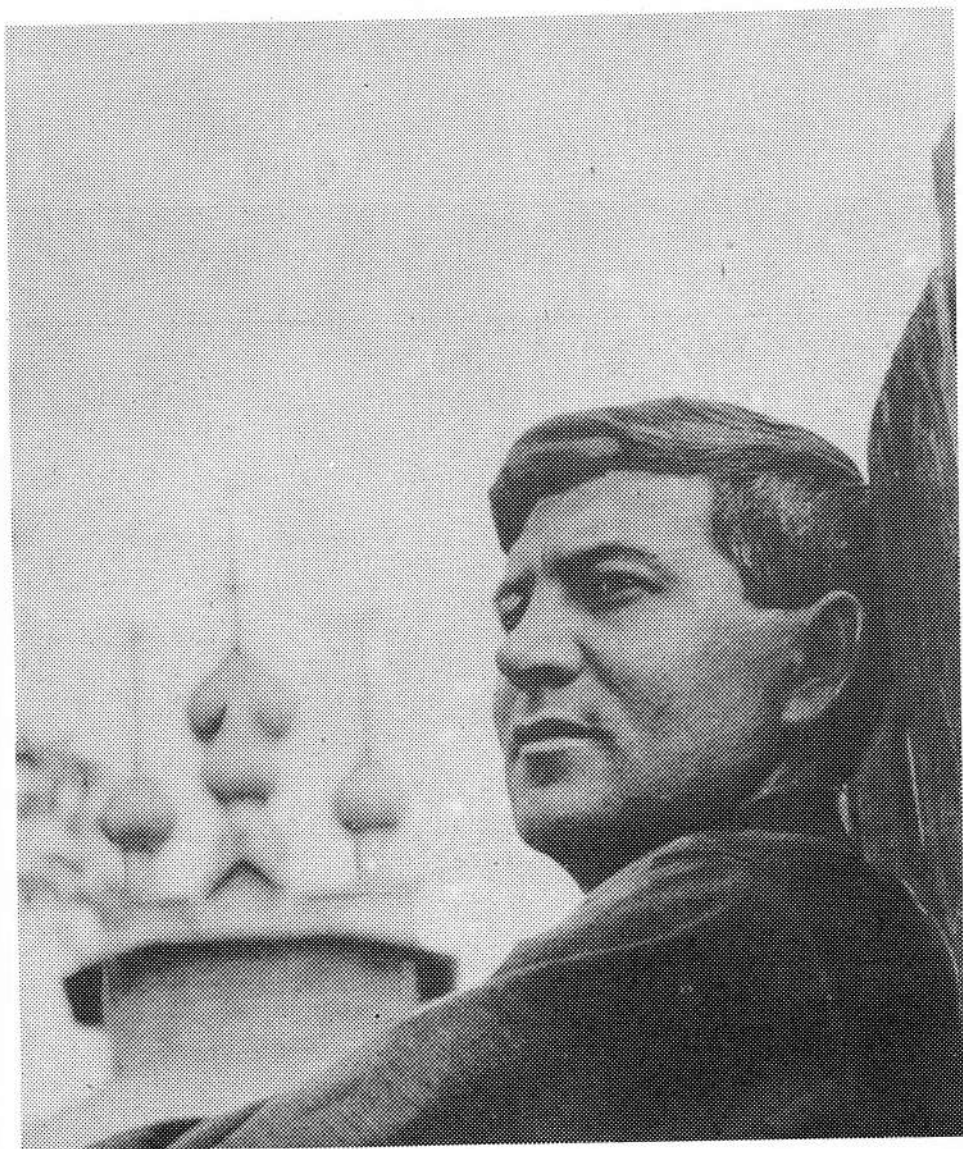
Село Мисково Костромского района. I пол. 50-х гг. Фото Г.П. Белякова.

Успенская церковь в с. Жарки Костромского района.
I пол. 50-х гг. XX в. Фото Г.П. Белякова.

Могила М.Я. Диева в с. Ильинском Судиславского района. Фото Г.П. Белякова.

А.В. Кильдышев. Фото Е.И. Марева.

Вечер памяти С.В. Максимова в Костроме. Фото Г.П. Белякова.

Панихида в Воскресенском храме Парфеньева. Фото Г.П. Белякова.

День памяти А.А.Григорова. Фото Г.П. Белякова.

День памяти А.А.Григорова. Фото Г.П. Белякова.

Последнее, что передал писатель для бахрушинской коллекции, было связано с именами А. Н. Островского и И. Ф. Горбунова. В письме он указывал: «...прилагаю случайно сохранившийся у меня оригинал, переписанный набело самим автором. Это песня Еремки в том виде, как изготовил ее Ал. Ник. для оперы Серова «Вражья сила» («Не так живи, как хочется»);⁸ В этой же посылке находились и некоторые бумаги И. Ф. Горбунова.

Последние письма С. В. Максимова к А. А. Бахрушину имеют бытовой характер и связаны с заботами больного человека о своем здоровье и устройстве судьбы своих детей. Но тем не менее, забота о сохранении для потомков всего, что связано с историей литературы и театра, не покидает писателя до последних дней жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Письма С. В. Максимова к А. А. Бахрушину, использованные в данной статье, хранятся в рукописном фонде Центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина. Приведенная цитата взята из первого письма. Ф1, е. х. 1665.

²Об этом же есть и в письме к А. А. Бахрушину. — См.: е. х. 1660.

³Ф1, е. х. 1655.

⁴Ф1, е. х. 1659.

⁵Ф1, е. х. 1658.

⁶См. прим. 2.

⁷Ф1, е. х. 1660.

⁸Ф1, е. х. 1662.

КОЗЛОВ Б. М. (Кострома).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ КОСТРОМЫ

В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1917—1929 гг.).

Ветхие страницы костромских газет и журналов этих лет хранят бесценные сведения о возникновении и развитии молодой костромской литературы после 1917 года, а также огромное количество стихов, рассказов, очерков и других произведений, авторы которых пришли в нее из рабоче-крестьянской среды или из рядов интеллигентов-революционеров.

О литературной жизни Костромы 1920-х гг. писали некоторые из ее организаторов и участников, а позже — литературные краеведы. Сейчас «Северная правда» периодически организует «экспедиции» в литературное прошлое нашего края. В 1981 г. справочно-библиографический отдел Костромской областной библиотеки и Костромская писательская организация издали библиографический указатель «Писатели Костромы (1918—1975)», содержащий биографии и перечни произведений. Семистраничное предисловие дает лишь самые главные сведения о становлении литературной жизни в нашем городе за 60 лет. Поэтому одна из наших задач состоит в дополнении указанного очерка новыми фактами из истории литературной Костромы 1920-х гг.

С сожалением следует отметить, что костромская литература, особенно этих лет, не изучена как целостное явление, не выявлена ее региональная специфика, ее связь со всей ранней советской литературой. Иное отношение к «своей» литературе у наших соседей-ивановцев; достаточно назвать хотя бы две работы: 1) Поликarpов А., Орлов А. Очерк поэзии текстильного края, Иваново, 1959; 2) Дм. Семеновский и поэты его круга. «Библиотека поэта», изд. 3-е. Вступ. ст., сост., подг. текста, биограф. зам. и примеч. А. Л. Агеева и П. В. Куприяновского. Л., 1989. Конечно, костромская литература 1920-х была менее сильной, чем ивановская, но и она имеет свою интересную историю как

часть литературы «текстильного края», литературы Поволжья, литературы России, всей нашей литературы советского периода...

Как же «зачиналась»¹ послеоктябрьская костромская литература?

Прежде чем проросли ее первые, лучшие всходы, прошло немало времени. Условия, в которых это происходило, в основном, были такими же, как и везде. В Костроме тоже произошло «размежевание» интеллигенции. Часть ее составила оппозицию Советской власти. Газеты зафиксировали, в частности, факт саботажа ее распоряжений чиновниками окружного суда («Северный рабочий», 1918, 11 января)². Следствием конфликта между большевиками и другими партиями стало закрытие газет «Поволжский Вестник», «Народная свобода» (в марте 1918 г. Костромской ревтрибунал слушал дело по обвинению редактора-издателя этого органа партии КД В. Карашевича в «деятельности с целью дискредитировать большевизм в широких слоях населения» (СР, 1918, № 209); после подавления мятежа эсеров были закрыты и их издания.

Костромская губерния также стала ареной гражданской войны со всеми ее последствиями. Части, сформированные в Костроме, уходили не только «на борьбу с Каледниным», а позже — на Восточный и Южный фронты; продотрядам, созданным для реквизиции продовольствия, пришлось силой оружия отбирать его у сопротивлявшихся крестьян своих уездов, и там лилась кровь, особенно в «хлебных». Расстреливали не только укрывавших хлеб или оказывавших сопротивление, но и заложников. Например, в октябре 1918 года, по свидетельству очевидца, в Ветлужском уезде «в ответ на белый террор» были расстреляны 10 «участников белогвардейского выступления» и 10 заложников (СР, 1918, № 378). В этом же номере М. Левашов, сообщавший о штрафах и принудительных работах, которыми были наказаны «кулаки» за оскорбление активистов-комбедовцев в Кологривском уезде, называл это «легкой карой» и считал справедливым расстрел 10 «негодяев-кулаков» для «облегчения участи бедняка».

После покушения на В. И. Ленина губернская газета опубликовала статью, автор которой, призвав не уподобляться «кровавым авантюристам-савинковцам», предложил свой вариант «классового террора»: «Ущемите хвост всем бесящимся от радости по случаю преступления мадам Каплан переводением их на классовый паек в 1/16 фунта хлеба... За преступления против наших товарищей класс буржуазии должен отбыть миллион лет принудительных работ...» (М. Степанов. Красный террор. — СР, 1918, 5 сент.). Как орган Костромского комитета РСДРП (б), «Северный рабочий» в это время уделял много внимания и нейтрализации выступлений против братоубийственной войны и «красного террора» писателей В. Г. Короленко (Торжество победителей. — «Русские Ведомости», 1917, № 265) и А. М. Горького («Несвоевременные мысли»). В газете много раз перепечатывались из центральной прессы статьи, осуждающие этих писателей за «уход в другой лагерь», «воспитание злобы к революции» и т. п. Выступили по этому поводу и костромские литераторы, принявшие новую власть. Например, театральные обозреватели В. Стариков осудил «вечно оппозиционную интеллигенцию, начавшую с декабрьской Голгофы и кончившую жалобным хныканьем партии испуганных интеллигентов, клеймящих революцию, отгнавшую у них белую булку и «Русские Ведомости» (В. Стариков. Интеллигенция и революция. — СР, 1919, 23 марта). Намеренно дав своей заметке заглавие знаменитой статьи А. Блока «Интеллигенция и революция», автор указал на Блока как на образец подлинного интеллигента и поэта-гражданина, «примк-

нувшего к революции и не убоявшегося анафемы буржуазных газет». Любопытно, что несколько раньше Стариков обратился с таким призывом «К интеллигентным силам Костромы»:

...Придите к тем, на ком цепей
Еще не стерся след кровавый,
Но кто восстал на подвиг правый,
И жизнью жертвует своей
За счастье жен и сыновей...
Для всех, кто хныкал и скорбел,
Работа жаркая приспела,
И если власть — не ваш удел,
То просвещение — ваше дело!

(СР, 1919, 4 марта).

О подвиге автора «Двенадцати» писал, уже в год смерти поэта, и ведущий костромской критик тех лет А. Виленкин: «Один Блок, давно чуждый революции и мечтавший о ней, не испугался, когда раздались ее раскаты, один он принял ее как должное» (А. Виленкин. Памяти Блока. — КМ, 1921, 19 авг.).

Как видим, раскол интеллигенции не снял вопроса о ее «долге» перед народом, о ее обязанностях «сеять разумное, доброе, вечное». Поэтому в Костроме не только спорили с Горьким, осуждавшим «скифские» гримасы на лице революционного народа, склонного к анархизму и «диким выходкам», но и соглашались с его призывами осуществлять «возбуждение в народе — рядом с возбужденными в нем эмоциями политическими — эмоций этических и эстетических». Вот что писал в 1919 г. В. Невский, ответственный Костромского горисполкома за народное образование: «Чувство красоты настолько оскудело в народном сознании, повседневный быт масс настолько неэстетичен, грубость и грязь окружающей среды настолько велики, что даже первобытный дикарь, меняющий хлеб на безделушки, был больше эстет, чем мы» (СР, 1919, 7 марта). Ликвидация безграмотности, на которую в первую очередь были призваны учителя и другие работники просвещения и культуры, не могла решить всех задач культурной работы среди населения. Поэтому одновременно создавалась сеть рабочих клубов, студий, кружков, библиотек, приобщавших тысячи людей к участию в различных видах творческой деятельности на любительском или профессиональном уровне. В конце 1918 года в Костроме был открыт университет — «по образцу университета Шаляевского» (СР, 1918, 15 сентября).

И в Костроме происходили жаркие схватки между «нигилистами» пролеткультовской ориентации и сторонниками усвоения «старой культуры». У нас пролеткультовцы атаковали прежде всего репертуар Городского театра, и их наскоки поддержал В. Стариков: «Уж около двух лет живет Россия по-новому, но все еще по-старому живет русский театр. Крылов, Дьяченко, Потапенко, в лучшем случае Островский продолжают пестрить афиши провинциальных театров...» (КМ, 1919, 24 авг.). Летом 1919-го круто активизировалась деятельность Костромского пролеткульта. В августе состоялся губернский съезд, на котором по докладу И. Беляева, была принята резолюция, призывающая создавать «классовое искусство»: «Пьесы старого буржуазного театра, в громадном большинстве строясь на почве личных интересов, частью на борьбе за имущество, культивировали индивидуалистическое начало и инстинкт собственника. Пьесы нового театра должны культивировать коллективизм как культурно-воспитывающее начало грядущего общественного строя. Артистический профессионализм старого театра должен смениться работой пролетарских драматических коллективов, осуществ-

вляющих культурно-творческие задания в области сцены, не отрываясь от станка....». В резолюции по другому докладу говорилось: «Место религии должно занять искусство во всех его проявлениях... В основу пролетарского творчества должно быть заложено здоровое пролетарское чувство, освобождающее человеческий дух от пут религии и капитала...» (КМ, 1919, 28 авг.).

Но высказывались и оппоненты пролеткультовцев: «Немыслимо и слишком примитивно обзывать все минувшее искусство «буржуазным»... Нет, пролетариат участвовал в создании прежнего искусства. Оно теперь — его достояние. Вечная красота художественных образов, завоевания культуры и науки — это слишком много, чтобы все это отдавать с легким сердцем, чтобы все это отвергать во имя будущего» (С. Б. Искусство прежней эпохи. — КМ, 1919, 17 дек.). Выступил против ниспровергателей классики и прибывший в разгар спора в Кострому Б. М. Волин, рекомендованный ЦК КРП (б) на должность председателя губисполкома: «Пролетариат не отказывается от наследства, полученного от буржуазного мира. Из этого наследства он выбирает наиболее вечное, наиболее ценное, наиболее общечеловеческое, наиболее гениальное (Б. Волин. Театральные заметки. — КМ, 1920, 4 янв.).

Дискуссии о театральном репертуаре отражали парадоксальное и в то же время закономерное для тех лет сосуществование в нем «классики» и жанров «агиттеатра». Не обошла Кострому и мода на «массовые инсценировки». Первая состоялась 25 июля 1920 г. на городской площади. Зрители наблюдали, как «красноармеец, попавший в плен к белополякам», агитировал своим мужественным поведением на допросе, а затем и пламенной речью «польских солдат» и склонял их к братанию, которым завершилось «представление». Но самой «массовой» была инсценировка «Взятие Перекопа», устроенная в районе военных лагерей на Кинешемском тракте: «актерами» являлись красноармейцы двух расположенных в Костроме пехотных полков и кавалеристы. Театрализация политических и идеологических форм жизни порождала и такие «мероприятия», как «красное рождество», «красные крестины» и т. п.; в этом ряду надо выделить и так называемые «спектакли-митинги», в организации которых принимали участие руководители городской и губернской власти. Вот как проходил один из них в начале 1920 г. После доклада П. Бляхина «Через победу к миру» и небольшого концерта была показана пьеса, написанная докладчиком на ту же тему (она «изображала военный элипод из современной гражданской войны»); затем были показаны «силуэты борцов за коммунизм»: Б. Волин изображал Карла Маркса, Д. Долматов — Троцкого, А. Касаткин — Ленина.³ «Апофеозом» стало исполнение всеми присутствовавшими «Марсельезы». «Один такой вечер стоит десяти митингов», — писал корреспондент газеты, предложив неоднократно повторить в клубах этот «спектакль-митинг» (Н. Пр-ов. Спектакль-митинг в Городском театре. — КМ, 1920, 15 февр.). Этот же автор, подчеркнувший, что «эти вещи производят на массу большее впечатление, чем лучшие пьесы старого театра», все-таки должен был сказать о «примитивности», слишком ярко выраженном утилитарном, агитационном характере таких инсценировок (Н. Прохоров. Театральные заметки: К новым берегам. — КМ, 1920, 24 марта). В. Стариков также писал о пьесе П. Бляхина «Через победу к миру» как «несомненно сильной в агитационном отношении и совершенно слабой художественно» (В. Стариков. Текущий репертуар городского театра. — КМ, 1920, 2 апр.).

Классическому репертуару пришлось тогда конкурировать не только с «агиттеатром». В годы нэпа костромские театры, чтобы обес-

печатать в условиях хозрасчета более или менее сносные условия для существования, вынуждены были ставить и так называемые «коммерческие» спектакли, привлекавшие зрителей с туго набитым кошельком. У драматического театра появился тогда еще и «внешний» соперник — кинематограф, показывавший в основном американские «боевики», что, кстати, вызывало у «отцов» тревогу за «детей» не меньшую, чем сегодняшние видеофильмы. Хроника тех лет зафиксировала случаи хулиганских выходов молодежи, возбужденной сюжетом очередного «вестерна», прямо у выхода из «Пале-Театра».

И все же основу театрального репертуара в течение 1920-х гг. составляли пьесы Островского, Чехова, Л. Толстого, А. Толстого, Гоголя, Лермонтова, Грибоедова, Л. Андреева, Блока, Мережковского (заметим: автор пьесы «Павел I» давно находился в эмиграции, а Костромской городской театр открыл его сезон 1922—23 г.г.), Ибсена, Гамсуна, Б. Шоу и других драматургов-мастеров. Классическая драматургия одолевала примитивную. Подводя итоги театральной зимы 1920 года, В. Стариков отмечал: «Двумя вершинами театрального мира в Костроме являлись: Театр студийных постановок под руководством артиста студии Московского художественного театра А. Д. Попова и Городской театр, в котором работал коллектив Петроградского Малого Государственного драматического театра во главе с режиссером Н. В. Петровым» (КМ, 1920, 2 июня). Интенсивная театральная жизнь дополнялась активной концертной деятельностью местных и гастролирующих музыкантов и певцов; критик А. Виленкин отмечал также, что «Кострома принадлежит к числу немногих провинциальных городов, имеющих оперу, и к числу очень немногих, имеющих хорошую оперу» (А. Виленкин, Постановка «Русалки» — (КМ, 1922, 4 марта).

Свою лепту в культурную жизнь Костромы внесли и местные художники и музейные работники, члены Костромского научного общества, причастные к делу пропаганды изобразительного искусства. Орган губполитпросвета «Еженедельник искусства» писал о том, что в Костроме налицо — высокий интерес молодежи к занятиям в художественных кружках и школах, большое количество зрителей на выставках работ местных художников — Н. Шлеина, Б. Царнаха, В. Кутилина, К. Сакса и др. (1926, № 2, с. 9). Так же, как и в организации театрального дела, в этой области искусства не обошлось без дискуссий, инициаторами которых стали местные «борцы с Рафаэлями»: «Если нас спросят, что лучше — Рафаэль или кубизм, то мы скажем, что Рафаэль в условиях сегодняшнего дня невозможен, и уже по одному этому кубизм лучше. Другого живого искусства, кроме «левого», сейчас нет (Секция ИЗО, Вокруг искусства. — КМ, 1920, 9 окт.). Спор на тему «Каким путем должно пойти искусство живописи» пришелся как раз на время открытия в Костроме Музея живописной культуры. В 1920 г. он носил здоровый и конструктивный характер. Однако по мере все нарастающей «идеологизации» искусства полемика приобретала «проработочный» характер. Такой проработке были подвергнуты художники, объявившие себя независимыми от идейной платформы КоАХРР, создавшие группу «Нео-Аргус». Они были обвинены в увлечении «поисками формы вопреки содержанию», «вызывающими недоумение на нашей советской почве» (Дидо. Краска для краски. — Еженедельник искусства, 1926, № 1, с. 8).

Таков, в самых общих чертах, тот «фон», та обстановка, в которой возникали те или иные формы собственно литературной жизни в Костроме, хотя этот «фон» имел к ней самое прямое отношение.

Можно сказать, что в первые годы литературная жизнь в городе и

в губернии еще даже не могла «встать на ноги». Некоторые наши литераторы, уже нашедшие свою дорогу к читателю до 1917 года, работали за пределами губернии: в Москве — И. М. Касаткин, в Петрограде — И. С. Логинов, в Иваново-Вознесенске — А. Н. Благоев и М. Д. Артамонов. П. С. Козлов, автор «первой пьесы советского репертуара» «Легенда о коммунаре», возвращается на постоянное жительство в с. Вохму, но печатается в великоустюжских, вологодских и архангельских изданиях (см.: «Писатели Костромы», с. 16)⁴. Правда, в 1918 г. возвратился в родной Галич поэт-правдист А. Н. Соловьев-Нелюдим, в течение нескольких лет работавший редактором уездной газеты, издавший в Галиче сборники своих стихов (Там же, с. 17), но в губернской газете его стихи появлялись редко, а в 1921 году он уехал в Петроград. Ф. С. Чумбаров-Лучинский и А. А. Языков погибли в боях. На Западном фронте воевал Анатолий Дьяконов. Другие известные костромские писатели еще не связали себя с профессиональным литературным творчеством, так как занимались организацией продотрядов (Александр Алешин), комсомольской (Семен Дунаев — секретарь Андреевской комсомольской ячейки) или партийной (Владимир Никифоровский — секретарь Варнавинского укома) работой. Поэтому Николай Алешин в своей статье «Зачинатели» точно заметил, что литературная жизнь Костромы оживилась лишь после гражданской войны.

Но читатель не мог довольствоваться только дореволюционной литературой, хотя с увеличением числа грамотных спрос на нее все возрастал. Совершившаяся в стране революция и события гражданской войны требовали отклика в устном и письменном слове. Раскол народа, и прежде всего крестьянства, на враждовавшие стороны привел, в частности, к появлению частушек «просоветских» и «антисоветских». Но очень многие захотели приобщиться тогда и к слову литературному: «Великий Октябрь вызвал в массах небывалую тягу к художественному творчеству. На страницах костромских газет той поры печаталось множество стихотворений. Авторы любили скрываться под звучными и броскими псевдонимами...» (Писатели Костромы, с. 4). Добавим: газеты публиковали также «самодельные» фельетоны, рассказы. Все эти «произведения» были подражательны, и «диапазон» имитации был широк, например:

Н. Князев.

Что, буржуй толстый,
Пригорюнился?
И чело твое
Омрачилось?

К. Буржую.

Аль не нравится
Власть Советская?
Власть рабочего
И крестьянина?

(СР, 1919, 9 мая);

Виктор Валериев. Из дневника красноармейца.

...Я часовой.

В могиле спит товарищ — мой старый друг, крестьянин,

хлебороб.

Здесь — мать и я...

И в зеркале пожарищ сверкал и рдел жемчужный мой сугроб.

(СР, 1918, 17 ноября);

Довольно часто встречалось подражание Некрасову:

И сжилась ты со скорбью

Над полями, весной

народною

многоводною

Вся народного горя полна...

За волною катилась волна...

Волга-мать! Будь защитой	Братский отклик, привет
страдающим!	голодающим. ⁵
Пусть подхватят твой вольный	Нашу помощь в тяжелых баржах...
размах	

А. Соловьев-Нелюдим. К Волге (КМ, 1921, 2 окт.).

В сырой, болотной местности,	Сошлись — и заспорили,
В пространстве меж окопами	Заспорившись, повздорили
У заграждений-проволок	Пожалуй бы, подрался,
Сошлись три «врага»...	Да парни были дельные... ⁶

Геннадий Фанвич (Г. Ф. Устилов) Как жить вольготнее...
(СР, 1917, 31 дек.).

Иногда губернская газета публиковала стихи без указания автора, которым был, очевидно, работник редакции. Только на таком, по сути, «внелитературном» уровне, поддерживать «пульс» литературной жизни в газете долго было невозможно. Редакция прибегли к помощи «донора» — молодой литературы всей страны.

С произведениями каких писателей-современников знакомился читатель костромских газет и журналов? Конечно, очень часто печатали Демьяна Бедного, а также стихи пролетарских поэтов П. Арского, В. Александровского, И. Садофьева, В. Князева, С. Ганьшина, Я. Бердникова, создававших образ революционного времени и народа средствами плакатно-пафосного стиля. Но особое внимание было оказано Алексею Гастеву. Кострома знала его хорошо: в 1905 г. он работал в партийной организации города, руководил боевой дружиной, был председателем Совета рабочих депутатов, наконец, представлял костромскую делегацию РСДРП на IV съезде в Стокгольме. И вот в середине 1919 г., как раз в период организации и активизации Костромского Пролеткульта, «Красный мир», открывший рубрику «Пролетарские мотивы», начал щедро публиковать стихи и миниатюры А. Гастева, прославлявшие «пролетарское коллективное сознание» и индустриальную мощь государства: «Мы растем из железа», «Рельсы», «Ворота», «Мы посягнули...», «Балки», «Звоны», «Башня» и др. Произведения Гастева должны были стать как бы идейной и творческой школой для местных поэтов-студийцев. Позже, в двадцатые годы, костромские издания публиковали произведения Н. Асеева, И. Бабеля, А. Безыменского, П. Бессалько, А. Благова, В. Брюсова, А. Волжского, М. Горького, А. Грина, И. Дорониной, С. Есенина, А. Жарова, И. Ионовой, И. Касаткина, В. Кириллова, В. Кумача, Н. Ляшко, В. Маяковского, А. Неверова, С. Обродовича, П. Орешина, Н. Полетаева, А. Ширяевца и других.

Большое значение имело появление в Костроме литераторов из других городов. Выше уже было сказано о П. А. Бляхине, совмещавшем основную работу в губернских органах власти с литературными занятиями. Он выступал и как публицист-антирелигиозник, и как автор агитпесен, которые имели успех у рабочего зрителя.

В середине 1920-х гг. в Кострому приехал Николай Евгеньевич Вирта, опубликовавший в костромских журналах «Ледокол» и «Октябрь» свои рассказы и очерки, а в молодежной газете «Смена» — приключенческий роман «Тайна заброшенной хижинны».

Определенную роль в литературной жизни Костромы сыграл и Георгий Феофанович Устинов, друг Сергея Есенина. Он часто выступал на диспутах, был организатором местных писательских сил.

Связывали Кострому с литературной жизнью страны приезды в город знаменитых писателей. В сентябре 1919 г. Совет Пролеткульта устроил в Народном доме встречу костромичей с С. Г. Скитальцем, который исполнил под гусли несколько волжских песен, прочитал свои стихи и рассказ «Казнь лейтенанта Шмидта». В 1920 г. в городе неоднократно выступал Федор Сологуб. На одном из вечеров писатель читал главы из романа «Заклинательница змей», написанного, как сообщалось, «на костромском материале» (КМ, 1920, 15 июля). Приезжал в Кострому А. В. Луначарский, который летом 1919 г. выступал не только перед отправляющимися на фронт коммунистами и слушателями Народного университета, но и в Доме искусств, где читал свою пьесу «Фауст и город». В конце 1923 года Кострому посетил активнейший организатор советской литературы критик А. К. Воронский. По сообщению А. Виленкина, выступление Воронского имело цель «поставить вопросы художественной политики и культуры в центр внимания костромской партийной организации» (КМ, 1923, 15 ноября). На открытие Шунгенской электростанции летом 1923 г. приезжал Д. Бедный. В 1928 г. ожидался приезд в Кострому А. М. Горького, но он не состоялся. Побывал в Костроме И. Бабель, наблюдавший переселение в здания Ипатьевского монастыря семей костромских рабочих и написавший об этом рассказ «Конец Святого Ипатия», сопровождаемый при публикации в «Правде» пометой: «Кострома, 20 декабря 1923 г.» (В 1924 г. рассказ был напечатан в «Красном мире»). В 1928 г. в Костроме выступали члены актива Ленинградской ассоциации пролетарских писателей А. Крайский, А. Тверняк.

Одной из форм организации и деятельности костромских писателей были литературные вечера, диспуты и так называемые «суды».

Литературные вечера могли организовываться по случаю юбилеев. Например, в декабре 1921 г. в Костроме и губернии были проведены «Некрасовские дни» в связи со 100-летием со дня рождения поэта. В 1918 г. костромская печать откликнулась на 50-летие М. Горького, отметив, правда, с прискорбием, что юбилей «увенчался» «несвоевременными мыслями» о зlobe, дикости, жестокости и невежестве русского народа» (СР, 1918, 31 марта). Костромская общественность провела траурные «вечера памяти» в связи со смертью Д. Фурманова, С. Есенина; Театр студийных постановок подготовил вечер памяти А. Блока; интеллигенция откликнулась на призыв почтить память умершего В. Г. Короленко (в Солигаличе был проведен траурный вечер); поэты-костромичи выразили свое и общее горе в связи с самоубийством Маяковского.

Когда костромские литераторы набрали силу, они довольно часто стали встречаться со своими читателями. Особенно часто выступали перед публикой А. Алешин, С. Дунаев, В. Лебедев, В. Никифоровский, А. Дьяконов, Г. Ясин.

Иногда устраивались диспуты. Например, в декабре 1922 г. Губполитпросвет организовал всколыхнувший костромичей диспут на тему: «Куда идет современное искусство? Нужен ли нам Островский?». Диспут удался. Через Островского перешагнуть нельзя», — заключил свое выступление критик Виленкин. Иную точку зрения высказал поэт Дьяконов, заявив: «Островский — Баян мещанства и антиколлективизма ..., — неинтересен, чужд и не нужен нам» (КМ, 1922, 10 дек.). В 1927 г. в Партклубе состоялся диспут о поэзии Есенина, собравший около 500 человек в основном молодежь. И хотя кампания борьбы с «есенинщиной»

уже давно началась по всей стране и на этом собрании выступали ораторы, обвинявшие поэта в «наклонности к анархо-индивидуализму, чуждому задачам коммунистического воспитания», это был все-таки диспут, на котором высказались и защитники Есенина. Идеологический подход к творчеству поэта проявился и в спектакле, который привезли в Кострому в этом же году артисты Московского театра чтеца, но представление называлось все же «инсценированным спором о творчестве Есенина». Вот что писал о нем обозреватель: «Постановка «Есенина» — отклик на тот огромный общественный интерес, огромное внимание, которое уделяется в настоящее время Есенину и главным образом «есенинщине». Путь Есенина показан театром почти полностью от «Сорокоуста» до «Черного человека»... Актеры-чтецы говорят словами критических статей и отзывов об Есенине Полонского, Семашко, Воронского и Бухарина, иллюстрируя их художественным исполнением произведений поэта» (СП, 1927, 5 июля). К сожалению, через год-два началась травля «прокулацких литераторов» — С. Клычкова, Н. Ключева, Б. Пильняка и многих других, и Есенину, включенному идеологическими функционерами в их число, пришлось посмертно испытать многолетнюю «ссылку в беспамятство». Тех, кто пытался вспомнить о нем, блюстители дистиллированной идеологии вынюхивали и преследовали. Известны, например, случаи увольнения учителей, читавших стихи Есенина на уроках...

Своеобразной формой литературной жизни были «литсуды». Вообще, всякого рода инсценированные «суды» сосуществовали наряду с системой органов государственной юрисдикции и копировали их, а подчас и сближались с ними. Например, в «Суде над мировым пролетариатом», на который отдел Агитпропа губкома, проводивший «Неделю Коминтерна», пригласил «всех рабочих, работниц, красноармейцев, членов РКП и РКС» (КМ, 1921, 10 дек.), было очень много «игры», хотя это был «суд» политический. По сути дела, был устроен своего рода «спектакль», т. е. была найдена еще одна разновидность «агиттеатра». Иной характер носило «действие», устроенное по поводу отказа одного из красноармейцев от «ликбеза», газета сообщала, что «в составлении приговора принимали участие до 200 приглашенных красноармейцев» («Красный понедельник», 1923, № 1, с. 4). Это был самый настоящий товарищеский суд, хотя он назывался «инсценировкой». Близки к ним, на наш взгляд, были и партсобрания, на которых принимали в партию, потому что в двадцатые годы они могли, очевидно, быть открытыми. Любопытно, что перед этим губернская газета публиковала списки подавших заявления, нередко предварив их таким, например, заголовком: «Что ты можешь сказать плохого об этих товарищах?».

Понятно, что в этих условиях привилась идея и литературных «судов». Они внедрялись в школьную жизнь: «Доклады, беседы и даже лекции в голове подростка оставляют только наиболее яркие моменты, хорошо же поставленный литературный суд дает целостное представление об известной вещи...» (КМ, 1920, № 169). Иногда такие суды проводились как масштабные, показательные мероприятия. Одним из них стал состоявшийся в городском театре 20 мая 1923 г. «суд» над героем повести Л. Толстого «Отец Сергей». Роль Касатского исполнял загримированный актер, в нужный момент «дававший показания» и «потуплявший голову». Об этом суде был дан подробный репортаж. Председатель «суда» объяснил публике, что суд над о. Сергием «является судом над идеологией дворянства»; обвинитель добавил, что князь Касатский проявил «низменные качества тогдашней интеллигенции»; защитники оправдали его действия тем, что он «являлся продуктом своей эпохи» и постоянно стремился к самоусовершенствованию. «Приговор» учел и

объединил все эти аргументы. В подобных инсценировках еще было много развлекательного и безобидного, но они объективно оказались формой идеологической подготовки народа к временам настоящих, страшных политических процессов конца 1920—1930-х годов.

После Октября вся жизнь перестраивалась «на новый лад», поэтому и потянувшиеся к перу поэты и писатели из рабоче-крестьянской среды стремились к объединению для решения и собственных творческих задач, и задач общенародных. Их первым «куратором» явилась Костромская организация Пролеткульта, провозгласившая лозунг: «Культура рабочего есть дело его самого». Совет Пролеткульта решил создать, наряду с другими, и литературную секцию, задачей которой должно было стать «словесное художественное творчество на почве пролетарской, классовой» и «знакомство рабочих с техникой этого творчества и образцами творчества буржуазной эпохи» (КМ, 1919, 6 авг). Планировался даже выпуск журнала, по образцу московского пролеткультовского «Горна». Газеты и сотрудники их редакций начали поиск талантов, и их труд можно без натяжки сравнить с трудом золотоискателей. Они получали «тысячи тонн словесной руды», из которой добывали крупинцы хорошей лирики и прозы. На страницах газет того времени часто можно встретить ответы: «Ваши стихи не пойдут» и т. п. Иногда авторы приглашались для разговора в редакцию. И очень редко — но это случалось — селькор, рабкор или человек, впервые пославший стихи или рассказ в газету, получал одобрительный ответ. Так был, по-видимому, «найден» Семен Дунаев, секретарь Андреевской комсомольской ячейки, организовавший не только литературный кружок, но и журнал «Дитя Севера», печатавшийся с помощью резиновых букв и иллюстрировавшийся самим издателем. Он вошел в костромскую литературу через «дверь» газеты «Красный мир» со стихотворением-призывом «В народ!»:

Во имя братского сознания,
Во имя правды и труда,
В рядах крестьян все наши знанья,
Друзья, разделим навсегда!
Пока любовью вся согрета
Земля, вдохнем в них новый дух,
Зажжем, в сердцах их факел света,
Наполним правдою их слух.
Пусть каждый семя истин сеет
В веками позабытый край,
А там уж добрый всход созреет.
И даст обильный урожай.

(КМ, 1920, 15 февр).

Начинавший поэт воспользовался здесь характерным для того времени стилем «общих слов», но написано было это искренно — народником-просветителем советского времени. В редакции это почувствовали, и через три дня в «Почтовом ящике» газеты был дан совет: «Семену Дунаеву. Пишите чаще о том, как живет деревня. Пишите коротко» (КМ, 1920, 19 февр.). Через некоторое время С. Дунаев переехал в Кострому, стал редактором губернской газеты «Голос молодежи», активным сотрудником всех газет и журналов города.

Из литкружка с. Андреевское Молвитинского уезда (Сусанинского района) «вышла» в костромскую, а после переезда в Ленинград и в союзную литературу поэтесса Мария Ивановна Комиссарова.

Для начинающих поэтов была создана литературная студия; руководимая С. М. Бонди, который тогда преподавал в Костромском рабо-

че-крестьянском университете. 1 апреля 1921 г. в университете и состоялся, по-видимому, первый публичный вечер студийцев. Обозреватель, писавший, что «от теперешнего состава студии нельзя требовать пролетарской поэзии», назвавший стихи некоторых поэтов выражением «больных настроений», все же отметил наличие таланта у раскритикованного в пух и прах Николая Соколова, названного «костромским Мариенгофом»; у В. Лебедева, как «вполне определившегося» поэта; у А. Алешина, как «наиболее бодрого из студийцев» (Пл. Новл. Вечер поэтов (Об интеллигентских настроениях). — КМ, 1921, 3 апр.).

Вскоре к названным выше поэтам присоединяются В. Никифоровский, А. Дьяконов, ставшие сотрудниками редакции «Красного мира». Газеты и журналы, издававшиеся в Костроме и уездных центрах (см. о них: Писатели Костромы, с. 4—7), и стали организационными центрами костромской литературы. Литкружок, ядро которого составили рабфактовцы, работал при «Красном мире». По свидетельству А. Алешина, много внимания уделял ему, в ущерб собственному творчеству, В. Никифоровский. В 1927 г. литературная группа организовалась при комсомольской газете «Смена». Ее «литературные четверги» привлекали пишущую молодежь. В 1925 г. редакция «Северной правды» устраивала «литературные субботы», на которых местные писатели читали произведения, а публика обсуждала их.

По разным причинам литературная жизнь в Костроме развивалась неравномерно, то вспыхивая, то затихая. Этим объясняется короткая жизнь многих журналов и газет. Поэтому и «литературные странички» газет либо выходили нерегулярно, либо сжимались до размеров «литературного уголка», либо исчезла совсем. Зато в периоды активности писательских сил или каких-нибудь политических кампаний возникала необходимость в специальных, чисто литературных изданиях. Это могли быть сборники или альманахи, например, «Сборник Костромского Пролеткульта» (1919), альманах «Девятнадцать новых» (1923), своего рода визитная карточка молодых писателей, а также издания периодические. Одно из них — литературная газета «Красный понедельник», ответственным редактором которой был руководитель Губполитпросвета А. В. Высоцкий, очень много сделавший для становления литературного дела в Костроме. Газета издавалась довольно многочисленной группой работников печати и, несмотря на короткий срок существования (январь—май 1923), сумела, совместно с «Красным миром», консолидировать лучшие писательские силы Костромы. В ней были напечатаны стихи, рассказы, очерки, фельетоны, статьи А. Алешина, В. Никифоровского, Ан. Дьяконова, Вяч. Кутилина, В. Лебедева, С. Дунаева. Здесь был интересный отдел хроники и объявлений.

Разраставшаяся костромская литература нуждалась в собственных критиках и обозревателях. Ведущим среди них был А. Виленкин, которого мы рискуем назвать «костромским Воронским, потому что он также стремился консолидировать писателей, выступал против «сокрушения» классического наследия. Возможно, Виленкин даже сознательно подражал Воронскому, создавая критические циклы — «Литературные силуэты», «Письма об искусстве». В «Красном понедельнике» до его закрытия он успел создать «силуэт» одного из лидеров местной литературной жизни — Александра Алешина. В «Красном понедельнике» иногда в качестве критика выступал и поэт Анатолий Дьяконов.

Итак, по свидетельству С. Дунаева, «в дни революционного подъема литературная Кострома впервые зашевелилась в 1920—21 гг.» (С. Дунаев. Литературная Кострома наших дней (Историческая справка). — СП, 1926, 18 июля). Если с этим согласиться, не учитывая вспышку ак-

тивности Пролеткульта летом 1919 г., второй пик в литературной жизни Костромы пришелся на 1923 год (издание «Красного понедельника», выход альманаха «19 новых», приезд А. К. Воронского, а главное — продуктивная работа ведущих прозаиков и поэтов). На наш взгляд, 1924-й не был годом «спада». Смерть Ленина сначала ошеломила, затем дала новый импульс общественной жизни, в том числе и литературной.

Третий подъем ее произошел на рубеже 1924—25 гг. в связи с приобретением писателей-костромичей к функционированию РАППа. Накануне Всесоюзного совещания пролетарских писателей 1925 г. Г. Устинов обратился к ним со статьей «Необходимо организоваться», в которой писал: «Кострома имеет целый ряд литературных рабкоровских кружков, целый ряд писателей и художников, и вообще в отношении количества литературных и художественных сил стоит далеко не на последнем месте» (КМ, 1924, 14 дек.). 19 декабря состоялось собрание 16 писателей, избравших бюро, в которое вошли А. Алешин, Ф. Меден, Г. Устинов, и решивших издать сборник «21 января» к годовщине смерти Ленина. Делегатами на конференцию ВАПП были избраны А. Алешин и С. Дунаев. В 1925 г. костромская писательская организация насчитывала, по свидетельству Дунаева, до 30 человек, писатели еженедельно собирались для обсуждения произведений. Однако в связи с выбытием из правления ассоциации ее организаторов — Г. Устинова, Ф. Медена, С. Дунаева — работа эта почти прекратилась. «Возрождение» КоАПП произошло лишь в июле 1926-года (В. С. Литературная Кострома просыпается. — СП, 1926, 8 июля). Возобновилась работа кружков, снова стали проводиться литчтения и диспуты. Особенно активно занимались литературной учебой в группе при газете «Смена», насчитывавшей в 1927 г. до 20 членов. В 1928 г. хорошо работал кружок при библиотеке «Коллектор» (Н. Читаем и спорим. — СП, 1928, 30 июня).

Но в конце 1920-х гг. вновь сложилась обстановка, невозможная для здоровой литературной жизни. Начавшиеся в стране политические процессы («шахтинское дело», «борьба с правым уклоном», антирелигиозная кампания) отозвались и в Костроме. «Копией» «шахтинского дела» можно считать так называемое «нерехтское дело». Да и по всей губернии стали «выявлять» «вредителей», «уклоняющихся», «замаскировавшихся» и т. п. Под девизом «Пролетаризировать техникумы!» из костромских учебных заведений начали «вычищать детей торговцев, кулаков, попов, дворян». (Все термины и фразеология — из статей и «заголовков» газет того времени).

Ко всему этому прибавляется еще одно обстоятельство: по разным причинам из Костромы уехали А. Высоцкий, В. Лебедев, В. Никифоровский, А. Дьяконов, Г. Ясин, А. Виленкин. Результаты не замедлили сказаться: «Одним из самых слабых участков культурного фронта Костромы, несомненно, является область литературного творчества», — писала 17 ноября 1929 года «Северная правда».

Была предпринята попытка создать из членов литературных кружков местное отделение РАППа: инициативная группа пригласила примерно 50 человек на собрание в редакцию «Северной правды». После доклада А. Алешина «о положении на местном литературном фронте» решили объединиться, обследовать деятельность творческих кружков, осуществлять прием в члены КоАПП. Правлению было поручено информировать Москву и Иваново (в апреле 1929 года Костромская область стала частью Ивановской промышленной области) о создании организации. Кроме традиционных форм работы с начинающими авторами, стали использоваться новые: конкурсы на лучший рассказ, очерк или стихотворе-

ние, коллективное обсуждение произведений заранее опубликованных в «Литстранице» «Северной правды».

«Литературная учеба» приобретала часто такой характер: «Рассказы-вайте о колхозе, об ударной бригаде, о специалистах, о стройке дома, о тракторе, о чем угодно, но отбросьте это свое «Я». Ведь в свое произведение нужно вложить идею, дорогую рабочему классу... Но совсем плохо, когда начинающие авторы ударяются в паскуднейшую лирику, посвященную «любви», личным ничтожным переживаниям, не имеющим никакой социальной значимости, не нужной рабочему классу, а подчас (если хороша техника и художественность) и вредной» (Д. Еще раз — о чем и как писать. — СП, 1930, 31 мая).

Политическая ситуация в стране усиливала процесс идеологизации искусства, направляла его в русло «классовой борьбы», развернутой в ходе коллективизации, в сторону приоритета идеологических ценностей. «Наши произведения должны быть проникнуты политическими идеями рабочего класса. Ясно и то, что нам нужно полнокровное, здоровое искусство, надо писать художественно», — утверждал в «Заметках о пролетписателе» их автор под псевдонимом Д. Б., по-видимому, сам редактор газеты Д. Бондарев (СП, 1930, 30 апр.).

После областного съезда пролетарских писателей в г. Иваново (1930), выдвинувшего лозунг «За большевизацию творчества!», призывавшего к борьбе с «чуждыми рабочему классу тенденциями», в костромской литературной организации начала проводиться работа в соответствии с этими рапповскими установками. Собрание членов Костромской АПП приняло резолюцию о «борьбе с враждебной идеологией в литературе», «повышении классовой бдительности как в своем творчестве, так и в общественной работе» (СП, 1930, 28 авг.). В Костроме, как и в других городах, развернулась кампания по «вовлечению ударников в литературу». С этой целью на предприятиях города рапповцы начали проводить собрания, о которых заранее объявлялось в газетах, например: «Рапповцы! Сегодня, в 8 час. вечера в красном уголке фабрики «Знамя труда» — литературный вечер, посвященный призыву ударников. Явка на читку в порядке рапповской дисциплины. Бюро КоАПП» (СП, 1930, 14 дек.).

В начале 1930-х гг. ошибочность «установок» рапповского руководства стала очевидной, РАПП была распущена, ее костромское отделение — тоже. Но литературная жизнь в Костроме надолго замерла по другой причине: уехали, были репрессированы или замолчали многие литераторы, а сама Костромская область перестала существовать как самостоятельная административная единица.

Поэтому 1920-е годы — первый из относительно благоприятных, богатых по содержанию и интенсивных периодов литературной жизни Костромы после 1917 года, потому что между нелегким временем военного коммунизма (1917—21) и началом давления на культуру со стороны системы бюрократического абсолютизма (рубеж 1920—30-х годов) выпали годы творческой самостоятельности талантливых поэтов и писателей разных направлений, годы их сосуществования, не исключавшего дискуссий. Это и было нормальным бытием литературы. Поэтому приезжавший в Кострому А. К. Воронский в своем выступлении подчеркивал: ни одно литературное течение не может быть возведено в искусство «государственное», все художественные направления, идеологически вытекающие из признания завоеваний Октября, имеют равное право на жизнь и внимание (КМ, 1923, 15 ноября). И хотя костромские писатели в организационном плане «прошли» через Пролеткульт, ВАПП и РАПП, их творчество было шире пролеткультовских и рапповских «платформ». Не

было и деления по социальному признаку на «пролетарских» и «крестьянских». Было тяготение к тем или иным темам, проблемам, жанрам.

Поэтому наиболее верный путь выявления специфики литературных произведений писателей - костромичей и костромской литературы в целом — воссоздание по стихам и прозе этих лет «творческих портретов» их авторов.

Но это уже новая, следующая задача.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Так назвал пионеров костромской литературы 1920-х гг. писатель Н. Алешин: «Зачинатели» («Северная правда», 1967, 8 февраля).

²В дальнейшем в тексте мы воспользуемся в ссылках на эту газету аббревиатурой СР. Летом 1919 г., слившись с «Советской газетой», «Сев. рабочий» был переименован в «Красный Мир» (сокращение — КМ), издававшийся до 1925 г. С 1 января 1925 г. областная газета стала называться «Северной правдой» (сокр. — СП).

³Сам факт участия ответственных советских и партийных работников губернии в подобных, пусть и кажущихся сейчас наивными «мероприятиях» — свидетельство их связи с народными массами в условиях демократизма 1920-х гг., несмотря на обстановку «военного коммунизма». Но первый «сигнал тревоги» прозвучал уже в 1921 г. в статье самого П. А. Бляхина, занявшего незадолго до отъезда из Костромы пост отв. секретаря губкома партии. «Старая и новая этика коммунистов», где был смело, остро и своевременно поставлен вопрос о «перерождении партии», «ставшей правительственной» и «открытой для карьеристов».

⁴Село Вохма в 1918—1929 годах входило в состав Никольского уезда Северо-Двинской губернии (центр губернии — г. Великий Устюг).

⁵В 1921 г. Костромская губ. помогала голодающим других губерний Поволжья.

⁶«Дельные парни» — русский Иван, немец Франц и австриец Карл, решившие побрататься и стать деятелями мировой революции.

У. ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ

МИЗИЦКИЙ В. В. (Кострома.)

БОЛЬ И ТОСКА ПО УТРАЧЕННОМУ

(К проблемам Волги и костромской низины)

Трудно жить, не зная истории своего народа; его культуры, традиций, веры, вечно живой природы. Можно реставрировать церковь и передать ее истинным хозяевам, восстановить историческое здание, сделав его музеем, наконец, вернуть улице, даже целому городу исторические черты прошлого. Труднее возродить в памяти то, чего не стало вовсе. Не стало не только в результате взрыва атомной бомбы, трагедии очередного Чернобыля, стихийного бедствия — потопа или землетрясения, а в результате проектов-миражей, научно-технического головотряпства деятелей от науки и их самых высоких вдохновителей. Гигантомания с ее плотинами, дамбами, необузданной мелиорацией, вырубками и затоплениями, разрушениями исторических памятников обернулась потерей колоссальных ценностей, призванных как раз сегодня служить народу. С большой водой пришла и большая беда. Беда не только для Волги, жертв каскада ГЭС городов Волгограда, Саратова, Самары, Нижнего Новгорода, Рыбинска, но и Костромы, ее уникального уголка природы — костромской низины.

«Чудо века», «море света», «рукотворные творенья» — именно так преподносились в 50-х годах каскады Волжских ГЭС. Для более объективной оценки случившегося небезынтересно привести выдержки помпезных публикаций того времени и сопоставить их с реалиями сегодняшнего дня.

Начальник строительства Горьковской ГЭС Д. Юренов, восхваляя крупнейшее сооружение 5-й пятилетки в «Северной правде» от 23.5.54 г., писал: «Горьковская ГЭС образует огромное «Городецкое море» длиной 100 и шириной 20 км. Для шлюза, плотины, обводного канала, дамбы потребуется вынуть и намыть более 50 млн. м³ земли, уложить 2 млн. м³ бетона, смонтировать более 20 тыс. тонн металлоконструкций, установить 100 тыс. тонн арматуры».

В это же время лауреат Сталинской премии Г. Белавин в статье «Великий природный питомник» писал: «Затопленное пространство благодаря мелководью, теплой воде, отсутствию течения станет величайшей фабрикой по воспроизводству рыбы, особенно ее ценных пород (осетр, белуга, белорыбница, севрюга, сельдь). Пройдет несколько лет, и дельта Волги станет величайшей в мире рыбной фабрикой».

Во всех этих и других публикациях обращают на себя внимание потребительские лозунги и призывы: «взять у природы», «повернуть вспять», «покорить», «обуздать» и т. д.

Что же дали эти ускоренные, с миллионными затратами, «стройки века»? Да, электричество, хотя все они работают на 25% проектной мощности. Да, море воды. Но какой воды и какой ценой? Почти отставилось течение, а с ним все более затухает жизнь в этих стоячих волжских морях. Не происходит главного — самоочищения. Усугубляют гибель малых рек и самой Волги вредные сбросы предприятий, вырубки лесов, постоянно меняющийся уровень воды, насыщенность бассейна бесхозяйственным сплавом, всевозможной моторной техникой.

А сколько замечательных памятников, сел и деревень ушло под воду? Купол затопленной церквушки в районе Юрьевца еще долго в конце 50-х годов напоминал пассажирам проходящих мимо волжских лайнеров о волнующей бесхозяйственности, если не преступности. Гнались за многими зайцами, не поймали ни одного. По всей волжской акватории затопленными (прспавшими навсегда) оказались миллионы гектаров плодородных земель, пашен и заливных лугов. Не получилось и великого рыболовства. Именно ГЭС явились основными виновниками резкого сокращения рыбных запасов. Зараженный ртутью судак, объявленные несъедобными щука, лещ, большие осерповые, чья икра из-за расслоения не подлежит засолке и исключает нормальное размножение. И все это ниже Волгограда, совсем рядом с дельтой Волги! Разве это не трагедия великой русской реки и народа, прильнувшего к ее некогда цветущим и богатым берегам?

Еще убедительнее весомость потерь просматривается на примере близкой нам костромской низины. Сегодня это западная часть Костромского района — от Ипатия, Первомайского поселка, Сущева до границы с Ярославской областью, проходящей по костромскому разливу и реке Костроме. Построенный недавно мост через нее соединил текстильные окраины города с заречьем, сократил путь до границ костремского разлива. Немного дальше до северо-западной части низины — левой стороны сущевского тракта, сохранившихся сел и деревень левобережья р. Костромы.

Каждая пядь этой земли — история русского народа, родной костромщины. Ипатьевский монастырь, украсивший мыс на слиянии рек Волги и Костромы, д. Некрасово, село Стрельниково (сюда Петр ссылал непокорных стрельцов) с действующей старовойсковой церковью, села Шушга, Саметь и Петрилово. Хозяевами этих земель (в народе их называют междуречьем) являются колхозы Костромского района «Новый путь», «Дружба», «XII Октябрь», «Пятилетка». Увы, уцелела лишь незначительная часть русских сел и деревень, поэтических названий, памятников культуры наших трудолюбивых предков.

Ввод в начале 50-х годов Горьковской ГЭС основательно изменил лицо Костромского района. Раздвинула берега Волга, ушли под разлив, который нынешнее поколение величает Костромским морем, ярославский луговой тракт (именно по нему шли костромичи, присоединяясь к ополчению Минина и Пожарского), плодородные земли, деревни и села, дубравы, заливные дуга. Только в Костромском уезде они занимали 48 процентов общей площади сенокосов. Отсюда качественное сено отправлялось на сеной рынок Костромы и в соседние губернии. Еще сохранились старые названия пожен — «Бутры», что под Куниковым, «Чиркино». Сено с разных пожен отличалось качеством, убиралось в разные сроки, разными способами. Условия для животноводства были лучше некуда. Петриловский барин С. Гордеев завез коров швейцарской породы, которая вместе с ярославской и мисковской положила начало костромской породе крупного рогатого скота.

Другим, к сожалению, канувшим в Лету промыслом было хлеводство. Английские и немецкие купцы высоко ценили мисковский, куниковский и жарковский хмель.

Не последнее место занимало рыболовство. Реки и озера низины отдавались с торгов в аренду крестьянам Шунгенской волости и Ипатьевскому монастырю. Рыба всех видов продавалась скотникам Ярославля и Вологды, доставлялась рыбаками на базары Костромы и волжские пристани.

А какими праздничными были традиционные ярмарки (именно они легли в основу поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники»), ушедшие навсегда вместе с селами и деревнями. Около 50 деревень, 600 дворов и 12 церквей ушли в воду, 250 дворов приказали долго жить на затопленной, т. н. отщурованной, части земель. Грандиозное гидросооружение — 45-километровая дамба — как бы разделило эти земли на затопляемую и защитную зоны. В отличие от первой, где ничего не осталось, в защитной зоне память старожилов хранит воспоминания о деревнях Скрывалово, Новленское, Губачево. Чудом уцелевшее от нашествия мелинаторов одинокое дерево, что у поворота на Шемякино и Петрилово, напоминает о некогда оживленной из 18 дворов (120 человек) деревушке Митино. Только знакомые каждому рыбаку и охотнику названия Ведёрки, Спас-Вёжи, Овинцы да остатки крепких построек напоминают о земле отцов и дедов, вынужденных тысячами покидать родные края.

Неизгладимое впечатление оставалось от весенних разливов и ледоходов. Шум ледового торжества был слышен по всей округе. Сегодня это трудно представить: в весенние разливы люди переправлялись к своим стоящим на сваях банкам на лодках и, случалось, обнаруживали в них заблудших сомов. Вот чего — движения (значит жизни) не хватает сегодня мелеющим и зарастающим озерам, стоячим рекам и чуть шевелящейся — все из-за тех же ГЭС — Волге!

Даже красоты Костромского разлива не смягчают тоску по утраченному, безысходности, тревоги за будущее. Условно обозначенными остались озера Петриловское, Великое, Куниковское, Идолмовское. Кто-то, искажая историю, один из половец назвал Лентьевским. Истинное название этого места Семигородово. Именно здесь в период татарского нашествия, по преданию, хан закопал золото, награбленное в семи городах Поволжья. Почему на оставшихся островах «моря» человек не оставил как памятники (или маяки) крепкие дома и церкви (до конца разрушить не удалось — строили покрепче нынешнего), не увековечил память о развалинах дома и могиле деда Мазая, об излюбленных местах охоты и творчества А. С. Новикова-Прибоя и Н. А. Некрасова?

Вместе с человеком тяжелый удар гигантомании приняла на себя природа, наши меньшие братья. Почему мы так безжалостны к земле, воде и их обитателям, почему потребительское отношение сводит на нет созидательное? Сколько миллионов было потрачено на осушение богатого дичью и рыбой озера Борисова — любимого места отдыха селян и горожан. Результат более чем удручающий — ни зерна, ни картошки, ни рыбы, ни дичи — так... заболоченный ивняк! Казалось бы, чего проще — учесть ошибки, возродить старые традиции, сохранить то, что еще осталось от красоты и притягательности этих мест. Увы, наступление на здешнюю природу не ослабевает. Сразу за Саметью уничтожен последний кустарник, навсегда исчезло Маныловское болото, в лужу превратилось Селецкое озеро. Мелеют и заливаются другие озера, в том числе и жемчужина защитной зоны — озеро Каменное.

Варварские обросы воды, перекачки сводят на нет воспроизводство рыбных запасов. От химических удобрений, мелинораций, весенних палов, ножей косилок гибнут птица, молодняк животных. Современная техника вплотную подошла к водоемам, сократив и без того ограниченные места гнездовий и естественных укрытий.

Поля вышеуказанных колхозов, берега уцелевших рек и озер превращаются в степь, исчезают куртины леса, кустарник. Стоит ли удивляться после этого, что сокращается поголовье зайцев, тока краснобровых тетеревов и турухтанов, численность коростеля, серой куропатки, чибиса, водоплавающей дичи. Все большей редкостью становятся весенние лягушечьи концерты и песни жаворонка. К тому, как не к «царю природы» обращен многоголосый «SOS» задыхающейся плотвы и щуки, отравленных зайца и тетерева, теряющих в огне, под лемехом плуга, клювом воронья свои кладки уток?

Экология в своем корне парадоксальна. Здесь не новое борется со старым, а, наоборот, старое — доброе, чистое и праведное — сопротивляется натиску нового. И искренне хочется, чтобы это древнее и вечное, выстраданное предыдущими поколениями, победило. Конечно, я не за возврат к лучине и бурлакам. Я за то, чтобы остановиться, кончить «созидать» — разрушая, рубя, отравляя и загоняя!

Примеры одурачивания 50-х годов учат, вразумляют, призывают к бдительности. И сегодня, цепляясь за технократию, ввешуюся в кровь пигантоманию, пренебрегая уроками прошлого, чиновники тормозят экологическое обновление. Чем же иным можно объяснить большие разговоры и маленькие дела в защите Байкала, Арала, дельты Волги? Почему даже при единстве общественности, народного фронта, советских деятелей культуры до сих пор не удается одолеть министерства в борьбе за Щельково, против строительства Буйской АЭС? Абсурдность полезности последней доказана многими, в том числе и учеными, уроками Чернобыля. Неужели центр многострадальной России должен стать заложником сразу четырех атомных станций? Вредные воздействия АЭС вкупе с другими, вышеперечисленными влияниями начали, к сожалению, отравлять, калечить и даже убивать не только меньших братьев, но и человека. И разговоры, митинги, подобные публикации вряд ли остановят строительство под Бум. Референдум, подпись каждого, вплоть до пикетирования будущей АЭС — вот последние, более надежные средства для ее перепрофилирования.

Слава Богу, не все еще уничтожено и затоплено, есть что спасать, приумножать и ради чего жить! И к счастью, не все ограничивается разговорами. В результате спортивно-экологического движения 1989 года в области создан фонд «Физическая культура, спорт и экология». Его энтузиасты посадили по трассе экологического марафона «Волга» около 10 тыс. деревьев. Не остались в стороне и природолюбцы области. Кроме посадок, в большинстве районов — прежде всего в Пыщугском, Костромском, Судиславском, Островском — проводятся чистки и углубление малых рек. В ближайшее время ассоциация предлагает озеленение малых рек и озер низины, Волги, очистку ручьев, дна водоемов, оборудование новых, экологически чистых троп здоровья.

Крайне нуждается в участии всех, кому дороги чистота и красота, наш город. Больно смотреть на сохнувшие скверы и парки, вырубки в Берендеевке, Посадском лесу, свалки, грязь и развалины старых домов. Достаточно взглянуть на пыльную (некогда зеленую) улицу Симановского, чтобы понять: городу плохо.

Природа и историческое наследие не прощают равнодушия и издвешества. Забыть уроки прошлого, продолжать губить Волгу — все равно, что жечь книги классиков или резать полотна выдающихся художников. Борьба не на словах, а на деле жизненно необходима хотя бы для того, чтобы выжить, вспоминая наше время, не проклинали нас, как мы вспоминаем минувшее, осуждая инертность предшественников.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Костромскому областному комитету КПСС¹

Докладная записка.

В связи со строительством Горьковской ГЭС в Костромском районе подлежат переселению 9 колхозов, а именно: колхоз «Красный животновод» переселится в колхоз им. Сталина Сушцовского с/совета (объединение этих колхозов проведено в декабре месяце 1952 года), колхоз «1-е Мая» Куниковского с/совета переселится в колхоз им. Молотова Чернопенского с/совета, колхоз им. Сталина Куниковского с/совета переселится в колхоз им. Кирова Каримовского с/совета, колхоз «Красная Волна» Мисковского с/совета переселится в колхоз «Новый путь» Ждановского с/совета, колхоз «Заря коммунизма» Мисковского с/совета переселится в колхоз «Искра» Башутинского с/совета, колхоз «Власть труда» Губачевского с/совета переселится в колхоз им. Сталина Обломкинского с/совета, колхоз «Верный путь» Губачевского с/совета переселится в колхоз «1-е Мая» Деминского с/совета, колхоз им. Молотова Саметского с/совета переселится в колхоз «1-е Мая» Середняковского с/совета, колхоз им. Сталина Саметского с/совета переселится в колхоз «Сталинский путь» Ивакинского с/совета.

Объединение перечисленных 8 колхозов пока еще не проведено по причине того, что райком Партии не подобрал руководящие кадры для колхозов, подлежащих объединению (кадры председателей колхозов).

Работа по объединению колхозов Райкомом и Райисполкомом намечена на срок с 5 по 15 июля с. г.

Кроме перечисленных колхозов, подлежат переселению 2 населенных пункта — Трохач и Дьяконово Борщинского с/совета (колхоз «Красная Волга»), их переселение будет проведено внутри колхоза.

Таким образом, переселению подлежат 18 (перечеркнуто и заменено на 19. — А. С.), а именно: с. Мисково, с. Жарки, с. Куниково, д. Ведёрки, д. Овинцы, д. Прость, д. Вежи, д. Губачево, д. Митино, д. Скрывалово, д. Пашутино, д. Новленское, с. Никольское, д. Семинно, д. Сяково, Новленское, д. Трохач и д. Дьяконово.

По состоянию на 1 июля во всех переселяемых колхозах проведено внутрихозяйственное землеустройство.

Составлены проекты планировки во всех доприселяемых колхозах, за исключением «Красная Волга» Борщинского с/совета, «Сталинец» Куниковского с/совета.²

Заместителю председателя исполкома областного Совета
г. Кудряшову

На Ваше отношение от 20 июня 1953 г. № 1746 исполком райсовета сообщает. Решением исполкома облсовета от 4 марта 1953 г.

Костромскому району. установлены следующие задания по переселению из зоны затопления на 1953 г.:

1. Переселить 1016 семей, фактически переселено на 1.07.53 — 138.
2. Перенести и восстановить на новом месте 757 жилых домов и 240 общественных построек. Фактически изломано домов — 130, передано леспромхозу — 68, куплено домов — 125, построено домов — 26, строится — 27, срублено сруб (так в подлиннике — А. С.) — 44, заготовлено леса для жилых домов — 1800 куб.

Сломано общественных колхозных построек — 40, запланировано построить колхозных построек — 22, фактически строится — 11, заготовлено леса на общественные постройки — 8000 куб.

3. Установлено задание сделать 2 артезианские скважины, фактически проводится работа по устройству 3-х скважин.

...Исполком должен перенести из зоны затопления — 5 школ, 3 лечебных учреждения, 3 культурно-просветительские учреждения, 6 зданий сельсоветов и 12 торговоскладских зданий. Все перечисленные учреждения находятся в каменных и приспособленных помещениях, следовательно, их надо строить заново.

...Решением исполкома Облсовета от 19 февраля 1953 г. выделены средства на проведение работ, связанных с переселением.

На I полугодие 1953 г.:

1. За очистку леса и кустарника — 460 тыс. руб., фактически израсходовано — 49,6 тыс. руб.

2. Колхозам за общественные постройки — 1040 тр. (так в подлиннике. — А. С.), фактически израсходовано — 1055,2 тр.

3. Благоустройство — 92 тр., фактически израсходовано — 45,7 тыс. руб.

4. В уплату колхозникам — 2955 тыс. руб., фактически израсходовано — 3271,1 тр.

Перечислено отделу народного образования на строительство Чернописской семилетней школы 400 тыс. руб.

Заместитель председателя исполкома
Костромского райсовета

П. Кулеми.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Документы хранятся в Костромском государственном районном архиве.

² Документ не окончен.

Публикация А. В. Соловьевой

VI. НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ШИРЯЕВ Б. Н.

ЛЕТОПИСЬ МУЖИЦКОГО ЦАРСТВА.

Все мы знаем, что при определенных физических условиях изданный нами звук возвращается спустя некоторое время к нам же. Это явление называется эхо. Эхом же можно назвать и предлагаемую публикацию. В ней читатель найдет рассказ о событиях, случившихся в Костромской губернии более семи десятилетий тому назад, о тех событиях, которые в том месте, где они происходили, наверное, давно канули в Лету. И вот, как эхо, повествование о недолгих днях «мужицкого царства» возвращается на их родину, в свои истоки.

Но эхо получилось обширное по территории и затянувшееся во времени. Прежде чем вернуться в родные пенаты, в те места, где все началось, оно хорошо погуляло по белу свету. Рассказ был услышан на Соловках, положен на бумагу в Риме, а книжка с ним, из которой и взят текст для данной публикации, издана в Америке. Рассказ о событиях в Урене — это третья часть книги Бориса Николаевича Ширяева «Неугасимая лампада», вышедшей в издательстве им. Чехова в Нью-Йорке в 1954 году.

Автор родился в Москве, вырос на Ставрополье. Окончил Московский университет. Участвовал в гражданской войне офицером в составе белого движения. Был арестован и в 1922 году приговорен к смертной казни с заменой десятью годами концлагеря на Соловках, где отсидел положенное ему. После нескольких лет жизни в Москве снова ссылка, затем — родное Ставрополье. В войну оказался в плену в Германии, после освобождения в СССР не вернулся. Умер в 1954 году в Риме, где жил последние годы.

«Неугасимая лампада» — лучшая книга Б. Н. Ширяева, посвященная описанию Соловецкой ссылки. Надеюсь, что «Летопись мужицкого царства», рассказывающая о событиях в костромском крае, будет с интересом прочитана земляками, и, может быть, эта публикация послужит началу глубокого изучения тех драматических эпизодов, которые здесь даются в восприятии писателя, преломленные сквозь призму его художественного сознания.

Фролка Гунявий

Эту правдивую повесть недолговечного Уренского царства рассказывал мне урывками в долгие зимние вечера мой сотоварищ по вязке плотов на Соловецком взморье — Алексей Ниловнич. Фамилии он не имел, писался Ниловым по батюшке.

Рассказывал он мастерски, пересылая свою плавную, струящуюся, как ручеек, певучую северную речь цветистыми оборотами, присказками, древними русскими словами, пахнущими смолою бора и цветением луговых трав. Тогда я не мог записать его рассказов: при освобождении с Соловецкой каторги делали тщательный обыск и все рукописное или забирали в следственную часть, или просто уничтожали. Вывозить книги и тетради можно было только после просмотра, с особого разрешения административной части.

Я не мог записать их и после: на советской «свободе» всегда ожидал обыска и ареста, а тогда эта запись дала бы мне не меньше трех лет концлагеря.

Теперь, спустя двадцать пять лет, многое, конечно, позабыто, но вместе с тем, здесь, на берегу нежного, голубого Неаполитанского залива, обрамленного темною зеленью апельсиновых рощ, в моей памяти с необычайною силой и яркостью встали суровые, молчаливые северные сосны, белесое, льдистое море и он — Нилыч. Вероятно, это произошло в силу контраста: «прекрасное издалека».

И вот, что вспомнил — записал, стараясь по возможности восстановить узорную вязь его речи. Пересказать ее полностью, со всеми оттенками и переливами, конечно, не смог. В познании красоты и величия нашего языка Нилыч дал мне не меньше, чем сама московская Alma mater в ее блестящем расцвете начала XX века.

Ростом Нилыч был невелик, но необычайно соразмерен: в меру широк, в меру полон. Бывают такие огурчики, крепенькие, гладенькие, на русском севере их называют окатными. Эта гармония, соразмерность была основной чертой всего его существа. Она была в его лице, немножко скуластом, финском, в его голосе, не тихом и не громком, но переливчатом и певучем. Когда он рассказывал, то чудилось, что не то старый раздобревший кот мурлычет на теплой лежанке, не то пузатый самовар завел вечернюю песню в комнатке с геранями и вязаными скагерками. Становилось тепло и уютно даже в холодном сумраке обращенного в тюремную казарму Соловецкого собора.

Слегка раскосые глазки Нилыча никогда не бывали спокойными: говорил ли он о смешном, — а веселую, смачную присказку он любил и ценил, — или о загадочном, — глазки бегали, как солнечные зайчики на стене; приходили уставные божественные слова — глаза поднимались вверх, но не притворно, не по-ханжески, а со светлою верою в силу и значимость этих слов. Само слово было для него чем-то физически ощутимым, реальным, весомым, вроде камешка в мозаичной картине, и он любовно укладывал эти камешки, радуясь на них, как ребенок. Большой художник слова жил в Нилыче.

За три года жизни в Соловках Нилых ни с кем не поссорился и не поругался. Если его обижали, он или отвечал забористой, но вместе с тем добродушной репликой по адресу обидчика, вызывая смех у всех окружающих, или махал рукою:

— Бов прстит!

Посылок из дому он, как и все соловецкие уренчане, не получал, но жил хорошо, сытно, промышляя ложками, вырезывая их из дерева. Казенных на Соловках не полагалось, а иметь собственную ложку при общем баке на шесть человек, больших аппетитах и пропорционально малых порциях тресковых шей было жизненной необходимостью. За ложку платили гривенник или соответствующее число хлебных пайков, а гривенник тогда, в разгар НЭПа, был большими деньгами и на Соловках, где деньги ценились высоко, особенно среди тайных игроков.

Кроме того, урвавшись на час с работы, а это ему всегда удавалось, Нилыч мгновенно набирал земляники, малины, брусники, смотря по сезону, и всегда отличных белых грибов, которых была масса на острове. Лес он знал изумительно.

Водил дружбу и с рыбацьею командой, меняя там что-то на рыбку... Мужик был с хитрецей и оборотистый, но не скаред, и случалось, что сам бесплатно подавал новую, ухватистую ложку изголодавшемуся неудаченку-шпаненку:

— Возьми, родимый, ради Христа, а то, видишь, они какие хапалы, соседь-то твой... Как львы глотают!

Над мутной Вислой и туманной Двиной уже давно ухали и завывали тяжелые, неповоротливые пушки, а за обряженной в изумрудный сарафан вековечного кондового бора серебряной Унжей стояла нерушимая тишь. По давнему, утвержденному отцами и дедами обычаю, текла немудреная и покойная жизнь в кондовых, срубленных из охватных бревен избах волостного села Уреней. Крепко-накрепко оберегали его от обезумевшего мира раскинувшиеся на сотни немеряных верст густые, бездорожные леса да дымящиеся сизыми туманами топкие, невылазные болота. По-прежнему гукал и ухал в них старый хозяин — леший, пугая припоздавших баб-грибовниц; в ясные майские ночи выходили из своих болотных горниц бесстыжие чарусные девки, плескали лебедьими крыльями жемчужную гладь лесных озер, а мглыстою осенью, когда первые утренние заморозки знобили алые нити рябины и завертывали в трубку дубовый лист, уставший за летнюю страду Ярило-Купала отпуская на волю двенадцать сестер-трясовиц, и они плясали в болотном мареве, взмахивали откидными рукавами серых саванов, нагоняли на уренчан огневые лихоманки.

От лихоманок лечила бабка Лутониха, пользовала больных отваром ведомых ей душистых целительных трав, собранных в лесах, в темные Купаловы ночи, когда уренские девки и парни скакали сквозь пламя костров и сами пламенели в любовных шорохах зачарованного бора.

Мудрственная была бабка, древнюю черную книгу имела и, хотя сама неграмотная была, однако, куда до нее костромским докторам: и кровь-руду зашептывала, когда кого медведь подерет, и в жарко натопленной бане вывихнутые суставы расправляла, а о роженицах и говорить нечего — за долгую свою жизнь (под сотню ей уже подходило), почитай, все Урени на свои руки приняла. Она же и свахой была, да не такой, как в Солнгаличе или на Ветлуге свахи, что за полтинник любой грех на душу возьмут и с корявой да кривобокой окрутят, — нет, придет к Лутонихе баба, у которой девка на выданье, поклонится дюжиной локтей дмотканой суровой холстины. Лутониха посмотрит в свою черную книгу, пошепчет над опарой или квасной гущей, потом на Владычицы лик древнего, праведного письма помолится.

— За Федора Марью выдавай, а за Ваську-озорника — ни-ни! И не думай.

По ее слову и сходилась. Федоровым родителям супротив Лутонихи идти было невозможно, и на Покров, по первопутку, катали на разубранных саях «князя» Федора с «княгиней» Марьей.

В церкви венчали редко. Древнего благочестия держались Урени, и беспоповдах числились. Однако церковь в селе была, и служил в ней поп Евтихий; ничего, хороший поп, обходительный. Никаких от него притеснений уренчанам не было, даже и младенцев богоданных без купели в книги записывал.

— По закону, — говорит, — разрешено бабкам слабых младенцев во имя Пресвятой Троицы без попа окрещивать, а они-то, голубчик, ангельские душки, все-то слабенские... Гляди, и перышка куриного не поднимут!..

И уренчане обходительного попа уважали; жил он в достатке, крепко, а уж по огородной части в трех губерниях такого хозяина не было. Одних огурцов не менее как сортов двадцать выводил поп Евтихий. Любой выбирай: и муромские, и для соленья вязниковские, дубовые — не уколудишь, и нежинские — с наперсток, и выписные из самой Москвы, «чудо Америки» по три фунта весом. Ну, эти более для забавы, настоящего вкуса в них нет.

Правили Уренями свой выборный старшина Мелетий и урядник, отставной Нижегородского драгунского полка ефрейтор, человек бывалый и, хотя чужой, из Великой Устюжны родом, однако, правильный и с уренскими старцами живет в ладу. Письменную часть при них выполнял учитель, присланный от земства. В школе ему работы не было: читать, писать в Уренях мало кто учился, а если постигали книжную премудрость, то у начетных старцев по испытанной старопечатной псалтыри и «Адаманту благочестия». Да и кому, кроме писаря с урядником, нужна была грамота в Уренях? Они из города казенные бумаги получали, они же, что полагается, народу объявляли. Вот и вся грамота. Дед Зиновей сроду бумаги в руках не держал, а как начнет на Филипповки на посиделках сказки да стародавние бывальщины сказывать, так и до масленой не кончит и ни одной вдругоряд не повторит.

Крепким, как кряжистый дуб, русским уставом жили Урени, отгородясь лесами и болотами от ошалевшей, потерявшей лицо России. Слышали, конечно, что немецкий царь великою силою пошел на русскую землю, что нашему царю трудно и большая ему помощь от народа нужна. Рассказывали об этом на сходах старшина и урядник, а большие поясняли великий ведун лосиных лесных троп Нилыч, в самую Кострому за сто двадцать верст в двое суток добежавший по бурелому. Он почту носил, в городе бывал и он же отвел туда в неурочное летнее время первых мобилизованных; летом-то в Урени колесного пути нет.

Что ж, воля Божия! Повыли бабы, поголосили да и угомонились.

Бывало такое и раньше, но хранил Господь Урени. А к тому же молотить было время, плакать некогда.

* * *

Но пришло и такое, какого раньше не бывало. Перед самую Пасху, по последнему санному пути, вместе с бочкою керосина и тюками цветистых ситцев, привез приказчик купца Жирова из Костромы неприятную, страшную новость:

— Царя больше нету у нас... Нету и нету. А в Костроме известь что творится: губернатор в остроге сидит, и ничего понять невозможно...

Стало боязно, словно за лесом громом прокатило. Обезумевшая Россия вплотную надвинулась на затворившиеся от ее беснований Урени. Однако до осени на селе было тихо: лесную дорогу летом болотом затягивало, а oprичь нее в Урени колесного пути не было. Прибежали, правда, лесными тропами два своих солдата с фронта, но хоть и много они говорили, а в толк становилось лишь одно:

— Понять ничего невозможно.

Все же Покров проводили честь-честью, а как стала Унжа и медведи залегли в свои зимние домины, собрались в город старшина и урядник. Только их и видели. Назад не вернулись. Лишь на Крещение узнали в Уренях, что их под караул в уезде взяли и отвели, а куда — неизвестно.

Подошла масленая. Заревел в бору сохатый, возвещая близкую весну, затоковали тетерева. Кое-где, на припеке, с резных оконниц заснеженных уренских изб ледяные капли свисли. Погуляли. Старики, как полагается, самогону и сыченой браги досыта хватили; девки и парни соломенную масленицу на лубяных санях в мочальной упряжке за погост увезли и там спалили с песнями и хороводным плясом.

На самое Прощеное Воскресенье, когда уренчане, напарившись в бане до одури и вывалявшись в снегу, обвязали себе большие головы шитыми рушниками, обложили виски квашеною капустой, а уши мочею клюквою набили (с похмелья — первое средство) и сели зверобоем опохмеляться, прибыли в село неведомые люди. Прикатили на четы-

рех подводах и прямо к поповскому дому. А провел их сквозь чашу и сугробы, февральскими метелями нанесенные, свой, Фролка Гунявый, солдатиска беспутный.

Этого Фролки давно уже не видали, в Уренях. Был он бобылем. Такая слава о нем шла, что бабка Лутониха ему даже самой завалившей невесты не отпускала.

Без огня дыма не бывает. Крепко нечист на руку был Фролка. Начал он свои художества еще в отрочестве по мелочам — холсты с токов потягивал, а как в возраст вошел, с цыганами снюхался и конями промышлять стал. Водили его за это по селу в волчьей шкуре и били крепко. Грозилась по обычаю кишки на кол вымотать. Только не помогла наука: отлежался в своей подклети Фролка и через несколько недель у первого уренского богатея Силаева купленного заводского жеребца увел; три катеринки дал Силаев за жеребца — шутка ли! В Урени после этого дела Фролка не вернулся, а, переметнувшись к московским церковникам, через благочинного себе паспорт выправил и был таков.

Сразу Фролку и не признали: шуба на нем городская, оленьим мехом крытая, а под нею — пиджак мягкой кожи и на голове треух с алой звездой. Выбрался он из крытых ковром розвальней, не спеша ноги расправил и хозяином пошел на попово крыльцо. За ним потянулись и прочие. Снега с валенок не обмели, а прямо в горницу прут, щапок не снявши и Божьего благословения не испросив.

— Здравия желаю, ваше толстопузое священство! Как изволите жить-поживать?

Оробел поп Евтихий... Что за люди — неведомо, но видно, что не с добром прибыли. А Фролка зубы, как волк, ощерил, смеется, сигарку из газеты крутит да на попа поглядывает. Вишь, в городах зельем айтихристовым себя испоганил. Скрутил и к образу... Лампадку неугасимую от Спасава лика снял и припалил от нее сигарку. Оно, верно, образ письма неправильного, никонианского, а все же Христово обличье и с двуперстным знаменем. И не убил его, проклятого, Бог!

Поп так и обмер, слова не выговорит, а Фролка под образа садится, ногу через ногу перекидывает.

— Ну, поп, принимай гостей по достоинству... Вели своей подгадье яичницу зажарить, щи из печи тащить, щопенок твой пускай насчет самогонного дела расстарается, оно с морозцу не вредно. А вы, товарищи, располагайтесь у сего опиума, потому что и он для народа. Ясно!

Составили приезжие винтовки в углы, поскидали тулупы, а под ними на каждой полосе с патронами висят и на поясах леворверты. Фролка же дальше командует:

— Звони, поп, в свою медную посудину, да по моленным дай весть в била ударить, чтобы народ весь на выгон шел. А мы покамест погреемся.

У попа не токмо что руки, а все суставы в сотрясение пришли, и в глазах живчики скачут, однако распорядился с закуской и работника к начетным старцам послал.

Ударили в колокол.

Плохонький он был в Уренях, всего о пяти пудах, большого-то туда не донести, да и тот, правду сказать, ни к чему: в церковь мало кто хаживал. По сокрытым моленным застучали деревянные била, тревожную весть возвещаая. Уренчане покрестились на старописные темные лики, снимали с гвоздиков опасные шубы из романовских овчин и побрели степенной поступью вдоль тесовых закрещенных околиц. Торопиться в Уренях не любили, а старикам-то спешка и вовсе не под стать.

Фролка с товарищами тем временем и закутить, и самогоном обогреться успел. Велел на площадь большой попов стол вынести, а на него другой, поменьше, поставить.

— Это, — говорит, — трибуна будет, а без нее теперь невозможно.

Под трибуну распряженные сани поставили, а на них невиданную машину на треноге с колесиком.

— Это у нас главный оратор, — посмеивался Фролка, — по шестьсот слов в минуту выговаривает. А имя ему — товарищ пулемет. Не видели еще такого, волосатые? Я его сам с фронта вам привез заместо гостинчика.

Собрались. Конечно, и бабы с ребятишками набежали, в сторонке стоят.

Фролка духом на стол сиганул и начал:

— Товарищи! Считаю митинг в селе Уренях открытым, а слово для доклада предоставляю себе, товарищу продкомиссару Гунявому. Ясно-понятно?

Первое дело, — говорит, — известно нам, что власти у вас сейчас никакой нет, а советской тем более, а также, что в лесах ваших укрывается гидра и контра. Товарищ же Ленин утвердил власть на местах, на каком основании и приступаю к выбору ревкома.

Говорит отчетливо, как топором рубит, а все же непонятно, что за ревком такой и опять же продкомиссар?.. Исправник, что ли, или старой по-новому?

А Фролка дальше тешет:

— Ставлю на голосование список кандидатов: товарищи Гунявый Фрол, Тихонов Петр и Ерошкин Ефим. Кто против? Никого. Воздержавшиеся? Тоже никого. Значит: единогласно. Переходим к текущим делам: волостное правление протопить для ревкома и команды, а указанных товарищей разместить у попа, у Силаева и у бывшего старшины. Ясно-понятно?

Это понятнее. Значит, пришла новая власть. А с чем пришла — увидим.

Ожидать долго не пришлось. На другое же утро позвал к себе Фрол учителя.

— Списки давай!

— Какие тебе списки?

— А всего уренского населения! Должны такие быть.

— Как же, имеются. И все в порядке.

Посадил Фролка двух своих солдатешек за стол, а учителю велел списки зачитывать.

— Ревком, говорит, в полном составе. Приступаем к разверстке продналога.

Учитель читает, Фролка на каждого человека цену определяет, а солдатешка прописывает.

— Евстигнееву — 100, Медведеву — 100, Сукачеву еще 50 добавить, вытянет...

А как дошел до Силаева, у которого жеребца увел, так по столу кулаком застучал.

— Двести ему, чорту голанскому, ставь! Триста!.. Нет, мало, и пятьсот найдется!..

Старики, которые собрались в правлении, — ничего, этого Фрол не возбранял, — слушают, только опять невдомек — к чему этот счет ве-

дет? И Силаев сам тут же, кленовым посошком подпирается. Пока что помалкивают. Что дальше будет, ожидают.

А получилось вот что: закончил Фрол свою расценку и говорит:

— Вот что, граждане советские, медведям да волкам соседские! Прочтет вам сейчас учитель список. В нем кому что проставлено, тому и быть. Отпирайте клетки да амбары, сыпьте золото-зерно, ржицу-матушку. Принимать с весу сам буду. Денька два потрудимся на советскую народную рабоче-крестьянскую власть, а в четверг с утра и в уезд поведем, потому что команде задерживаться здесь нечего. А в Костроме, вместо хлеба, по полфунту жмыха на рыло дают... На то приказ товарища Ленина...

Прочитал учитель список.

Мы молчим. Чего ж говорить на такое нестаточное дело. Брали с нас и допреж подушных по 32 копейки, да земских с полтину набегало, платили, и никогда за селом недоимок не бывало. Так ведь не сто же пудов! Такого и быть не может! Смеется Фролка, обдуряет. Что за приказ? Какой-такой Ленин его писал? Все же промолчали. Пошли по домам, там поговорим.

Мужики побогаче у Силаева собрались, шумят.

— Не может такого приказа быть! Разорение это крестьянству! Слыханное ли дело, с Силаева пятьсот пуд, да он, может быть, их десять лет копил!.. Тем более, места наши лесные, не хлебородные, для себя только сеем, а прибыль более со льна да скотинки берем. Ежели все это выплатить, так не только на семена не останется, а и хлебушка до новины не хватит.

Шумели до позднего и порешили:

— Хлеба не давать, а пускай Фролка приказ покажет, чтобы подписанный был и с печатью. Ленина же мы никакого не знаем. Кем он на власть поставлен и от кого? Про то пусть Фролка объяснит.

Наутро без звона всем селом на выгон собрались. Громада! Сила! Поболее трех сотен дворов оно, село-то Урени, а с бабами да с ребятишками сколько народу будет, поди, посчитай.

Ждали недолго. Фролка от попа разом в правление прошел, а оттуда солдат с красным флагом выслал. Солдат его над крыльцом втыкает, гвоздем бьет, а мы глядим.

— Мать Пресвятая Богородица! Да ведь это попадьина юбка сподняя, канаусовая!

Бабы пересмеиваются, пальцами кажут.

— Разубрал попадью Фролка-греховодник! И за срамоту не почел, прости Господи!

Флаг прибили, а на крыльцо пулемет солдаты вынесли, крутятся около него. Вышел и Фролка, но с крыльца не сходит.

— Чего вам, товарищи? С чем пришли?

Мы тут все разом и зашумели.

— Нет такого приказа, чтобы хлебушко до зерна выбирать!..

— Откуда у нас жито? Сами покупаем...

— Не дадим, да и только!.. Деньгами подушные соберем, это правильно: царю ли или Ленину твоему, нам все одно!..

Слушает Фролка, молчит. А как приутихли маленько, леворверт у пояса расстегнул и спокойно так, будто шутейно, говорит:

— Все вы врете, сукинны сыны! Будто я вас впервой вижу, будто я вас ране не знал? По сто пудов отвалить, не можете, а у самих скирды по три года немолоченные стоят. Приказ на то у меня есть, по-советскому, мандат называется, — бумагу вынул и кажет, — все с печатью, по закону, а есть и другой приказ — вот...

Отхватил леворверт от пояса да как пальнет, а с крыльца солдатишки тотчас пулеметом затокали.

Сроду уренчане такого не слышали и не видали, хотя все на селе охотниками были. Бросались кто куда, друг дружку топчут, свету не видят; бабы дурным голосом кличут, ребят тащут. Старцы посошки по-растеряли, в сугробы попадали, плачут, имя Божие призывают.

А Фрол вслед кричит:

— Это вам, косопузым, только для старого знакомства очередь по-верх пустил! В другой раз прямо бить буду! Товарищ-то пулемет, он не милует: шестерых насквозь пробивает, в седьмом застревает!.. Так-то!..

Вот тебе и ревком с продкомиссаром! Дожили!

Фролка же, часа не теряя, пулемет к первой от края избе подкатывает, в воротах ставит, а сам с леворвертом к хозяину:

— Давай ключи от амбара! Духом!

Тому что делать! Токмо бы душу спасти...

— На, окаянный, бери, что хошь! Твоя воля! Оставь только животы наши в телесах...

А Фрол уже из амбара кричит:

— Мешки давай и веретья! Сани налаживай, коням корм насыпай да соседей зови, а то нам одним несподручно!

Не прошло и часу, как все закрома очистили, куренку и тому клонуть нечего. Зерно в мешки сыпали и на сани сложили.

Ребятишки ревя ревут, баба убивается, а Фролка хоть бы что, козырем ходит, антихрист, поганой цигаркой везде коптит, шапку со звездой набок сдвинул, словно на игрище.

— Всем так будет, кто ржицу сокроет. А кто по-хорошему объявит, тому на прокормление оставлю. Советская власть шутить не любит!

Так и пошло — со двора на двор. Грузенные санки к правлению вывозили. Там караул был поставлен. Объявляли по списку, сколько с кого пудов причитается. Только весить было некогда: Фролка всех торопил и обмерял на глаз. Увидит, что в закроме уже пол белеется и лопатка уже о доски стучит:

— Довольно, — кричит, — пиши: подразверстка выполнена!

А когда до Силаева дошел, все зерно дочиста выбрал и закромины велел веником обмести; в избу зашел, у баб муку забрал и по ветру ее пустил, а опару на пол вывалил.

— Будет, черт жеребца своего помнить!

На ночь ворота в Уренях всегда на запоре; не то, чтобы баловство какое бывало, а обычай такой: лес кругом. В ту же ночь не только на засовы воротницы взяли, но и колодами подперли изнутри: большого страха за день набрались.

Затихла улица, а по дворам работа идет: хоронят зерно мужики, кто куда может: кто в солому зарывает, в подполье тащут, и на чердак, и на сеновалы. Были и такие догадливые, что даже в колодезь мешки опускали. Коли мешок туго набит, так вреда самая малость будет: обмокнет на вершок снаружи, а внутрь вода не идет.

Между собой не сговаривались, куда там, днем некогда было, а глядя, как солдатишки хлеб забирают, у всех одна дума в головах стояла: сохранить добро свое, праведным трудом нажитое, горьким потом обмытое, крестьянское золото, богоданный хлебушко.

Деньги — что! В каждой избе в Уренях имелась своя заветная кубышка. лежало в ней веками накопленное серебро-золото, находились в этих кубышках и полновесные серебряные рубли с изображением ласковой императрицы, и тонкие, как кленовый листок, золотые полтинники с ликом праведного царя Петра Федоровича (который в тайности старую

веру хранил). Бумаг только уренчане не жаловали. Неверные они. Деды сказывали: набрали они этих бумаг, а после того, как воля вышла, понесли их в город на размен, а там не только что не берут, а еще смеются охальные гостинорядцы:

— Мохом вы обросли, в Уренях ваших сидючи да с лешими в свайку играючи... Эти самые ассигнации уж годов пять как прикончены, и размена им больше нет. Эх вы, уренчане, гусины лапы, воду лаптем черпали (присказка такая на Урени в народе)...

Кто пожег от сердца неверные бумаги, а кто и до сей поры бережет. Старица начетная Селивестрия каждый год о Петров день из кубышки вынимает и на солнышке развешивает — сушить.

— Не верю тому, — говорит, — чтобы деньга с царским орлом без цены стала. Это солигаличские купцы, нечистые щепотники, народ обманывают, новое гонение на истинную веру налагают...

Деньги — что, наживное дело! До войны каждую зиму в Рождественский пост правили Урени в Ветлугу, Буй, Солигалич, а то и в саму Кострому обозы. Везли мед, воск топленный, дубленую овчину, кожу сыромятную, рыбу мороженую, ерша и налима из чистых лесных озер, лен-долгунец трепаный.

Все правильное, богоданное, от Его великих щедрот человекам на услаждение, а хлебушко — он трудовой, ибо сказано про него в Писании: «в поте лица», а про мед и овчину того не написано.

Деньги — что! От них блуд и развращение сердец. Что на них покупали: бабам ситцы да миткали цветистые, фабричные, машинки швейные; ребятам сахар да крендели белые пшеничные (от них лишь зубная хворь), а мужики, кто в вере послабее, так, бывало, потаенно и прескверную траву китайскую за пазухой возили. Ну, конечно, керосин и прочее...

А хлебушко-то — он не купленный, без него же и мышь не живет. Пошлет Господь дождичка во благовремение — сыта земля и радуется, прогневается — Его святая воля, — иссохнет земля в печали и несть человекам на потребу...

Утром, когда светлая зоренька еще за лесом нежилась, завились кудрявые дымки над Уренями — бабы печи запылили, закрипели ворота — за водой с деревянными бадьями на расписных коромыслах девки пошли, а от колодезь иные и без воды прибежали сказать страшную новость:

— Ночью Фролкины солдаты Силаева да еще пятерых богатеев-тысячников из домов забрали и в правлении под крепким караулом держат.

А колокол снова сбор бьет. Снова на выгон тянутся мужики, только уж на тот раз бабам и ребятишкам путь туда заказан:

— Долго ли до греха.

Фролка же, полного сбора не ожидая, с крыльца народу кричит:

— Поите коней да запрягайте, чтобы через час обоз в путь был, а об арестованных мною вам беспокоиться нечего. Они за сокрытие излишков взяты, понесут за то революционную ответственность по пролетарской справедливости, а кроме того, они и есть самая гидра-контра, которая против Ленина и большевицкой партии идет. С ней разговор короткий! Которые же честно весь хлеб покажут, тем опасаться нас нечего.

Зачесались затылки у уренчан и головы вертуном пошли. Слова-то, слова-то какие! Революционная, пролетарская, гидра-контра... наверное, и сам поп Евтихий того не разберет, а он в губернии все науки превзошел. Это верно.

Обоз снарядили в сто подвод. Четыре солдата с ним пошли. А Фрол передохнуть не дает — уже другой готовит. Лошадей и саней в Уренях

хватает. Безлошадных дворов искони не было, а иные и по две пары держали — корма в лесу привольные и сено по полянам изобильное.

Не узнать стало тихих Уреней. Над волостным правлением попадайна юбка треплется и доска прибита с надписью: «Ры-сы-фы-сы-ры. Уренский сельский революционный комитет». В самом помещении столов понаставлено, и учитель до ночи сидит и пишет. Царский портрет Фролка вырвал из рамы, углем разрисовал непристойно и на улицу бросил, туда же образа пошли. Бабы подобрали, спрятали. А раму с царева портрета старики отстояли: золоченая и деньги мирские за нее плачены. Фролка поспорил и плюнул.

— Черт с ней! Пускай пустая висит. Привезу с города Ленина и в нее влеплю.

Фролку самого и по имени, и по отчеству звать воспрещено, а приказано:

— Товарищ предревком.

Иным и выговорить трудно: не туда язык повернется и такое получается, что, — тьфу, прости Господи! — сказать непристойно — бабы засмеют, а Фролка ничего, не обижается.

— Первые пять лет, — говорит, — трудно, а после привыкнете.

Прежде зимой в Уренях тихо было. На улице только ребята в снежки забавляются, а мужики с бабами по дворам да по избам своим делом заняты: бабы ткут и прядут, а хозяева всякую снасть к лету справляют: кто рыбачьи сети плетет, кто бороны вяжет, ложки тоже резали, пимы валяли, овчину дубили.

Теперь с учреждением ревкома в Уренях по весь день дым коромыслом идет. Выбирает Фролка излишки и обоз за обозом в город гонит. Торопится. Знает бес, что санного пути не более, как на месяц осталось. Зерно обобрал — за скотину принялся. Тоже, говорит, продналог, со всего он идет, отпустят морозы и картошку повезем.

Вечером солдаты по избам ходят и народ в правление сгоняют; там тот же Фролка или дружок его Ерошкин про коммуны и товарища Ленина рассказывают. Выходило оно распрекрасно. Не дале как к осени, урожай собравши, во всем свете этот Ленин полный порядок установит. Денег не будет — бери так все, что надобно, мануфактуру и прочее, солдатчины тоже не будет, потому воевать не с кем станет: все языки и царства эту самую коммуны принять обязательно должны, а Ленина на весь мир царем поставит. Про землю тоже рассказывали: от господ ее отобрать и между крестьянами поделить. Только уренчанам это неинтересно было: село спокон веков государственное, и господ в нем не водилось. Земли и леса хватало. Кроме того, вокруг на многие версты казенные леса шли. Коси траву на полянах, грибы собирай, хворост, бурелом, скотину паси — никто слова тебе не скажет, разве от своей добродетели объездчику Митричу к праздникам кто гривенничек подарит, и то из уважения.

Выходило по Фролову хорошо, а на деле — крестьянам разорение. Кое-кто, конечно, хлеба-то спрятать сумел, а у иных и взаправду последние осметки доедали — погибель, до новых-то полгода еще. Скотины тоже поубавилось.

Однако, кое-кто на сладкие Фролкины речи подался и к нему потаенно в попову горницу ходить стал. Особливо те, кто на водочку слаб был. С ними Фрол особые разговоры вел.

— Комбед, — говорил, — учредим, и все Урени промеж себя поделим.

Царь Петр Алексеевич

Незаметно и весна подошла. На Марию Египетскую последний обоз из города вернулся. Еле добрались. Просовы и польныи — коням по лузо. Еще бы денек — так все бы в лесу и остались. Разом весна слюня распустила.

Новую страшную весть обозники привезли: первую — старика, уренского богатея Силаева и всех взятых с ним вместе в остроге смертью казнили. Просили уренские возчики хоть мертвеньких им выдать для честного погребения, а им в ответ посмеялись только:

— Куда вам их везть по распутице! Гляди, еще леший себе на разговоры отымет. У нас им веселей в большой компании...

Притихли Урени. Начетные старцы в моленные затворились, по невинно убиенным панихиды правят, Святую псалтирь читают. В избах у новопреставленных рабов Божиих бабы на голос ревут, однако на улицу, как оно полагается по обычаю, выйти боятся. И на них нагнал Фролка страху.

Когда совсем затемнело и в бору сыч зауhal, нечистой силе время ее возвещая, собрались кое-кто из мужиков в избе у Петра Алексеевича. Пришли тайносью, огородами, по улице идти опасаясь. Всего человек с пятнадцать. Без уговору собрались. Такой час пришел, что у всех дума одна встала на Петра Алексеевича.

Был он мужик небогатый, но все же в достатке: двор справный, изба чистая о пяти стен, скотинка удоиная, огород и все, что по крестьянству требуется. Но не за достаток почитали в Уренях Петра Алексеевича, а за правильность. Помрет ли кто, а сыны миром поделить достойные не могут — зовут Петра Алексеевича:

— Разделили по-божески.

Баловство ли какое произойдет, так допреж того, как на сходе разбирать, идут к Петру Алексеевичу:

— Так и так, мол, вот что случилось... Что будем с охальником делать?

Сам покойный старшина Мелетий, прежде чем свое слово последнее сказать, всегда Петра Алексеевича спрашивал, и, как тот скажет, так тому и быть.

Правильный был человек Петр Алексеевич, и не от Писания было ему то дано, а отроду. Начетные старцы Писанье до точности знают, и когда какое слово сказано, в премудрости своей разумеют, а все же много греха на душу берут и сребролюбию сильно подвержены. Петр же Алексеевич неграмотный был и не более как «Верую» да «Отче наш» помнил, а не только рублем серебряным, но и косой тысячей укупить его на скривление души невозможно было.

Росту он был преогромного, аккуратно сажень без вершка, и силы непомерной. На медведя всегда один ходил и ружья с собой не брал, а по древности — нож-полосач и рогатину. Когда во младости на призыв ставился, так господин воинский начальник, глядя на него, инда заплакал:

— Стоять бы тебе, — говорит, — Алексеев за императорским троном в золотой броне да в славном кавалергардском мундире, а взять тебя невозможно...

Указательный перст на десной руке был у него отсечен: ребятишками с братом баловались, топором начисто отхватили.

Нрав имел Петр сумный и упористый, кремень-мужик, дуб, что скажет раз, того не менял и в доме своем всех соблюдал в великой строгости. Компании ни с кем не водил и водки в рот не брал даже и в Светлое Христово Воскресение. Однако при всей своей суровости невежества и обиды никому не чинил: ни домашним, ни соседям, ни крестьянству.

К этому-то правильному человеку и собрались в лихой час уренские

мужики. Ставни примкнули, оконцы позанавесили. Покрестились на образа, сели по лавкам, где кому положено, кто постарше — ближе к Спасову лику, помоложе — к двери. Света не зажигали — лампада теплилась.

— Смерть пришла, Петр Алексеевич, последний час!

— Погибель крестьянству, одолела советская власть, у иных все дочиста съела, прожлятая, и мышам на пропитание не оставила...

— А все Фролка, он, нечистый дух, солдатишек в Уренях навел. Жяли мы до того, советской власти неизвестными.

— Так и жили бы, без Фролки!

Горячатся мужики, злятся. У каждого на сердце накопело. Не то, чтобы старцы древние к Петру собрались, а все годки его, в самом соку мужики, лет по 40, работники, хозяева.

— Не хотим растакой советской власти. Коли царской теперь нет, — свою поставим крестьянскую!

— Поди, возьми нас в Уренях! Да и брать-то кто будет? Солдатишки вшивые, дармоеды!

Пошумели и, сердцем остыв, замолкли, на Петра Алексеевича глядят:

— Какое твое слово будет?

Поднялся Петр, справедливым двуперстным знаменем груди осенил, бороду огладил:

— Во имя Отца, Сына и Духа Свята! Правильны слова ваши: не стало житья крестьянину. Пошто будем в поте лица трудиться? На поганую советскую власть несытую? К добру ли, к худу ли, а путь нам один объявляется: солдатишек с советской властью прогнать и свою власть в Уренях утвердить.

Мужики разом загомонили:

— Отсидимся от солдатишек в Уренях, поди, возьми нас из лесов, из топей...

— Коли до боя дойдет, своих триста ружей поставим... Все охотники, у каждого свинец с зельем найдется...

— Значит, быть по тому!

Порешили в ту же ночь по первому петуху солдатишек с Фролкой взять и повязать. Сотворить это в небольшом числе, чтобы шуму и кровопролития не было. А на утро всем миром сход созвать и свою власть учредить, чтобы всем, без изъятия.

Отобрал Петр Алексеевич одиннадцать человек, сам двенадцатый, велел за ружьями да топорами сбегать и повел...

Солдатишек взяли без шума. Осмелели они за спокойной жизнью в Уренях, разбаловались. Спервоначалу караул у пулемета в сенях ставили, а тут и дверь припереть забыли. Вошли уренчане в пинах тихо, видят: лампочка на столике привернута, чадит, винтовочки в углах составлены, а сами солдаты, разобравшись до споднего, храпят вповалку. Жарко. Натоплено. В Уренях полен в печи не считают.

Петр Алексеевич первый на двух крайних навалился, за ним и прочие. Стриженная девка косы заплесть не успела, как всех перевязали, а было их шестнадцать человек. Никого не поранили, только помяли малость, особливо тех, что под Петра попали. Было в нем восемь пудов.

С Фролкой не так вышло. Поп на запоре ворота держал. Стучать пришлось. Кобели завыли, залаяли. Пока работник попов услышал да от третьего сна очухался, пока окликал да выбивал примерзшие засовы, Фрол беду учуял. Света не зажигая, оделся, леворверт забрал и на огород хотел податься, оттуда уж до леса рукой подать. Только не вышло. На дворе его поповы кобели прихватили. Только на ночь спускал их поп с цепей, и Фролку они за своего не почитали.

Отбивается Фролка ногами, молчит, чтобы голосом себя не обнаружить. Только когда ему наизлейший мухрастый кобель зубом мягкое тело до костей прохватил, не стерпел Фролка.

— Ах, ты, мать твою так, паразит!

Наши слышат — Фролкина речь. Этого паразита мы от него лишь узнали. Через забор полезли. Фролка из пистолета — хлоп! — и в нужнике затворился. Мужики за ним. Окружили нужник.

— Выходи, Фролушка, нечего прохлаждаться!

Фролка снова из пистолета через доски. Озлились уренчане.

— Все едино не уйдешь, Фрол! Не проливай зря крови христианской. И без того шесть загубленных душ на тебе, вопиют ко Господу сиротские слезы.

— Растуды их, гадов! Побожитесь, что жизнь мне оставите!

— Не возьмем греха, Фролушка, не побожимся. Как мир решит.

— А за что же вы, гады волосатые, судить меня будете?

— За все, Фролушка: и за новое и за старое...

— Так пропадайте, в Бога, в кровь... — и опять из пистолета пальнул, только никого не тронуло. Видят мужики, что так взять Фрола, без пролития крови, невозможно. Надо со сноровкой. Что ж, дело знакомое — все медвежатники. Натасчили соломы из попова скирда, свалили в кучи, да тихонько их жердями к нужнику пододвинули. Угольки в горшке принесли, западали.

Как стало Фрола дымом морить да огнем припекать, выскочил, бес, из нужника.

— Все одно, — кричит, — пропадать, так не один, по крайности, в сыру землю лягу! — и из пистолета в Петра целится.

Стрельнул, да опять не попал за дымом, а в то время кто-то из мужиков ему жердочкой аккурат под колена угодил. Упал Фролка. Тут на него навалились и связали.

Мало кто спал в эту ночь в Уренях. Фролкина пальба всех на ноги поставила, но до света все же никто на улицу носа не показал: опасались, и только лишь когда девки по воду вышли и увидели, как попадьина сподница сорванная в снегу лежит, а с нею рядом — доска написанная, так все мужики разом к правлению хлынули, горницу забили — яблоку упасть негде, на выгоне толпятся. Гомонят.

Вот начетные старцы на крыльцо вышли, в пояс народу кланяются, святым крестом плеча осеняют. От них аж пыль идет, до того древни. Нафанаил же еще в полной силе был, он и речь держит:

— Про то, что сею ночью антихриста Фролку и городских солдатешек повязали, вам, мужикам, ведомо. Ведомо и то, за что их взяли. Днесь же рассудим совместно, всем миром, как с ними быть далее: казнить ли или миловать за тяжкие их прегрешения? Как мир порешит, так тому и быть. Мирское слово — воля Божия.

Опять зашумели.

— Начинать с кого будем?

— С Фрола, он всему начало!

— С солдатешек, а Фрола опосля, о нем речь особенная.

— Выводи солдат!

Вывели. Поставили повязанных средь народа. Трясутся, стоят, иные слезы лютят. Стоят, как взяты были, в исподнем, босые.

А народ лютует. Обида под сердце подкатывает, крови распалает. Кто поближе стоит, норовит солдатешку ткнуть кулаком, а то и посошком огреть. Особенно бабы зверствуют: волосья рвут солдатешкам, за носы, за губы шиплют... Известно, нету удержу бабе в гневном поступлении. А задние орут:

— Нечего долго с ними мытариться! На оснну всех!

— Животы вспороть да мукой набить! Хай лопают, несытые!

— В каменя их! В песочины!

Не жить солдатам. Сами видят смертушку. На колени валяются, вопят дурным голосом:

— Помилуйте, православные, Христа ради!

Народ же все злей напирает. И был бы тот день для солдат последним, кабы не услышали все зычного голоса Петра Алексеевича:

— Укротитесь! Дайте слово молвиты!

Зычный голос все услышали и солдатишек оставили. А Петр Алексеевич на крыльцо восходит и с поклоном речь начинает:

— Не во гневе Бог жив, а в справедливости. Солдатишки — народ подневольный. Все едино — по царскому ли слову идут или по советскому. Не их власть, чтобы собой управлять. Что приказано, то и исполняют. Нам же кровь их на душу брать несовместно, то и перед Богом ответ великий, и начальство, какое будет, за то не похвалит. Мое слово — солдатишек помиловать!

Опять зашумели. Только теперь уж об ином спорят: пустить ли совсем или под караулом содержать? Все же порешили:

— Пустить и одежду им возвратить. А оружия и хлеба на дорогу не давать. Дойдут к городу — их счастье, не дойдут — воля Господня.

Так и сделали. Теперь за Фролом черед. Вывели его на крыльцо, кажут народу. Не узнать парня: левого глаза за чернотой и не видать, вихры в кровях заpekлись, и губы надулись — били, пока до правления вели. Однако, стоит прямо и глазом остатним вертит.

Вышел опять старец Нафанаил:

— Се есть Фрол, — говорит, — вины же его всем известны: многие христиане через него лютой глад терпят, вопиют к Господу вдовы и сироты об отмщении, невинно убиенных им души стоят перед престолом Божиим. Почто Силаева на казнь послал, Ирод? По злобе анафемской за татьбу тобой же, Велиал, содеянную? Почто веру истинную попрад и к нечестивым никонианам переметнулся? Почто воинство антихристово на вертоград сей навел, анафема? Несть тебе прощения от Господа. Вопиют к престолу Его мерзости твои... Геена и ад ликуют, тебя ожидая!

Страшен Нафанаил, аки пророк древний, нечестивых владык обличающий. Горят глаза его под нависшими бровями, рукой потрясает и перстом на Фрола указывает.

Притих народ. Боязны. Только начетные старцы за Нафанаилом спрудились, посошками стучат, перстами на Фрола тычут, у иных даже браны от ревности вздыблены.

— И принять тебе, анафеме, Фролу, от Господа души погибель, от людей же лютую смертную казнь. За мерзости овыи будешь ты бит нещадно. За татьство ночное утробу твою отверзть по обычаю. За невинных же убиенных и опустошение вертограда набить мукою утробу твою смрадную и тело прескверное бросить в лесу зверям на растерзание. Тако мы, старцы недостойные, порешили.

Безмолвствуют люди. Хоть и кипит в сердцах их на Фрола ярость, но страшит всех лютая казнь. Молчат. Никто первым не смеет утвердить спрашное осуждение. Друг на друга поглядывают.

Ступил на шаг Петр Алексеевич и за всех ответил:

— Справедливо. Быть по сему.

Казнить Фрола порешили на утро. В тот день Вербное Воскресенье было, и в такой великий праздник кровь проливать, хотя бы и по справедливости — грех.

Но и в страстной понедельник казни не было: сгинул Фрол. Заперли его с вечера в заднюю горницу в правление, в окне ставню наглухо забили и к дверям караул поставили. Утром взошли — нет Фролки, и окно открыто. Ставню осмотрели: клешами гвозди повывернуты. Нашелся, значит, в Уренях Фролу сообщник, кто — доселе неизвестно. Баяли потом на многих: и на тех, кто к Фролу потаенно хаживал и в комбед соблазнялся, и на дочку попову указывали, будто у нее с Фролом любовь была. Мало ли что сказывали, а в точности уяснить не могли.

Тем же утром собрались в правлении начетные старцы и мужики, кто помогутнее, новую власть устанавливать. Без власти жить невозможно. Затворились от прочего народа. Надо сначала самим вырешить, в малом числе, а потом на мир вынести. Иначе же один крик будет, а толку никакого не получится.

Но и в затворе шум большой был. Нафанаил со старцами свою сторону гнет, чтобы им управление взять, они-де Писания умудрены. Могутные мужики свою линию держат: как было, выбрать старшину и урядника назначить. В старшины мельника метят.

Большой спор был, чуть ли не до драки. Когда попритихли, возговорил Лукич Селиверстов, не больно могучен он был, однако ухватистый по торговому делу. Лен, воск и прочее в Уренях на себя искупал и сам в город возил; там и набрался разуму.

— Старцы, — говорит, — нам, извините, непригодны. Писание, конечно, святое Божие слово, а только мы люди есть, человеки, во грехе пребывающие, и по Писанию жить не можем. С другого же понимания, старшина и урядник есть власть, однако, начальству подчиненная. Досель становому и исправнику повиновались, а в конечном счете царское повеление соблюдали. А теперь — в чьем они будут повиновении? Выходит, этого-то товарища Ленина, который и на царское место заступил, а от него опять к Фролке, к другому такому злодею в лапы... Это так...

Опять же рассудить: тот же Фролка объяснял, что товарища Ленина приказ: власть на местах утверждать. Значит мы, Урени, свою власть сотворить в полном праве, и такую власть, чтобы верху над ней не было...

— Царя, что ли!

— А хотя бы и царя... или как бы вроде...

Пообсели старцы и мужики. Есть над чем задуматься. Оно и правильно выходит и боязно. Царь есть Помазанник Божий, откуда же сие Уреням? Однако же, цари Российские из Ипатьева монастыря вышли, и хоромы их там доселе нерушимы стоят, монахи по ним богомольцев водят. И царя в те поры на Руси не было, а вступил он на царство по народному избранию, утвержденному праведным патриархом. До окажнного Никона дело было.

С другой стороны глянуть: Ленин этот власть на местах избирать велит, значит, с ним спора никакого быть не может, к тому же Урени — место отлетное, сокрыто лесами и топами и проезда к нему летом нет.

Начетные старцы тоже соглашаются:

— Неть бо власть, аще не от Бога, — говорят, — так и в Писании сказано, только царю править с ними в совете, как оно было в древние праведные времена, щепотникам на прельщение не поддаваться и в истинном благочестии пребывать..

Порешили — царя!

Вышли к народу и устами Нафанаила объявили:

— Своего царя избираем, а кого хотите звать на царство — того кричите!

И крикнул весь народ одним голосом:

— Хотим государя Петра Алексеевича, кроме его никого!

Дело решенное. Старцы с могутными опять затворились в правлении. Приговор на избрание писать надо и все в точности указать. Позвали учителя, бумагу правильно составить велели, чтобы потом чего не вышло. А каким способом Петра на престол возводить — опять спор.

Начетные старцы утверждают:

— Соборно помажем. Того достаточно, и царство будет крепкое.

Мужики же такой пример им подводят:

— А венец ваш старческий крепок? На живую штку он без узла шьется! Окрутите в моленной потаенно, а за мерикой на младенцев богоданных в церковь иди. Хлопот потом не оберешься и мощну вытрясешь! А такого разве не бывало, чтобы парень, в моленной окрутившись, жену оставлял и в церкви вдругоряд венчался? Нет, вы свое благочестие творите, как хотите, а для верности без церковного не обойтись... Зовите попа!

Пришел поп Евтихий, по порядку все выслушал.

— Решение, — говорит, — правильное и богоугодное. Ясное дело: Петра надо ставить, а не Фролку-подлеца, душегуба! Но помазание производить и на ектеньи поминать я Петра без указа из консистории не могу. Вот молебен с акафистом благодарственным за избавление от супостата или о здравии и преуспейнии в благих делах, это возможно. Совершу и одобряю.

На том и помирились: старцы у себя, как хотят, в церкви же молебен особо, и старцам идти туда надобности нет.

Над приговором же до вечера трудились. Шесть раз учитель листы переписывал. Пришли к тому:

Быть Петру Алексеевичу царем полновластным и единодержавным над всеми Уренями.

Творить ему, царю, суд справедливый в своей царской воле, по Божьему закону и его цареву разумению. Быть тому суду нерушимым, хотя бы добра и живота кого лишит. Всем же уренчанам тому его царскому суду не противиться.

Ему же, царю Петру Алексеевичу, войско созывать, коли потребуются, и под начал свой брат, кого пожелает.

Всем же уренским мужикам царю Петру быть покорными и не прекословить, за его же царские труды положить ему в год по полтине с дыма и по пуду зерна, иных же податей ни подушно, ни за землю, ни на промысел не накладывать. Писаря же содержать самому царю из его царских милостей.

Быть тому приговору нерушимым на вечные времена. В том и расписались, кто мог, а сам царь праведный крест поставил.

В моленной помазали соборно при малом народе, в церкви же на молебствие, окромя старцев, все Урени сошлись. Правда, больше вокруг храма стояли. Благолепно все было. Сам Петр слезно молился, не вставая с колен, и мужики стояли истова. Все разумели:

— Дело великое!

От церкви Петра всем народом до избы его проводили, и стал он с того часа царем всех Уреней, Петром Первым.

Снова жизнь в Урених потекла тихою, мерною. Святая Пасха всему народу истинным воскресением стала. Вместе с Фролкою ушел страх из села. На разговены по всем избам разубранные столы стоят. Всяк своим достатком похвалится. Не бояться, что советская власть, как при солдатниках, за «излишки» ухватится. А похвальба такая крестьянину в грех не ставится: от трудов своих разубран стол, от «пота лица».

Тем, у кого Фрол весь хлеб начисто выгреб, приказал царь Петр

Алексеевич помощь мукою собрать с каждого по достатку, и сам первый три пуда отвесил. Только не в милостьню, Христа ради, такое каждому хозяину зазорно, а в долг, с отдачей к Покрову, после обмолота, и бумагу на то учитель составил. Все очень довольны были: и Христу послужности и без убытку.

Светлую заутреню отстояли, кто в церкви, кто по моленным, как кому от отцов положено. Сам царь в церковь не пошел, а к Нафанаилу, но попа с крестом к себе принял, тропарь простоял, похристосовался с ним честь-честью и водкой потчевал. Нафанаил и старцы не препятствовали: царь — надо всем царствует, и над истинными, и над шепотниками. Лишь бы себя в благочестии соблюл.

Погоуляли. Без этого и праздника нет. Случилась и драка промеж парней. Царь судил тут же, на месте, и тут же наказание произвел всем драчунам без изъятия, и битому и небитому, по дюжине ремennых лестовок отсчитать для вразумления. Отсчитали.

Прошла Фоминная. Русалья неделя настала. Береза пахучим листом украсилась, цевестой стоит в весеннем своем уборе. Лесные дебри устлались синим первоцветом. Легким пухом из бора потянуло. Медведь зимнюю шерсть на дубовую кору счесывает — хозяину лесному на валенки. Русалки и чарусницы от зимнего сна пробудились, на вольной озерной глади играют. Снял с них ледовую кабалу морозного деда повеселевший Ярило-Купало. Поэтому и неделя эта Русальей прозвана.

На Егория разубрались бабы в китайчатые летники (теперь этой китайки и в Москве не сыскать). Старцы Фролу и Лавру, скотину соблюдающим, помолились, святой водой дворы окропили.

Заиграл на берестяной жалейке старший уренский пастух дед Емеля, и погнала бабы мякотельми вербными хворостипами осудевших за зному чернопегих очкастых холмогорок на привольные корма, на сладкую вешнюю траву.

Все как будто по старине пошло и даже лучше. Допреж урядник себя показать любил, настырный был покойник и крикун, а также на руку скор. Перепадало от него по уху и безвинно, особенно, когда во хмелю пребывал, а к водке он был усерден. Царь же Петр Алексеевич в чужие дела не входил, молчаливым был отроду, без вины никого пальцем не трогал, и не было от него никому беспокойства. Зато и крепла день ото дня его царская власть, в пояс ему и могутные мужики кланялись, а величали не иначе, как:

— Царь наш, Петр Алексеевич.

Только не прошло все же без следа пребывание в Уренях Фролкиных солдатшек. На Красную горку задумала мать Колоуриха скороспелку-свадьбу сыграть. Была к тому причина: девка ее Евпраксия с одним из солдатшек погуливала. В Уренях такое дело девке в укор не идет. Обычай там вольный: девок в затворе не держат. Особенно в тех домах, которые по старой вере. Бабам иное дело. Бабу, — скудельный сосуд, — держат в страхе Господнем и мужу повинновени. Ибо сказано в Писании, и старцы подтверждают: «да боится жена своего мужа», про девок же умолчено.

Поклонилась Колоуриха бабке Лутонихе. Холстеца положила и сотенку яичек. Лутониха в книгу свою глянула и на жениха указала, на кузнеца сына. Кузнец от того не прочь. Колоуровы хозяева статные, дом — полная чаша и роду известного, хорошего; приданым не обидят девку — самим зазорно будет. Жених тоже согласен: девка в самом соку, ягода.

А свадьбы не вышло. Заартачилась девка, как кобыла норовистая.

— Нет и нет! К кому захочу, к тому и пойду! Своим умом изберу любушку-лапушку, яхонта-князя!

Уговаривали девку. Старицы из скита приходили усовещивать — ничего не берет, а на старик и смотреть не хочет.

— Молодыми, — крик, — были — сами жили, любовь сладкую крутили, а ушла краса, в черных галок перевернулись, деньгой чулок набивают...

Родитель поучил лестовкой, а в ночь девица сгнула. Сказывал потом ходок Нилыч; что в городе ее видел. Солдата своего она там не нашла, потонул он в болоте, из Уреней идучи. А живет в почете. Косы остригла, красным платком по-никонниански повязана и сама вроде начальства. В главном совете сидит и на мужиков покрикивает.

Бывали и раньше в Уренях свадьбы-самокрутки. Так с венцом, хотя бы никоннианским. Такого же срама, чтобы косы стричь и без мужа жить, не случилось во все века.

И в других девках шатание стало заметно. Бывало, на праздник под вечер, на завалинках посядут и про Алексея Божьего человека али про Книгу Голубиную стихиры поют, али мирские стародавние: «Сад виноградный», «Лебедь белую».

Теперь про Алексея и вспоминать не хотят. Смеются.

— Алексей — человек Божий, а нам, девкам, не гожи. Одна скука от этой песни, а вот не хотите ли:

Яблочко, ты мелко рубленное!

Не целуйте меня, я напудренная...

У солдатшек, паскуды, научились.

От парней тоже солдатским духом несет. Иные от солдат табак курить выучились. Опоганились. А он, бес, зелье антихристово, за собой блуд тянет.

— Ничего, — говорят, — в том плохого нет. Все это про грех скареды-старцы врут. Вот, когда из правления иконы выкидали, солдаты одну себе взяли, сигарку запаленную Спасу ко рту прилепили:

— На, — говорят, — товарищ Бог, покури, а то поны не дадут.

И ничего им за то Бог не сделал.

Отцы иных поучили лестовками и сами тому не рады: баловаться парни не перестали, только что в избах не дымят, материнского лая боются; на гумнах украдкой дым пуцают, того гляди овины сожгут, и смотреть стали волчатами.

Как пообсохло, кто пободрее лесными путаными тропами в город бегать зачал и, оттуда вернувшись, похваляется:

— В городе, конечно, голодно. Откуда им, куцым кобелям, хлебушка взять! Зато весело! Собрания идут всякие, на них мудрственные слова говорят: про Бога, про советскую власть, иноземных буржуев и прочее. Ишь, какого ума набрались! Каждый вечер в мучной лабазе Баранова-купца (самого-то забрали) — представление: комедианты приезжие Петрушку строят или киношка.

Про комедиантов мы и ранее слыхали, это навроде ряженые или как ранее было — скоморохи, а что за киношка такая — не видали. Учитель объяснял:

— Американское изобретение. Живая движущаяся фотография.

Опять ничего не поняли.

К сенокосу пришли теми же тропами последние из уренских, что на войну были взяты. Себя фронтовиками зовут. Совсем обмирщенные. Цigarки по весь день изо рта не вынимают и в избах дымят, а на бабий лай лишь посмеиваются.

— От нашего дыму, бабы, целей будете. Копченые окорока по три года нетленны.

Пришли голодные, но одежда справная и салоги принесли тонкого офицерского хрома. При оружии и патронах.

— Товарищ Ленин нам для защиты советской власти оставил.

Опять он, Ленин, везде встречается.

Для начала погуляли-покуражились:

— Мы-де растакне-сякие, опора пролетарской революции!

Однако царь Петр Алексеевич их укротил, хотя без боя не обошлось. Один фронтовик навек с косою рожой остался, так его царская рука по скуле благословила. И оружие царь Петр отобрал. В правление вместе с пулеметом заперли.

Присмирели фронтовики, посбавили куражу, видят — не их здесь сила. Между прочим, и сею косить надо. Дни стоят ясные, сухие, каждый зимнего месяца стоит. Занялся каждый по крестьянству. Рыло, однако, скоблить не перестали, божьего подобия не придерживаются.

Иголка — сто рублей!

Как скопнили сена, решил царь со старейшинами ходуна Нилыча в Кострому сгонять.

Тут у крестьян недельки две вольготных получается. Ране первого Спаса у нас жита не косят.

Вышел из дому Нилыч, еще зорька не занималась. Путем-дорогою двух верст не прошел и взял напрямик через топь. С кочки на кочку, как заяц, попрыгивает, посошком твердню ощупывает. Прыткий, даром, что седьмой десяток на исходе... Солнышко ясное на полдень стало, а Нилыч уже топь перевалил и, лаптей не замочив, присел в буреломе, в тенечке, хлебушка из котомки достал, соли в тряпочке, пожевал, перекрестясь на восток, испил водички болотной и дале побрел.

Любо ему бором идти. Земля чистая, желтой хвоей, как песком морским, усыпана. Могучие сосны стеной стоят, в небо вершинами упираются. Холодок. Не пробивает Ярило своими стрелами зеленые своды нерукотворенного Божьего храма. Черныш-тетерева молодые из-под ног порхают. Лиса Патрикеевна из дремучего папоротника остроносое рыльце высовывает. В чаще, в гущине, и на самого хозяина очень просто наскочить. Залезет он, бурый, в малину, загребают лапами кусты и сосет спелую душистую ягоду. Ничего. В эту пору медведь человеку не страшен. Сытый, весь жиром залит, что боров кормленный. На ягоду, на сладкий мед его тянет. Сунь ему под самое рыло хоть телка — отвернется. Гукни на него с присвистом — убежит.

Нет страха в лесах для Нилыча. Все лесные приметы ему ведомы: взглянет на пень замшальный, и тот пень ему путь укажет.

Полон творений Господних темный лес, и каждое хвалу своему Создателю воспевает. Вот хоть грибы, уж, кажется, проще их нет созданий. Бабам да ребятишкам лишь ими заниматься. А погляди, у каждого свой обычай. Стоит пузатый гриб-боровик, как купец раздулся. Нашел — ищи рядом другого. Всегда парой живут. А грузди — те скопом, в кучу собьются, сухим листом укроются и прижукнутся в тайности. Осенью опенки на пнища гнилые набегут, что дырочки под наседку. Бери их всею горстью.

Папоротник-трава клады указывать может, если кто петушиное слово знает. Много их в лесах позарыто. Хоронились здесь лихие душегубы и разбойники от царского гнева. Что награбят на матушке-Волге, сюда в леса тащут, куда царская рука коротка.

Много чего от дедов про лес слышал Нилыч, многое и сам повидал. Ученые люди говорят — лешего нет, одна выдумка. А ты ночуй в глухом лесу: и услышишь, и увидишь. Днем-то он спит, а ночью хозяйство

свое блюдет, осматривает. Встретишь, иди к нему без страха, но с вежливостью, шапку скинь, скажи:

— Здравствуй, дедушка Когтез!

И ничего тебе не будет.

Тоже и русалки. Скушно им без мужского племени, известно — девки все на один лад. Попадешь к ним, — играм их не противься. Повесели водяниц, песню слой. Понграй с одной, другой. Греха в том нет. Не исчадья они сатанинские, а души бездольные, тоже Божьи творения.

Переспал в лесах две ночи Нилыч и на луга вышел, которые матушка Волга поит. Потому они и поймой прозываются. Заблестели главы Ипатьева. Свято место древнее. Отсель земли русской устройство вышло.

Мимо врат монастырских идет Нилыч. Что за пригча такая? Врата настежь растворены, а монахов да ишей братии не видно. И пора бы уж к равней благовестить, а молчат надивно подобранные певуны-колокола. Над вратами красные полотнища протянуты, а на них что-то мелом написано. Никогом такого не выдывал на святых вратах Нилыч.

— Чудеса!

Через Костромку мост, как и прежде. Только бутаря нет, который проходную копейку брал. Ну, что ж. Это к прибыли.

Вот и Зотова фабрика. Велика она, десять тысяч народу кормит. А людей опять не видно, и из труб дым не валит. Неужель прикрыл Зотов свое огромное заведение? Чем же тогда людям сим существовать?

Что дале, то чуднее становится. На главной площади, от которой улицы на все стороны идут, по-прежнему столп каменный стоит, под ним Сусанин колена преклонил, а Царя-отрока со столба, как ветром онесло... Вместо него красный флаг утверждён. И на присутствии, и на кордегардии, и на доме губерниаторском — везде красные флаги болтаются. Здесь людно, спешит, бежит народ, а куда — не понять: на Русиной улице все окна у лавок досками забиты.

Нилыч на базар подался. И здесь людно. У мясных лотков бабы на крик друг у дружки говядину рвут. Чудная говядина, темная...

Осведомился Нилыч у одной:

— Почему, сударыня, за говядину эту платят?

— А она на него белыми выпучила.

— Слепой ты, что ль аль пьян с денатура? Говядина-то — конина!

— Тьфу! Окаянство!

Перед булочной — светопреставление. В двери народ лезет, друг дружку давит, а подальше чуть не на полверсты один за одним в ряд стоят, и все лаются. Из дверей кто выскочит, малый кулечек в руках держит, а то и прямо в горсти: хлеба окромышек и еще что-то.

Опять заинтересовался Нилыч:

— Что это такое будет?

— Не видишь, что ль, старый черт, опять хлеба четверка да полфунта жмыха на талон!

— Эге! Вот оно почему люди лаются!

А навстречу баба идет. Пачку иголок в руке держит.

Аккурат, что Нилычу надо. Заказала своя баба беспреремно иголок купить.

— Почему пачка, мать?

— На штуки продаю. Советскими сто, керенскими сорок.

В уме ли она своим, али смеется?

— Нилыч! Здорово! Как бог принес?

Слава те, Господи! Человек знакомый. Жирновокий приказчик, что товар в Урени возил.

— Здравья вам желаем. На своих, на двоих, по первопутку.

— Ишь, веселый какой! Из Уреней?

— Из них самых.

— Наслышаны. Царство там свое учредили, а у нас вишь какая республика.

— Глазом вижу, а в толк не возьму. Бабонька вон эта сто рублей за иголку просит...

— Скоро, дед, и тысячу заплатишь, к тому идет.

— Да ведь то разоренье народу?

— А кого разорять-то? Русину улицу выдал? Вся торговля прикрыта, а какой был товар — обобран. Купцы побогаче в заложники взяты, в остроге содержатся, а Огородникова, барина, что за воров да за мошенников в суде заступался, насмерть застрелили. Вот она какая республика-то. — сам в сторону Нилыча отводит, на ухо шепчет: «Красный террор объявили, чтоб, значит, всех буржуев искоренить, чека в город прибыла и трибунал с матросней. Теперь держи ухо востро. Дай срок, и до вас доберутся. Сила! Ну, прошевай, Нилыч, мне жену смеяться надо, с вечера в очереди стоит».

И убер. У Нилыча в голове, как обухом, стучит. Вот где лес-то темный! К кому пойти, кого спросить, что все это обозначает?

Решил. К землемеру. Барин хороший, ученый, годков пять назад, когда дачу казенную обмерял, в Уренях у попа помещался. С той поры у него же на кухне Нилыч всегда ночевал, когда в Кострому бегал. К нему, значит.

Землемер дома оказался. В огорожке копается. Нилыча встретил ласково.

— Чайку попьешь? Ничего, брат, не обмиршишься, он морковный. Китайский-то — тютю, скончался, царствие ему небесное. Ну, выкладывай, с чем пришел?

Все ему Нилыч поведал: и про Фролку, и про царя избрание, и про конину, и про иголку сторублевую.

— Скажи, барин, на милость, что все сие означает?

Землемер бороденку почесал и очки протер.

— Объяснить тебе это трудновато. Означает сие революцию и крушение общественных устоев.

Долго рассказывал землемер. Неуклюжие слова выговаривал, но все же дал мозгам просветление. Народ, царя скинув, разбаловался: работать никто не хочет и всяк за готовое хватается. Удержу никому нет. Жрать всем надобно. Господ обобрали, купцов тоже и крестьян поочистили. Это и есть коммуна. Теперь обирать больше некого. Потому и в булочной жмых, а иголка — сто рублей. Фролки же всякие с мужика последнюю шкуру дерут.

— А когда же тому конец наступит?

— Это ты, брат, в пророки меня произвести хочешь? Но предполагать возможно. С наступлением холодов должно вспыхнуть народное возмущение, и советский строй падет.

— Ленину, значит, крышка будет?

— Всенепременно. И не далее, как к Новому году.

— А нам как быть?

— Ваша судьба может сложиться двояко: или с наступлением зимнего пути вас уничтожат, или советский строй падет раньше, и тогда вы спасены.

— Значит, ожидать?

— Ожидать и надеяться, а по мере сил защищаться.

— Та-а-ак... Значит, все от Бога! И на ту сторону кладет и на эту. Барин ученый, а и ему в точности ничего не известно. Где же нам-то понять!

В ту же ночь Нилыч домой тронулся. Ну ее, Кострому, шутову сторону!

Еще шибче назад бежит Нилыч. Земля ему соды ножные жжет. Не радует его теперь ни дух легкий, ни куша зеленая, ни птичий свист. Повидал он людское томление, скверность, оскудение, и думается, что то же и в Уренях будет.

Порубят тебя, темный сосновый бор, поразгоняют птицу и зверя, сгинут русалки и девки чарусные, леший-хозяин в иные места уйдет. Правое слово сказал землемер: «порухены жизни устои». Где же устоять Уреням, когда вся Русь великая суетным беспутством объята?

Все в воле Господней.

Прибежал и без рыва тут же царю и старейшим пересказал все, что видел.

Мужики и старцы сидят молча. Нет ни шуму, ни гомону. Царского слова ждут. Протекло время немалое, пока начал свой сказ царь Петр Алексеевич.

— Что городские заместо хлеба скотым кормом пробиваются и поганый татарский махан жрут, нам то ни к чему. Своего хлеба хватит, а убоины более того. И что иголка по сто рублей пошла, тоже беда великая: шивали в старые времена деревянной иглой, пошьют ею и теперь бабы, а что лавки да лабазы заколочены стоят, даже и к лучшему: соблазна менее для крестьянства. Корень же всего в том, о чем барин двоеручно высказал: устоять ли Уреням, пока Ленину с его властью рушение придет, или же наступит нам ранее того разор и от города порабощение. Коли судил Господь Уреням непогранными пребывать и сойдется по баринову слову, что к Рождеству Ленину и его сатанинской орде конец, то стоять на своем надо: накрепко затвориться, заставы на путинах учредить, лесу порубить и засеки поставить. Аракчеевскую гать, что при Галицком шляхе — разорить. Своего же войнства до трех сотен поставить можем, и все стрелки. Окромя того, и солдатский пулемет имеется, фронтовик же Яшка палить из него умудрен. Даст Бог — отсидимся.

Если же по баринову слову не сбудется, то лучше нам допреж самим на мир идти и городских к тому склонить. Поклонимся хлебушком, рыбкой, убоинкой от своего изобилия. Голодный народ за хлеб святой крест с шеи снимет, а тем более на нашу сторону склонится. Вот это причинство и надлежит нам здесь соборно порешить.

Теперь все разом зашумели. Кричат, один другого не слушает.

Мельник орет:

— Знаем это дело по Фролкину примеру! Накормишь их, насытых! В одной Костроме сорок тысяч ртов, а, поди, по другим городам посчитай. Оберут дочиста!

— Верно! Палец им дай, они всю руку потянут.

— Нет! На мир надо склоняться. Против рожна не попрешь! Сам говорил — одна Кострома сорок тысяч. А по всей губернии сколько? Не устоять Уреням супротив такой силы, — орет Луккич Селиверстов, что торговлишкой занимался.

— А тем более, народ отошал, злой, что волки о Николу Зимнего.

— С отошальми-то легче! Какая в них сила?

— Все от Господа!

— На мир идти!

— Затвориться!

— Отсидимся, милостив Бог!

Нафанаил восстал с простертой дланью. Огнем-полымем палит, честная скуфейка со лба на темечко сдвинулась. Великим гласом орет, всех покрывает:

— Стоять, яко столпы веры истинной! Аввакуму подобными быти, ибо на правящих след ему — благодать! Многие гонения претерпевали в вере истинной пребывающие, однако ж и доселе лампы наши пред святыми ликами теплются. В дебри уходили, в пещерах и звериных логовах укрывались, а устояли. Позор, разграбление и мученический венец принимали, а живы по сей день! Огнем себя палили и неопалимы остались!

И днесь смирится лютость супостатов, посрамлена будет гордыня антихристова! Устоим, не покоримся! В затворе пребудем, яко с нами Бог!

Страходюден Нафанаил, аки лев рыкающий. Истинно на нем сила Господня! Кто за мир стоял, те устрашились и покорились. Также, конечно, всяк достаток свой посчитал, почто из него немалую часть сдавать городской швали? И царь думы крестьянские понял, встал, окрестился двуперстно и рек:

— Затворимся и станем нерушимо!

Убрались. Обмолотились. Что главное по крестьянству — все справили, лен подергали, картошку порыли. Олень уже давно в Унже рога омочил — застуденели воды. Пали инеем на траву первые заморозки, и рябина в лесу пожухла.

— Пора!

Созвал царь всеобщий сход. Посчитали силу — с солдатами поболее трех сотен ружей набралось, хотя многие старинного изделия — шомпольные и даже кремневые с раструбом попадались. Постановили быть всем до едины в воинстве, кому призывной срок подошел. У кого же оружия нет — косу напрямь переладить или рогатину сотворить. Вилки тоже годятся, и на медведя с ними хаживают.

Когда до ратного устройства дело дошло, царь Петр всю премудрость свою показал. Отколь что взялось! Словно Скобелев — белый генерал распоряжается. Разделил все Урени на два конца, а каждый конец на три сотни. Назначил концевых, сотенных и десятских начальников. Аракчеевскую гать более чем на две версты разорили и в малом расстоянии потаенную в лесу землянку вырыли. Там Нильча с подручными безотлучно пребывать оставили. Перед самими же Уренями многие зазеки навалили из сосен.

— Сунься! Бери нас!

Ожидают городских в Уренях без особой тревоги. На Нильча крепко надеются. Не сплошает старый, вовремя весть даст. Снежок по малости перепадает, но пути настоящего не становится. По Унже только шуга идет, льду нет.

Крестьянство ободрилось:

— Не пойдут на нас городские! Сплоховали! Жидки на расправу...

Повеселело и суровое лицо царя Петра Алексеевича. Думалось ему:

— Недалек уже срок, барином советской власти поставленный. Вести из города идут добрые: голод там и на этот год лютует, дров тоже нет — не везут мужики. Весь народ на советскую власть в большой обиде, даже фабричные, что прежде стеной за нее стояли, теперь отшатнулись. Конец приходит Ленину. К тому же и погода держится. Хотя и снег, но настоящей зимы нет.

Крепкие морозы ударили лишь на Варвару Великомученицу. Унжу в одну ночь сковало. В болотах же вода потеплее, споду греется. На них твердынька тонкая.

Но советская власть того не ведала и разом, как стала река, войско снарядила на Урени. Нилыч сподручного прислал:

— Видно. По шляху идут, перед гатью стали.

Вскоре же сам прибежал.

— Сунулись, окаянные, мест наших не зная, в топь, где гать была. Ста шагов не прошли — пушку свою увязили! А сила большая: не меньше, как сот два, а то и три...

И назад поспешил для наблюдения.

Каждый день стали вести приходиться:

— Сигналы мужиков из Чудова, гать мостят. Работа споро идет.

— Орудие вытащили.

В ночь все трое прибежали и прямо к царю:

— На твердь вышли. В бору ночуют, костры палят. Надо думать, завтра ждем гостей.

С солнышком царь повелел в била ударить. Не идут, а бегут на выгон мужики. Иные веселы, а на иных лица нет. Друг дружку спрашивают, а пока ничего толком не знают. Кто гуторит:

— Большая сила идет, и сам Ленин с ними.

А кто смеется:

— Солдатишек беглых, «дезиков», которые за хлебом с мешками по мужикам шастают, за воинство посчитали... Тоже Аники-воины!..

Вышел на крыльцо царь и все в точности объяснил. По концам народ разбил и по сотням развел. Навстреч городским малый дозор выслал. Самых первых охотников; на лыжах побежали.

С остатными старческую молитву на выгоне отстоял, а церковники к попу на молебен сходили. Потом собрал Петр Алексеевич начальников, концевых и сотенных и на совет в правлении затворился.

Говорил там царь:

— Сподручнее нам этой ночью самим на супостата ударить, пока он с краю топи обозом стоит. Время ночное — жуткое. Всполюшим, попятим маленько, с тверди собьем, а на болоте-то еще не крепок лед, споду его греет. Завязнут люди, а орудие все непременно. Наш верх будет.

Концевые же и прочие сомневаются.

— Наши мужики от дворов не пойдут, а коли и двинутся начала ради, то со страхом и трепетом. Силы боевой, куражу в них не станет.

И царь и старцы сами про то знают:

— Мужик, как кобель цепной: на своем дворе лют и могутен, а отведи его от родного дома — осунется и духом смирится. Вся доблесть из него паром выйдет. Это верно.

Порешили в засеках держаться. Там и укрытия крепкие. Стрелки наши меткие: иные векшу в глаз пулькой малой достают, чтобы шкурка красу не теряла.

— Сподобит Бог городским отпор дать, тогда осмелеет мужик, окрепнет духом. Возможно супостата и в топь гнать, а болот у нас повсеместно в достатке.

На том и решили:

— Стоять.

В тот же час царь концевым и сотенным места боевые указал.

В ночь от лыжных двое прибежали.

— До Дивьего дуба достигли и округ часовни, что по купце, злодеями убиенном, в давние времена поставлена, обоз расположили.

Дивий дуб тот верстах в восьми от Урени стоял. Треххватное дерево, многовечное. И при дедах таким же был и Дивьим прозывался. На Троицу уренские девки, кто заневестится, венки с лентами на ветви его вешали, чтобы Дивь к Покрову хорошего жениха сыскал. А что за Дивь такой и какой ему чин, того никто не помнил.

Ночью округ села дозоры ходили, однако ничего не заметили. Солнышко ясное на небе не восходило — наши все по засекам, а царь со старцами уже там. Ожидаем. Остатние лыжники прибежали.

— Близки. Мы лесом бежали, а ихних пять саней по тропе след нам правят. Эти — передовые, сила же за ними верстах в двух.

Не минуло долго времени, выкатывают по тропе пять саней, как сказывали. Едут не шибко. Тропа — не шлях. Снежно. Коням по пузо в низинах.

На передних санях красный флаг утвержден необычного вида, поперечно, вроде хоругви и на золотых шнурах с кистями. Кони тоже все красным тряпьем разубраны. Сидят в санях по пятеро. Более ничего не видно.

Подъехали шагов на два ста. Мы не палим. Ожидаем. Снимаются с саней. Подводы оборачивают, в ряд ставят и чего-то на них копошатся.

Трое флаг берут и к нам идут. Флагом помахивают, издали орут.

— Товарищи крестьяне, не стреляйте! Допреж того поговорим.

— Поговорить можно. Отчего же?

Подошли не ближе, как на дубовую тень, — шагов на двадцать.

Трое. Один в шубе опашной, еноговой. Другие в солдатских шинелишках.

Тот, что в шубе, становится, флаг передает и кричит:

— Товарищи крестьяне, вы обмануты! Обнаглевшие контрреволюционеры, враги советской власти распространяют о нас гнусные слухи. Не верьте им! Мы, коммунисты, несем крестьянству мир и раскрепощение... — и пошел чесать.

Уренские слушают. Знают: мир-то мир, так и Фролка объяснял, а между прочим хлебушко выгреб и скотинку посчитал... Однако, послушать можно. Даже интересно.

Тут царь подошел и старцы набежали.

Вожак царя не признал, потому никакого отличия на нем не было — мужик, как и все, — а начетных старцев отличил по скуфьям и по древности.

— Вот они, — орет, — попы ваши, опиумную отраву распространяют!..

А старцы как зашумят:

— Антихрист! Анафема! Велиил! Слова твоя блуд и смрад! Изыди от нас, окаянный!

Иафанаил надрывается на все груди:

— Соблазна твоего и прельщения не приемлем! Изыди, сатана! Не устрасимся врат адовых! — суковник с засеки обламывает и в жоака пуляет.

Стало и нам обидно: пошто наших честных старцев срамит! Сребролюбиво они подвержены, это верно, но отравлением человек не занимался! Того испокон века не было.

Начали и мы в городских снежинами и дровом бить. Одному угодили в самый сап: кровью залился. Видят они — кончена их речь. Мужики сами орут, матерятся, Фролку и его продрозверстку в мать поминают.

Поворотили лыжи к саням: Там остатние порассунулись, а Симка Трохимов глазастый был — пулеметы в санях подузрил.

— Глядите, — кричит, — с миром пришли, а в соломе пулеметы...

Мужики сильно обозлились и палить хотели, только царь не велел до времени.

Стала ихняя главная сила подходить. Пулеметы с саней стащили и в лес поволокли. Что ж, Урени свой имеют: в срединной засеке, на самой дороге поставлен, ветками еловыми фронтовики его укрыли. Они же при нем и состоят — пять человек.

Солдатишки в лес по обе стороны расходятся, но палить не начинают. Урени тоже греха брать на душу не хотят, да из охотничьего снаряда и далековато.

Царь Петр Алексеевич засеки обошел, с ним старцы — иконы древние носят, стихирь дроботными голосами поют. Урени — ничего, не робеют. Так больше часа прошло. Совсем ободрились. Кто и духом слабел, и те повеселели.

— Надо полагать, без крови обойдется. Не пойдут солдаты на Урени, — многие так подумали.

Вдруг, как ударит, завывло, засвистало... Словно змей огненный из лесу вынесся... С краев пулеметы, как тетерева, затокали.

— Мать Пресвятая Богородица! Владычица Небесная! Вот она, война-то, какова!

Пулечки промеж нас посвистывают, по засечным соснам постукивают, чок да чок. Уренские тоже палить начали, не в прицел, а более для личного ободрения.

А оно опять ударило, завывло, засвистало... И еще, и еще, разов пять или шесть...

Фронтвику орут:

— Шрапнель! По селу бьет!

Васютка Железнов, только с Покрова его оженили, на снегу карежится, словно вьюн, выкликаёт дурным голосом:

— Смертушка моя пришла! Пришел мой час! — в утробу ему пулька ударила.

Оглянулись, а из села бабы бегут, ребятишек волокут, иные, что под руку попало, тащут. Словно на пожаре. Это их шрапнель проклятая напугала. Обезумели.

Царь Петр Алексеевич вдоль засек бежит, как лось сохатый, снег пургой раскидывает. Шумит фронтвикам издали:

— Чего вы, растакие-сякие, из пулемета своего бить не начинаете!

А те — через засеку — скок! Отбежали шагов на двадцать, руки вздели и орут:

— Не стреляй — свои!..

Тут на Урени страх и нашел. Потекли мужики, кто куда! Одни в село, к бабам и добру своему, другие — в лес.

Добежал до средней засеки царь Петр и видит: там одни старцы округ Нафанаила в кучу сбились, кто подревнее — в снег поседали, крестятся. Нафанаил же стоит, аки столп. Нерукотворенного Слеса древнюю икону подъявши, глаза выпучил, уста отверзты, а голос из нутра не идет. Словно закаменел.

Оглядел Петр Алексеевич округ себя на все четыре стороны, перекрестился, опустил могучие длани и стал под сосенку.

А солдаты из засеки бегут по всей линии, винтовки держат наперевес и не палят даже, разве один-другой стрельнет из озорства. Добежали. Окружили царя и старцев, наставили на них штыки.

— Сдавайтесь!

Какая может быть сдача! Самн видят: стоят перед ними немощные старцы, все без оружия. Петр Алексеевич свою винтовку допреж того в снег бросил. Солдаты лаются:

— Кончилась ваша контра, гады! Ишь, чего задумали: советскую власть сокрушать! Поумней вас о том стараются, да не выходит дело!

Фронтвики наши уже промеж них крутятся, цыгарки раскуривают, указывают на Петра Алексеевича:

— Вон он самый царь, всему глава!

Солдаты разом на него, кушак открутили и руки ему назад повязали. То же сотворили и над Нафанаилом. Оба они не противились.

На могучность Петра Алексеевича дивуются.

— Ну и сила! Но ней судя, должно, и в цари выбран. Прямой Петр Великий.

— А его и звать Петром, — кажут уренские фронтовики. Смеются. Приспел и в енотовой шубе:

— Этот царь? — указывает на Петра.

— Он.

— Здравия желаем, ваше уренское величество, — смеется.

Повели всех к Уреням. Царя с Нафанаилом впереди и штыки на них наставлены, старцы сзади кучей. Однако никого не бьют, только лают.

Царь за весь путь ни одного слова не вымолвил. Всегда молчалив был мужик, а тут как окаменел. Только когда его на крыльцо правленское возводили, оглянулся и в пояс Уреням поклонился.

— Да будет воля Твоя, о Господи!

После взятия Уреней красной * * * армией началась обычная расправа. Кроме царя, Нафанаила и начетчиков, забрали около пятидесяти зажиточных крестьян, мельника, торговца Селиверстова, а также и попа с учителем. Всех в ту же ночь погнали пешком в Кострому, дав, правда, проститься с родными. Отряд остался в селе.

Начался такой грабеж, что уренчане с умилением вспоминали о Фролке.

— Тот хоть жито забирал, но на прокорм оставлял, а скотинки хватил самую малость. Эти же...

Село было обязано не только выполнить продналог и все поставки за проерочерное время, исчисленные в непомерно высоких цифрах, но внести пеню и уплатить контрибуцию деньгами.

Для гарантии уплаты взяли заложников. Жены арестованных, ошалев от страха, вытаскивали заветные кубышки и вытряхивали их в полы красноармейских шинелей. Красноармейцы, участвовавшие в «Уренском походе», так разжились, что цена золота и «романовских» на костромском базаре пала чуть не на половину.

Зерно выкачали дочиста, угнали большую часть скотины. Подвод не хватало даже в богатых лошадьми Уренях. Созвали возчиков из соседних сел. Картошку тоже забрали и, как водится в социалистическом хозяйстве, свалили на правленском дворе в огромный ворох и поморозили. Но все же увезли к весне: голодные горожане все сожрут, еще в очередях за нее драться будут.

Тащили и по мелочи. Зайдет красноармеец в избу, увидит хорошие хозяйские сапоги или валенки:

— Дай-ка примерить!

И кончено. Всегда по ноге приходились.

Шитые шелками ручники из-под образов, как правило, шли «на оборону». Впрочем, существовала своя воровская этика: красноармеец, живущий на постое, в своей избе не крал и даже защищал хозяйское добро от налетов, если баба прикармливала жирно.

— Разжирили, аспиды, как боровы к Пасхе, — говорил Нилыч, но сам он этого уже не видел, так как был взят в первую очередь и пошел с царем и старцами в Кострому.

* * *

Всего в первую очередь было взято человек тридцать: сам царь, писарь, все старцы с Нафанаилом, православный священник, дьячок, начальники уренского ополчения. Нилыч с подручными, мельник, из мужи-

ков — кто побогаче. Эти пошли в первую голову, а через недельку за ними последовало столько же заложников. Брали и после, но уже по мелочи — двух, трех, пятерых.

В костромском остроге, переименованном уже в трудовой исправительный дом и украшенном огромным плакатом с надписью:

«Советская власть не карает, но исправляет,

в те времена еще царил хаотическая «вольность». Большинство камер днем не запиралось, передачи принимались в любое время и почти без проверки, в одиночках сидело по 8—10 человек, да иначе и невозможно было бы вместить в тюрьму толпу, в десять раз превышающую ее нормальную вместимость. Заключенные спали даже в коридорах. Чека еще оформляла себя и выработывала свой костюм. Действовали «суды народной совести», военно-революционный трибунал, железнодорожный трибунал, и на ее долю оставалось немного, главным образом добывание остатков офицерства и вылавливание «недорезанных».

Расстреливали, но не особенно рьяно. Кострома была в этом отношении «тихим» городом. Делалось это просто, часто даже без приговора: возьмут человека ночью «с вешшами» — и поминай, как звали.

Запевалами были матросы. Они составляли ядро трибуналов, верховодили в «народном», послабее, но все же значили многое в Чека. Их сплоченная кучка в 80—100 человек держала в руках и город, и губернию.

К матросам попали и уренчане. Встречать их сбежалась чуть ли не вся «братва». Гоготали.

— Смирррно! Равнение направо! Его уренскому величеству салют!

— Который же самый царь?

— Не видишь, что ли? Какой всех выше...

— Прямо Петр Великий из кунсткамеры!

— Вершка на два повыше будет.

— Здравия желаем, ваше императорское величество!

Становились во фронт и отдавали честь, глумливо выворачивая распорченные пятерни, кланялись в пояс, прижавши руки к животу.

Петр Алексеевич прошел мимо них, словно их и не было. Входя в ворота, окрестился двуперстно и, назад обернувшись, поклонился. Это он с волей простался.

В тюрьме повторилось почти то же. Сбежались из всех открытых камер. Коридор до того забили, что конвойные штыки наставили и даже для острастки в потолок раза два хлопнули. Мужички, за несдачу продлога взятые, помалкивали, лишь любопытствовали царя увидеть, слухом об Уренском царстве по всей губернии прошел, ну, а жулье, то почище матросов глумилось. Им тюрьма «родной дом», дело привычное.

Когда принимали по списку и в книгу записывали о годах и происхождении, Петр Алексеевич ответил:

— Крестьянин.

— А как же царем стал?

— И из крестьянства царю быть возможно...

Разместили по камерам. Царя со старцами в одиночку загнали и заперли. С ними попал и Нилыч.

— Тесно было, это верно, — рассказывал он, — днем-то ничего еще, сидим себе по стеночкам на мешках, а вот спать трудновато. Ложились на бочки, плотней друг к дружке и аккурат на всю камеру. Ночью, если кому повернуться, бок затечет или по своим надобностям встать, так буди всех. Вставайте и сызнова ложитесь.

Все же в Костроме нам жилось сходственно: бабы приезжали, хлеба, пирожков привозили; не голодали, слава Богу. Шпана тоже не

озорничала. Боялись нас. Уренчане-то народ дружный и к ручному действию привычный: о масленую всегда концы на кулачки сходились и в буднее время случалось. Поди, подступись! Сунулись спервоначалу, да и отстали.

На допросы водили и в одиночку, и группами. Дознаваться особенно было нечего. Дело ясное — контрреволюционное восстание. Уренчане сами не запирались. Зачем врать? Что было, то было. Только над одним вопросом пришлось потрудиться следственной комиссии.

— Кто зачинщик? Кто подстрекал царя избирать и советским рацпоряжениям противиться?

— Мир порешил, — слышался всегда один и тот же ответ.

Этот всеобъемлющий и вместе с тем не осязаемый реально «мир» был вполне понятен матросне, самой состоявшей из крестьян, но совершенно не уясним полунинтеллигентным горожанам, оформлявшим следствие. Им «зачинщики» были необходимы. А зачинщиков не было. В среде самих судей, они же следователи, возник раскол, и для разрешения его был вызван следователь по особо важным делам с самой Лубянки.

Вот как рассказывал о нем Нилыч:

— Обходительный был этот чиновник, вежественный. Не рыготал, как флотские. Волосы на нем длинные, как у дьячка, были, сам худощавый, все покашливал и в баночку плевал да крышечкой завертывал, больной видно.

Позвал нас всех, на лавочки рассадил, а царя на стульчик.

— Здравствуйте, — говорит, — граждане, я вот из Москвы приехал поговорить с вами, потому что очень ваше дело интересное...

Мы молчим, а он дальше объясняет, как царя сбросили и народную власть поставили, а вы, говорит, сами и есть народ, а против народа идете.

А мы отвечаем:

— Нет, господин-товарищ, не так. Наш царь — самая народная власть и есть, он от народа поставлен.

— Ну, — говорит, — хорошо, ваш царь истинно от народа, а Николай царь от кого? Вы его и не видели.

— И он от народа, через дедов наших, а что мы, в болотах сидючи, его не видели, в том удивления никакого нет. Другие видели.

— Так он, — говорит, — царь Николай вас казнил, угнетал и налогами разорял...

— Ничего такого мы от него не видели... Может, где в другой местности, а у нас, в Уренях, о казнях не слыхали, а ежели и порол кого урядник, то по нашему мирскому соизволению. Насчет же налогов ты, барин, долегче. Мы их без царя-то на горбу своем узнали!

Он тогда к Петру Алексеевичу.

— Вы от какой корысти в царство вступили?

— Не по корысти, — отвечает тот, — а по мирскому решению. Послужить народу всяк повинен. От той службы откату нет.

— Так вы не служили, а царствовали, правили и подать на себя собирали.

— Правильно ваше слово — царствовал, а только и на царстве служил, закон исполнял и закона от прочих требовал. Подать же собирал, верно, однако, по согласию, как за труды полагается.

Видит барин, что не одолеть ему нас на слове. Подался. Очки снял и платочком протер.

— Дело, — говорит, — ваше очень сложное. В нем не простая контрреволюция, а большая глубина.

К чему он это говорил, не уразумели. Слово не по-нашему, словами несслыханными. А говорил долго и обещал на суде все в ясность привести.

Подошел и суд. Главными-то судьями матросы были, а барин этот, вроде как от себя, прокурором. Председатель — главный матрос, очень веселый попался и без руки. Но не злобный и не ругатель. Ругала нас больше барыня, что около него заседала.

— Гады, — кричит, — рабочего дела враги! — всех пострелять требовала и по столу стучала, даже чернила разлила.

Прокурор московский тоже нас врагами изблячил, только видно было — без злобы.

— Это враги особенные, — говорит, — с генералами и буржуями их равнять нельзя. Не та линия. И мы, — говорит, — особую линию должны взять к ним в отношении.

При конце суда с барыней очень поспорил. У самого даже кровь из рта пошла, весь платочек измарал и ослабел.

— Делайте, — говорит, — как знаете, а я своего мнения держусь и в Москву о том сейчас же отпишу.

Отписал или нет — неизвестно. Но только после его речей матросы добрей как-то стали и даже на злобствующую барыню покрикивали:

— Будет тебе, банка кровососная! Не офицерией судим, а мужиков. Это понимать надо, кто в сознании...

Увели нас из суда затемно, а наутро опять привели.

— Встаньте, — говорит безрукий, — и слушайте нашего пролетарского революционного суда справедливое решение. Читать приговор вам будет секретарь, потому что сам я малограмотный... Потом, ежели что нужно, то словесно разъясню.

Читали приговор долго. Сначала все про революцию, что до нас не касается, а потом и про нас: кому что полагается, каждому в отдельности, по его заслуге.

Петру Алексеичу определили расстрел, но тут же и смягчение дали по неосознанности и крестьянскому его происхождению. Снизости на десять лет. Попу же, старцу Нафанаилу и учителю такого снисхождения не дали. Всем же прочим разные сроки: кому пять, кому восемь, а кому и все десять — наравне с царем. Так и мне десять годочков перепало. Безрукий матрос посмеивается:

— Смотрите, старцы, доживайте каждый свой срок, сколько кому лет дадено. Помирать вам воспрещено. Советскую власть не обманете...

Умерли, как жили

Вот отсюда и начались наши мытарства. Попа Евтихия, Нафанаила и учителя в ту же ночь расстреляли, а нас малыми партиями в разные места рассылать начали. Кое-кому и хорошо вышло, слава Тебе, Господи: на Кинешемскую постройку попали. Оно недалеко. Волга-матушка водами своими до Кинешмы донесет. А нам с царем Петром Алексеичем Господь иной жребий указал: великие мытарства и странствия. Месяца после суда не прошло, вызывают нас восьмерых в канцелярию: царя, значит, четверых старцев подревнее, военачальников наших, что уренскими концами в бою командовали, ну и меня...

Тюремный начальник сперва бумагу нам прочел, а потом начисто все объяснил.

— Московская власть вами очень интересуется и судебное решение про вас не укрепляет. Поедете вы все в Белокаменную столицу для нового разбора и розыска в самую главную Чеку, и требует вас туда сам товарищ Дзержинский, которому от Ленина полная власть над врагами

революции предоставлена. Что вам там последует, неизвестно, но полагаю, что вас всех там шленнут. Однако же, хлеба я вам по три фунта выдам.

В ту же ночь повезли нас поездом. В Москву за одни сутки доехали. Стража попалась подходящая, безо всякого безобразия, и даже на станциях кипятком нас пользовала.

— Пейте, старцы, в полное ваше благоутробие, принимайте в нутро теплоту, а то вы очень древни и простым манером померзнуть можете.

Доехали. В Москве нас на самоходную машину перегнали. Как она дернула, да зашумела, старцы так на гузочки и осели, крестятся, кротость царя Давида поминают.

В Москве-то мы истинную тюрьму и познали. Подлинный Содом и Гоморра. Хлад, глад и всяческая мерзость. Народы там всяческие в едину кучу смешаны и несть им различия. Теснота и смрад. Праведники купно со злодеями возлежат и во едином обличии пребывают. Тут-то мы и голода хлебнули. Из дому, конечно, ничего. Следок наш и гоновою кобелю не разыскать. В тюрьме же одно поганое хлебово, да и оно из общей посуды мерзостной и нелуженой. Мы, что греха таить, в тот же самый день обмирзились, а старцы твердо свое благочестие держат, окромя полфунта хлеба ничего не приемлют. Прошла неделя, другая... Видим: хиреют наши молитвенники, слабнут. Бывало, в уставной час на канон становились и все, что полагается по Писанию, вычитывали. Рыгочут на них арестанты, мерзостные песни поют, а они, как колоды в омшаннике — не тронутся, только губы под честными власами пошевеливаются. Теперь нет. Выползут из-под нар (арестанты нас всех под нары забили, говорят: закон такой в московских острогах), вылезут на карачках, лбами о каменный пол стукнут, перекрестятся и назад.

Отец Варнава первый преставился. Выволокли мы его за ноги из-под настила, хотели на стол положить, обмыть-обрядить, — нет! Как заорут арестанты:

— Куда падаль свою волокете? Стол поганить вздумали? Стучи дежурного!

Снесли мы покойничка в подвал, там их еще с десяточек понавале-но было, и к вечеру от нас и остатних старцев увели, сказали — в больницу. Только мы их и видели.

Еще с месяц прошло. Мы уж стали подумывать: позабыли о нас. Нет, вызывают.

— Распишитесь, — и бумажку дают.

— А что же прописано тут, милый ты человек?

— Прописано тут: ехать вам в Соловецкие лагеря особого назначения и замаливать вам там грехи сроком по десяти лет... Понятно?

* * *

На Соловках уренчане держались обособленной группой, словно связанной в тугой снап крепким оранжевым пряслом. В общей казарме Преображенского собора твердо заняли свой угол и отстояли его от патиска шпаны, а ночью, когда хозяева «общей» — уголовники сунулись щупать добротные уренские мешки, первая пара уркаганов, воя и матерясь, покатила по каменному полу, словно скошенная железною рукою Петра Алексеевича.

Так и потекла уренская капля в мутном содовецком потоке, не растворяясь в нем и не смешиваясь с его струями. Не было ни вражды, ни дружбы, ни сближения, ни отчужденности.

Огромная суровая фигура Петра Алексеевича разом привлекала внимание соловчан, а слух о его непомерной силе скоро стал обрастать легендами. От приехавших в одной партии с ним бутырцев узнали и необычайную историю Уренского царства. Любопытствующие тянулись к царю то с искательной улыбочкой:

— Вашим необычайным делом очень интересуюсь...

То с наглой издевкой:

— Ну, медвежье твое величество, расскажи, как ты с Лениным воевал?

И те, и другие получали один и тот же ответ: молчание. Слово не видел Петр Алексеевич кружащихся возле него назойливых мошек.

Со своими говорил тоже редко и то разве лишь по надобности, коротко и грузно бросал слова, как кули с плеч.

В конце второго месяца жизни уренчан на Соловках случилось происшествие, разом определившее место уренского царя в многоликом каторжном муравейнике.

Шпана по твердо установившемуся тюремному обычаю обокрала ночью вновь прибывших повстанцев-ингушей. Те, заметив наутро пропажу, перекликнулись хрипылыми птичьими возгласами, помахали руками и застыли, сбившись в тесную кучу и вращая синеватыми белками немигающих круглых глаз.

Шпана была разочарована. Она ожидала воплей, причитаний, ругательств, словом, обычного дарового спектакля, возможности лишней раз поглумиться над слабейшим, покуражиться жалкой иллюзией удали и молодечества. Вместо этого — молчаливое презрение.

Сквозь тесно охватившую ингушей толпу протиснулся Ванька Пан, первый заводчик всего дела, «артист тюремной эстрады», распевавший по вечерам гнусавым тенором похабно-сентиментальные куплеты. В руках его болтались полосатые тиковые подштанники.

— Шурум-бурум, халат покупай! — орал Ванька, подражая московским старьевщикам, — нонче вечер в очко барахло пускай! Плакали твои порточки, свиное ухо, — сунул он свернутую углом штанину в лицо ближайшего ингуша.

В воздухе мелькнула цепкая коричневая рука, послышался сухой треск разорванной материи, и в руке Ваньки осталась лишь одна сиротливо повисшая штанина.

— Ты что? «Купленное» отнимать? Ах, гад ползучий! — и уверенный в поддержке окружающих Ванька ринулся на кавказца.

Драка вспыхнула, как по команде. Ингуши, встав на нары, отбивались ногами и руками, а шпана молотила их заготовленными для такого случая выхваченными из настила досками. Соотношение сил было явно в пользу атакующих, и плохо пришлось бы ингушам, если бы в борьбу не вступила третья неожиданная сила.

Это силой был Петр Алексеевич. Не произнеся ни слова, он, медленно и твердо ступая, подошел к ревушей и воющей, сбившейся в клубок толпе и, словно выполняя обычную повседневную работу, начал вырывать из нее и бросать на задние нары мгновенно затихавших в его руках шпанят. Серые комки рванья с подобьями человеческих лиц взлетали на воздух и шлепались на грязные доски настила. Так, вероятно, он метал тяжелые ржаные снопы на высокие скирды в родных Уренях. Через минуту лишь один он стоял перед сбившейся на нарах кучкой тоже притихших ингушей, а у его колен корчился с закрученными назад руками позеленевший от страха Ванька Пан.

— Чтобы все забранное сейчас назад снести, а то... вот этого изломаю.

— Сдавай «товар», братюги, — хрипел Ванька, — а то он всамделе в ящик загонит.

В наполненном за минуту до того криком и гамом соборе стояла мертвая тишина. Кое-кто из шпаны торопливо рылся в темных углах, воровато бежал к ингушам и скрывался снова, бросив на их нары рубаху, мешок, полотенце...

Петр Алексеевич выпустил Ванькины руки, и тот отполз на четвереньках, оглядываясь, как побитая собака...

В тот же день о происшествии узнали все Соловки, и оно стало переломным моментом в жизни «общей» Преображенского собора. Традиционные ограбления и избиения новопривывших, не только допускавшиеся, но и поощрявшиеся получающей свою долю «фарта» чекистской охраной, прекратились на время пребывания там Петра Алексеевича. И не физическая сила уренского богатыря играла в этом главную роль, но подсознательно понятая шпаной мощь его духовного превосходства. Он один смог противопоставить себя множеству — массе. Если бы за ним ринулись в драку и остальные уренчане, исход ее был бы ясным: сотни шпанят, несомненно, избили бы и покалечили их. Так бывало не раз.

Эпизод стал известен и начальству. Комендант Соловков Ногтев вызвал Петра Алексеевича к себе в кабинет, внимательно осмотрел его мутными, пьяными глазами, обошел кругом, как около жеребца на базаре, и, сплюнув сквозь зубы, раздумчиво произнес:

— Да... кабы такой сидел вместо Николки, пожалуй, и революции бы не было... Иди!

Когда волна острого интереса к уренскому царю спала, он все же не затерялся в безлюдной соловецкой толкучке. Где бы ни находился он, вокруг него всегда было какое-то пустое место — мертвое пространство, словно какая-то незримая сила отделяла его от остальных — и от уголовников, и от политиков всех видов. Это был не страх и не осознанная отчужденность, а какое-то чувство несоразмерности себя с ним, то, что заставляет говорить шепотом в пустой церкви...

* * *

Страшная эпидемия сыпного тифа 1926 г., переполовинившая все население Соловков, унесла и всех уренчан. Первым подался Нилыч. Почувствовав признаки болезни, от которой не было спасения, старик не хотел им верить, не мог примириться с неизбежным уходом от жизни, столь понятной ему и столь любимой им во всех ее проявлениях...

— Нemoжется? — глухо спросил его царь, когда старик отвернулся от поданного ему ломтя хлеба.

— Нет, так что-то... Хлеб-то непеченный...

На следующий день он все же вышел на работу, но, войдя в ледяную воду, — мы вязали плоты, — затрясся в смертельном ознобе, потянул мокрую веревку и, напрягая всю силу воли, попытался закрепить узел. Сведенные судорогой пальцы не повиновались. Мы не могли не смотреть на него, хотя каждый из нас знал, что не нужно смотреть. Нилыч обвел нас ответным взглядом и понял то, во что не хотело верить все его естество. Понял и вдруг улыбнулся хитровой и ласковой улыбкой, той, с которой он завершал обычно какое-нибудь мудреное дело или раскрывал перед слушателями неожиданную развязку затейливой сказки.

— Вишь ты как... Вот оно, значит, отходил свои дни. Господь призывает.

Вышел из пены прибой и разом обмяк, ослабел, присел на валун, тяжело и порывисто дыша.

Идти один он уже не мог. Сила жизни как-то разом угасла. Охранники, любившие веселого и говорливого старика, разрешили довести его до лазаретных барачков. Провожали Нилыча царь и я. Стоял конец мая; мелкие соловецкие березки лишь окутались нежною даутиной бледно-зеленых душистых листьев. Нилыч сорвал лепесток, растер его в пальцах, долго нюхал, еще помял на ладони и пожевал беззубым ртом, потом нагнулся, колулнул парную придорожную землю, помял, пожевал и ее, но не выплюнул. Словно причастился телом и кровью своей Великой мужицкой Матери...

— Полеток-то поиче грибной будет. Земелька сладостный кус содержит, — это к урожаю. Примета верная.

У дверей барака, из которого никто не выходил живым, мы передали Нилыча санитару из уголовников. Старик виновато и заискивающе заглянул ему в глаза:

— Рубаху вот они и порты чистые передадут, так уж ты соблюди, Христа ради, чтобы в целости... — потом поклонился нам в пояс:

— Простите, в чем согрешил... Живите с Богом...

Вечером, когда мы привнесли его смертный убор, санитар сказал нам, что Нилыч уже в беспамятстве и в бреду непрерывно поет веселые песни... Много он их знал.

Петра Алексеевича тиф захватил, когда все уренчане уже покрылись черным саваном соловецкой земли. Утром на работе, как всегда неторопливо и размеренно, выполнил обычный урок, но, войдя в ворота кремля, не завернул в свой корпус, а пройдя шумный в эту пору двор, стукнул дверью в шестую роту, где концентрировалось православное и католическое духовенство:

— К отцу Сергею...

Самый старый из всех ссыльных священников отец Сергей Садовский приоткрыл дверь кельи.

— Ко мне? Чем могу?... — и удивленно огладил свою седую бороду, разглядев выцветшими глазами знакомую всем фигуру посетителя.

— Исповедуйте, батюшка, и допустите к Причастию...

— Да ведь ты... вы как будто старой веры придерживаетесь?

— У Господа все веры равны. Помирать буду.

— Вступите, — приоткрыл дверь священник, и лишь спустя долгий час вышел из кельи уренский царь Петр, дав там ответ Богу в своих великих и малых мужицких грехах и приняв из круглой декрашенной мужицкой ложки сок клюквы и тяжкий арестантский хлеб, претворенные Таинством Подвига и Страдания в Тело и Кровь Искушителя.

Зайдя к себе, он вынул что-то из мешка, бережно завернул в расшитое петухами полотенце и позвал ротного.

— Все, что есть, — ткнул он рукой в мешки, отдать сырм и нагим. На помин души.

— Да ты что? Спятил? Здоров, как бугай!

Петр Алексеевич молча поднял руку и засучил полотно рубахи.

— Высыпало?! А тебя на ногах еще черт держит, — изумился чекист, — ну, топай в лазарет, прошевай царь уренский! Аминь тебе!

Петра Алексеевича никто не провожал в его последнем земном пути. Ухаживавшая за обреченными и вскоре умершая сама баронесса Фредерике рассказывала потом, что, раздевшись и улегшись на покрытый соломою пол барака, Петр Алексеевич перекрестился и вытянулся во весь свой опромный рост, словно готовясь к давно желанному отдыху.

В лазарете он не сказал ни слова. Молчал и в беспамятстве. Агонии никто не видал, и смерть его была замечена лишь на утреннем обходе.

Старая фрейлина трех венчаных русских цариц закрыла глаза невенчанному последнему на Руси царю, несшему на своих мужицких плечах осколок великого бремени подвига державного служения.

* * *

С тех пор прошло четверть века. Темная ночь висит над многострадальной Русью и не размыкает своих черных покровов, лишь немногие яркие искры вспыхивают и гаснут в беспросветной мгле, и в их трепетном свете я вижу лицо Уренского царя, его широкие кражистые плечи и прикрытые разметом нависших бровей никогда не улыбавшиеся глаза.

Он встает в моей памяти таким, каким я видел его, когда мы работали на вязке плотов предназначенного для Англии экспортного леса. Плоты шли буксиром на Кемь и Мурманск, и там лес перегружался на корабли. Плохо связанный плот мог быть разбит волной и поэтому хорошими вязчиками дорожили; их прикармливали, давали вволю хлеба и даже мяса. Но работа на плотях считалась самой тяжелой даже на Соловецкой каторге, и немногие могли вынести шестичасовое стояние по пояс в воде Белого моря, где и летом температура не поднималась выше шести-семи градусов.

Мы с Нильчем вязали «на пару», а у царя, кроме вязки, была своя, особая работа в нашей артели. Когда грузовик подвозил очередную партию бревен и сваливал их перед грядой валунов, окаймлявших берег, нужно было быстро перебросить эти бревна через вал в пену прибоя. Мы работали урочно, и темп работы был в наших интересах. А перетаскивание через сплошную, метров пять высоты гряду, отнимало много времени.

Когда гудок автомобильной сирены показывал нам, что бревна сброшены, Петр Алексеевич не спеша (он никогда не торопился) уходил за гряду.

Берегись!

Мы разбегались в стороны, а из-за гряды, как из кратера вулкана, летела непрерывная череда десятипудовых обрубков. Поблескивая смолистой корой, гигантские стрелы взвивались над валунами и падали в пену прибоя, втыкаясь в прибрежную гальку. Переброска двух тонн никогда не занимала более пяти минут.

— Готово!

Из-за гряды медленной, осанистой поступью выходит Петр Алексеевич и подлинным русским богатырем плавной, величавою стопою идет к берегу. Ни капли пота не блестит на его широком, оправленном в посеребренную чернь лбу. Мерно вздымается богатырская грудь над расстегнутой в ворота рубахой. На темной жилистой шее — медный старинный крест. Узкую и долгую, как у апостола Павла на древних иконах, бороду чуть относит ветром к плечу.

Стратотерпцем трудником русским ступает он по святой Соловецкой земле, идет сквозь дикие, темные дебри к студеному покою полуночного Белого моря.

Предисловие и публикация С. А. Беляева.

ПАРИЙСКИЙ Л. А.

В МЕСТАХ, ВОСПЕТЫХ Н. А. НЕКРАСОВЫМ.
ШОДА

Для всех, кто любит русскую литературу и интересуется историей Костромского края, большой интерес, на наш взгляд, представляют очерковые зарисовки члена Костромского научного общества по изуче-

нию местного края, священника Леонида Александровича Парийского «В местах, воспетых Некрасовым. Шода». Эта работа была выполнена Л. Парийским в 1916 году после его поездки в Шоду — деревню в Костромском уезде, предпринятой им по поручению КНО.

Рукопись Парийского позволяет уточнить обстоятельства знакомства Н. А. Некрасова с крестьянином Гаврилой Яковлевичем Захаровым, будущим «его другом-приятелем», которому поэт впоследствии посвятил поэму «Коробейники». Безусловно, заслуживают внимания эпизоды встреч Некрасова с крестьянами Шоды. Трогательны гордость жителей деревни тем, что у них «Некрасов жил», благоговейное их отношение к памяти поэта. Л. Парийский помогает нам осуществить заочную экскурсию по Шоде, ее окрестностям, дому Гаврилы Яковлевича, который, к великому сожалению, не сохранился до наших дней. Предметы домашнего быта, место, где отдыхал поэт, даже ступеньки крыльца, по которым он поднимался в дом Гаврилы Яковлевича, — все вызывает чувство благодарности тому, кто позволил нам, спустя десятилетия, «заглянуть» туда, где бывал поэт.

На рукопись Парийского неоднократно ссылались некоторые краеведы, литературоведы, но полностью она не публиковалась. В 1989 году она впервые издана как методический материал кафедрой литературы Костромского педагогического института минерным тиражом, сейчас же она — по сути, впервые — предлагается вниманию общественности.

Рукопись Л. Парийского содержит 11 листов, заполненных мелким, убористым почерком. Текст располагается на обеих сторонах каждого листа в виде двух колонок. Текст рукописи печатается с соблюдением современной орфографии, сокращенные в подлиннике слова печатаются полностью.

Рукопись Л. Парийского в настоящее время хранится в ГАКО (ф. р. — 838).

* * *

Равнина безлесная,
Ширь поднебесная.
Ник. Некрасов.

Шода — деревня по берегу реки Мезы, притока реки Костромы. Шода чувствует себя в деревнях избранной деревней, не то, что все: «У нас Некрасов жил». И по всей деревне, от первой до последней избы, разлито это удовольствие ощущения исключительности. Жители — единовольцы, держатели, хранители старого обряда.

Не ждалось, что позволяют себе так принимать освежающее, поновляющее жизнь как изящная литература, писатели. Старовер — строгий, не улыбающийся, всегда в чину, в державном благолепии, чурающийся мирских человек. Оказалось — легкие, открытыми глазами смотрящие люди, нисколько в них нет того «исподлобья», коим так страдают дичающие люди глухих, самих в себе замкнувшихся углов.

Вот Иван Гаврилович, с отцом которого Николай Алексеевич охотился. Иван Гаврилович на реке, тянет из проруби какую-то рыболовную снасть.

— Иван Гаврилович, хотелось бы с вами поговорить.

— Пожалуйте ко мне.

Иван Гаврилович — старик, невысокого роста, крепкого сложения, с красноватыми прожилками на щеках. Хотелось бы видеть в нем сына того высокого, длинноватого ростом, верзилевого сложения охотника, что имел счастье быть подручным Н. А. Некрасова на охоте. Неужели и отец Ивана Гавриловича был его же комплекции — так это сводит все на заурядность...

Домик в три окна с белеющими наличниками; домик разваливается, необходимо, не откладывая, сфотографировать. Вот в этом самом доме и был у нас Николай Алексеевич.

Самоито ли, барственно входил он в эту лесенку, в крыльцо или взмахивал через приступки балующимся, подравнивающимся с крестьянами барчонком?

— В горенке, в сельнике у него и кровать была.

Изба обыкновенная, крестьянская, только по-староверски чистенькая. Мальянда, пиво... Гостем оказался. Так это смягчает допрос, спрашиваешь.

В Иване Гавриловиче и в его старушке видна захваченность в их рассказывании о Николае Алексеевиче. Многие у них бывали. В шкафу для чайной посуды стенки оклеены листком из журнала «Искра» с портретами писателей, в числе их и Николай Алексеевич.

— Как Николай Алексеевич у вас был? Уже таким облыселем был?

— Да, да.

— Где же ему помнить, — вступается старушка, — невелик он был.

— 8 лет мне было, помню все-таки... Бывало, выглядываем на них из-за уголка, украдкой, как они собираются.

— У него постарше брат есть, рядом избы-то... Тот поболее тогда был, поболее помнит.

— Вот часы, больше-то, куплены на Николая Алексеевича деньги.

«На, — говорит, — Гаврило, купи себе часы, у тебя часов нет». Дал 5 целковых, тятинька и купил.

Иван Гаврилович толкнул маятник — часы нейдут.

— Как познакомились Ваш отец с Николаем Алексеевичем?

— Как, как... В Костроме. Тятинька весь город дичью кормил, набьет целую телегу и везет. Дичи было видимо-невидимо, охотников наперечет (ружей-то не было), тятинька сам и ружья делал, слесарничал. Попроше дичь на базар сдавал, а красную, вишь, губернатору поставлял. Николай Алексеевич как наезжал в Кострому, — останавливался в номерах, вот где теперь окружной суд.

На охоту Николай Алексеевич на 3-х тройках ездил: одна для него, другая — для всякой обснарядки для охоты; у него на жалованьи жил Кузьма-охотник, коломенский он был, здоровенный такой, только из-за охоты нарочно его и держал, — так на этой тройке — Кузьма, на третьей — кухня. Богатый был барин.

Николай Алексеевич приехал в Кострому и посылает Кузьму: поиди, говорит, поиди охотника здешнего, чтобы нам места показал. Кузьма и пошел. Тятинька-то, это, на базаре дичь сдал, а дупелей низал на веревочку и несет, вишь, губернатору; идет у собора, вдруг сзади по плечу его хлоп, так, чу, он и обмер. А это Кузьма.

— Ты что, спрашивает, охотник?

— Охотник?

— Тебя-то и надо, пойдем, барин тебя требует.

И пошли. Приходят в номера, в окружной суд, Николай Алексеевич — к себе тятиньку, все расспросил.

— Ну, говорит, Кузьма, налейте ему двусоставную... Пей, говорит тятиньке.

Тятинька выпил, дух заняло — накрепчайшая водка.

— Теперь, говорит, неси дичь губернатору, дичь оставь — деньги я заплачу.

Тятинька и не вышел, так тут у них, в каморке, и уснул — симбло с крепкой водки. Потом дичь губернатору отнес.

— Скажите его высокобродню, что Гаврило-охотник дичь принес, а денег не спрашивает.

И ушел. Так и познакомился тятинька с Николаем Алексеевичем. Николай Алексеевич сутки по трое жил у нас — охотились все тут вон, в низине, Ляды называется; дуплей там погибель было, куницы водились.

Как придет, бывало, — вся деревня возле него, всех деньгами наградит. Братец у тятиньки — Семен Яковлевич — еще и посеючас жив; так тятинька-то Дарья только охачку сенца подбросила лошадке Николая Алексеевича — сейчас трешницу вынул. Тятиньке рублей по 70 давал за троп-то сутки. Маменьку за стряпню все хвалил: «Ах, Маремьянушка, до чего ты щн варить мастерица!» И ее наградит. Тятиньку с собой звал — газету разносить, на хорошее жалованье. Николай Алексеевич был московским газетчиком.

— Если бы к Семену Яковлевичу побывать?

— Можно. Да он еще ходит, я сюда позову.

Семен Яковлевич на моленье.

— Да уж он стар, древний старик и как будто и не в себе, заговаривается... А он должен хорошо помнить Николая Алексеевича. «Коробейников» Николай Алексеевич написал по тятинькину рассказу. Летом тятинька на охоте рассказал Николаю Алексеевичу, а через зиму Николай Алексеевич приехал и книжку стихов о коробейниках привез, тятиньке и подарил; все хранилась, да тот возьмет почитать, другой — поисгреналась... А тут писарь взял — так у него и пропала. Перевелся он от нас из Мискова — тятинька заходил к нему за книжкой, говорит: ребята изорвали.

— Фамилия-то писаря?

— Кадушкин.

— Не чуть, где теперь?

— Пропал.

— Был у нас мужик такой, хитрый, негодный, Давид Петров из Сухорукова, из деревни, вот он и убил коробейников, ограбил, — с них и разжился, кабак имел; под конец господь покарал — ослеп под старость. Тятинька и ружье-то, из которого Давид застрелил коробейников, делал. Поднес тятинька Давыду да все и выспросил, как он убил.

— Вот, говорит, видят они, что я не с добром возле их — шли они напрямик, тропкой, из Сухорукова к Закобякину, — отговаривать меня стали, а я из одного стволика хлоп — только по-заячьи верескнул, из другого — снопом повалился.

Тятинька такую ему взвесил: «Разве я по тебе ружье мастерил?». У Николая Алексеевича есть в стихах:

Подзадорили детнишку,

Он всю правду бух.

— Где же вы стихи достали?

— Учительница давала, мы все его стихи читали. Старушка оказалась любительницею чтения. Газету выписываем. Училище есть.

— Три версты. Не ходят наши. Сами учим деток, каждый в своей избе. Плох с этим. Деревня большая, народ бы богатый...

Иван Гаврилович пасеку имеет, ульи рамочные; он при должности — обездчик, сторож в казенном лесу.

Дальше легенды.

Деревня носится с памятью Николая Алексеевича, образовались наслоения, дающие возможность продлить рассказыванье о Николае Алексеевиче столь многим, интересующимся им, выскребывающим в жителях Шоды до самомалейшей крупинки о Николае Алексеевиче.

— У Николая Алексеевича были две усадьбы в Ярославской губернии: Карабиха и Грешнево, сады были при них на несколько верст. Тятинька бывал. Чего-чего в садах не было. Была 25-летняя ягода, так

и называлась. — 25-летняя, тятинька-то ее видел — уж с арбуз была... Как исполнилось ей 25 лет, Николай Алексеевич торжество устроил, государь выезжал, емотрел.

Одно поместье было у Николая Алексеевича родовое, а другое — в карты выиграл.

Был у него винокуренный завод, 12 кабаков было.

Была у Николая Алексеевича собака Оскар. 700 рублей была цена. И пропала. Сутки, двое, трое — нет. Кузьма с пог сбился. На третью ночь Оскар царапается в дверь и в зубах — кошелек. 600 рублей принес. Где взял — никто не знает. Николай Алексеевич заявление подал. 10 лет деньги лежали.

К Семену Яковлевичу. Идем под окнами, видим — в избе молятся перед сном, всей семьей. Так и не привелось видеть Семена Яковлевича, брата Гаврилы Яковлевича Захарова, сотоварища по охоте Николая Алексеевича.

Федор Гаврилович, старший сын Гаврилы Яковлевича, ничего не придал к рассказу Ивана Гавриловича. И на Федоре Гавриловиче видна заученность рассказа, не впервые рассказываемого. Да Федор Гаврилович и городской человек, маклер. На Федоре Гавриловиче заметней навешное городской публичкой обаяние личности, повергающей в преклонение мир.

— Я был лет 14-ти... И мне хотелось с ними на охоту. Потихоньку взял тятинькино ружьецо, забежал вперед, подстерег их, выскочил: «Тятинька, тятинька, я двух чирков убил!» И показываю. Думаю: «Уж теперь возьмут с собой». Николай Алексеевич и говорит: «Охотник охотника родит». Так это мне запомнилось.

— Набивали сотнями дичи...

Как под Турцией палили.

— Туда вон Вежи. Там дедушка Мазай.

Старобрядчество явно выцветает; так бы хотелось увековечить эти остатки людей по старой вере в их обстановке, нашей, местной, воспетой Н. А. Некрасовым равнины безлесной и шири поднебесной, на этой подтопляющей воде; в их костюмах, в их пении, в их церковности, в их внутренней жизни — увековечить «стиль» их жизни.

Костромского уезда, село Куликово
Священник Леонид Парийский
1916 года марта 7 дня

Предисловие и публикация Н. Г. Морозова.

VII. ХРОНИКА

СОЛОВЬЕВА А. В. (Кострома)

ВЕЧЕР ПАМЯТИ А. В. КИЛЬДЫШЕВА В КОСТРОМЕ

15 февраля 1990 года исполнилось 20 лет со дня трагической гибели Альберта Васильевича Кильдышева (1937—1970) — поэта, искусствоведа, реставратора, ревнителя костромской художественной старины.

Костромское областное отделение Всероссийского фонда культуры поддержало предложение общественности отметить печальную дату. Вечером этого дня в отделе искусств областной библиотеки собрались его близкие, друзья, хорошие знакомые. Бел встречу В. А. Благово — кандидат филологических наук, доцент Коломенского пединститута, друг студенческих лет Альберта Васильевича.

Отдел искусств библиотеки был тем местом, куда Альберт Кильдышев приходил охотно, часто и не только за знаниями, но и с тем, чтобы рассказать новости, поделиться впечатлениями, волновавшими его. Поэтому так естественно звучали здесь слова удивления, восхищения, адресованные живущему в сердцах присутствовавших человеку, слова благодарности судьбе за встречу с такой богато одаренной личностью. К сожалению, имя А. В. Кильдышева до сих пор еще знакомо не всем костромичам.

После окончания Костромского пединститута он преподавал русский язык и литературу в Судайской школе Чухломского района и Костромском мелничинском училище. Это был талантливый учитель, широко раздвинувший официальные рамки литературного курса и на много лет опередивший в этом своих коллег.

Заочно учился на искусствоведческом отделении Ленинградской академии художеств. Поступил на работу в Костромскую реставрационную мастерскую, где освоил профессию реставратора фресковой и станковой живописи, исследовал монументальные росписи храмов Костромы. Его курсовая работа посвящена росписям Троицкого собора Ипатьевского монастыря и церкви Воскресения-на-Дебре. Были планы более углубленного изучения костромских монументальных росписей.

Работая в мастерской, он спасал памятники деревянного зодчества. Под его руководством или с его участием в Костромской музей-народной архитектуры и быта были перевезены часовня из деревни Юркино Чухломского района и Ильинская церковь из села Березовец Солигаличского района. Составил список памятников, которые мечтал вывезти. «Наше дело — спасти», — часто говорил он.

Интересы его были разнообразны: писал стихи, собирал библиотеку — классику, поэзию, книги по искусству, увлекался филателией.

Троицкий собор Ипатьевского монастыря стал последним местом на земле, где был Альберт Васильевич. Здесь он и погреб.

В Верхне-Волжском издательстве готовится к выходу книга его стихов и прозы.

ПЕТРОВА О. Г. (Кострома).

ПАНИХИДА НА МОГИЛЕ М. Я. ДИЕВА.

Еще одно захоронение деятеля культуры возрождено «для жизни» и памяти. Речь идет о могиле ученого, протоиерея М. Я. Диева, местоположение которой было установлено в октябре 1989 года (см. «Костромская земля», вып. 1).

За следующие полгода по просьбе областного отделения фонда культуры архитектором Костромской реставрационной мастерской заслуженным работником культуры РСФСР Леонидом Сергеевичем Васильевым был разработан проект надгробного памятника — креста и ограды.

Заботы по изготовлению и доставке его на костромскую землю взяли на себя члены московского кооператива «Тембр», руководит которым Павел Иванович Новосельский.

Установил памятник праправнук священника и историка — Александр Леонидович Диев.

Все работы: проект креста и ограды, их изготовление, доставка и установка памятника — выполнены безвозмездно.

7 июня 1990 года на могиле М. Я. Диева состоялась панихида, на которой и был освящен памятник. Служил панихиду, как и осенью 1989 года, протоиерей Воскресенского кафедрального собора о. Александр Андросов.

Так усилиями многих людей положено начало возвращения в нашу жизнь несправедливо забытого имени видного историка, этнографа, краеведа.

СМИРНОВ Ю. В. (Кострома)

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В СУДИСЛАВЛЕ

14 июня закончилось археологическое обследование Судиславля и ряда деревень и сел района, расположенных по рекам Меза, Покша, Мера, Корба. Оно было организовано областным отделением фонда культуры на денежное пожертвование уроженки д. Леонтьево (на Покше) В. Н. Тихомировой-Петерсон. В работах были заняты археологи Плесского музея-заповедника Д. Б. Ойнас, Л. В. Ицкова, ученики 10-го класса Судиславской средней школы и автор данной заметки. Многих затруднений удалось избежать благодаря вниманию директора школы В. П. Балясникова.

Основная задача археологической разведки заключалась в определении даты появления Судиславля как населенного пункта. Еще в XIX в. высказывалось предположение, что Судиславль возник в XI веке и назван по имени Судислава. Этой гипотезы придерживались многие видные ученые, краеведы. Однако ее требовалось подтвердить археологическими данными.

В нескольких разведочных шурфах на территории бывшего Кремля (ныне Пионергора) и бывшего посада был собран обильный археологический материал (керамика, изразцы, металлические предметы, монеты, кости животных), по которому можно определить начало хозяйственной деятельности на территории Судиславля. Найденные предметы — новое свидетельство того, что в XVI веке Судиславль существовал. Был ли он основан раньше, покажет анализ находок. Предварительный ответ пока отрицательный.

Таким образом, загадка времени возникновения Судиславля осталась пока неразгаданной. Археологическое подтверждение письменных источников XVI века дает Судиславлю полное право считаться древнерусским историческим городом.

Наличие древнерусской керамики на обширной территории свидетельствует о том, что Судиславль в XVI веке был значительным населенным пунктом. Бурная хозяйственная деятельность прослеживается в XVIII, XIX веках, что согласуется с письменными свидетельствами.

В разное время, а в основном в 1980—1985 годах, на территории района археологами обследованы стоянки человека, относящиеся к неолиту, — на восточном берегу озера Горинского (к западу в 2,5 км от села Спасского), там же на реке Вексе. При строительстве железной дороги у д. Княжево найден каменный топор фатьяновской культуры. Наличие курганов VIII—XIII веков зафиксировано в деревнях Рельево, Литвиново, Лазарево, Холм, Климцово, Лукино, усадьбе Жары.

Экспедицией 1990 года впервые выявлены селища древнерусского периода, существовавшие на протяжении многих веков возле сел Воронье, Михали, деревень Долматово, Ильинское, Куломзино, Буртасово. Некоторые из этих селищ предположительно отнесены к домонгольскому периоду.

Экспедиция оживила интерес судиславцев к истории своего края, следствием чего явилась передача экспедиции замечательных архивов. Один из молодых судиславцев подарил бесценный архив Преображенского собора за период с 1821 по 1914 год. По полноте собрания он уникален. Из его документов можно извлечь массу важных сведений о городе, окрестных деревнях и их жителях. Архив этот заслуживает специальной статьи. Жительница Судиславля М. Т. Смирнова подарила большой фотоархив судиславского фотографа начала XX века Русина, чье значение по-настоящему будет оценено в будущем. Снимки Русина вызвали большой интерес у специалистов: фотографов, архивистов, историков, краеведов, коллекционеров. На стеклянных негативах (их целый ящик) запечатлен чуть не весь довоенный Судиславль.

НИКОЛАЕВА Т. В. (Кострома)

ПРАЗДНИК НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ

Известному русскому писателю, этнографу, путешественнику, академику Сергею Васильевичу Максиму, родившемуся в 1831 году в Парфеньеве, в 1990 году не исполнилось круглой даты. Но должен был открыться на его родине музей, и президиум нашего отделения фонда культуры решил организовать по этому случаю праздник для жителей Парфеньева, а в Костроме провести вечер памяти.

На максимовские торжества приехало много гостей: правнук писателя С. В. Пузанов и его дочь А. С. Преображенская, московские литераторы: Ю. М. Лоциц, С. А. Лыкошин, В. М. Гуминский, Л. Д. Симонович, художник-иллюстратор «Крылатых слов» С. В. Максимова — В. В. Крючков, ленинградский скульптор И. Н. Зайцева — автор едва ли не единственного в нашей стране скульптурного портрета Сергея Васильевича.

5 октября в Костромском театре кукол состоялся торжественный вечер, вел который председатель правления нашего фонда культуры, профессор Ю. В. Лебедев. Он же и начал разговор о вкладе С. В. Максимова в сокровищницу русской культуры, об исключительном значении его творчества в наши дни. Разговор продолжили Ю. М. Лоциц, С. А.

Лыкошин, В. И. Гуминский, И. Н. Зайцева, В. В. Крючков, М. Ф. Базанков, А. В. Павлов. Закончился вечер на лирической ноте — выступлением фольклорного ансамбля «Долинушка» (руководитель Г. Ю. Хачатурова).

6 октября праздник переместился на парфеньевскую землю. Начался он панихидой в Воскресенском храме, отслуженной священником храма о. Николаем Пиво. По окончании ее женский хор духовной музыки под руководством Н. А. Сивушковой исполнил «Литургию Св. Иоанна Златоуста» А. Кастальского.

Потом было возложение цветов к дому, в котором жил С. В. Максимов, открытие его музея. Перед пришедшими на открытие «парфеньянами» и гостями выступил московский театральный коллектив «Петрушка». С экспозицией, посвященной еще одному замечательному парфеньевцу, познакомила первых посетителей музея ее автор сотрудник Костромского музея-заповедника Е. В. Сапрыгина.

Завершил весь долгий праздничный день в Парфеньеве литературно-музыкальный вечер в Доме культуры, где парфеньевцы увидели и услышали гостей из Москвы и все приехавшие к ним художественные коллективы — «Петрушку», «Долинушку» и женский хор духовной музыки.

Первый праздник во славу нашего замечательного земляка, кажется, удался.

БЕЛЯКОВ Г. П. (Кострома)

ДЕНЬ ПАМЯТИ А. А. ГРИГОРОВА

Он прошел в годовщину смерти краеведа — 8 октября 1990 года. К этому дню в Кострому приехала его дочь Галина Александровна, москвичка; О. Н. Григоров — доцент Московского института народного хозяйства, И. В. Воронцов — праправнук М. Ю. Лермонтова, полковник медицинской службы, профессор Центрального института усовершенствования врачей, Ф. Д. Волков — судиславец по рождению, профессор Московского института международных отношений МИД СССР, гости из Плесского музея-заповедника.

На могиле Александра Александровича, похороненного на Заволжском кладбище, состоялась панихида, отслуженная клиром Воскресенского собора г. Костромы — протоиереем Александром Карягиным и диаконом Сергеем Мальцевым. Прочувственное слово об ушедшем от нас год назад старейшем краеведе, Почетном гражданине города Костромы произнес о. Александр Карягин.

Другие теплые слова о нем были сказаны в областном архиве, где почтить память Александра Александровича собралось немало народа: архивные работники, музейщики, студенты — знакомые и незнакомые ему люди. Здесь же, в читальном зале архива, разместилась устроенная архивными и музейными сотрудниками небольшая выставка, посвященная А. А. Григорову и его прадеду Александру Николаевичу.

Звучал голос самого Александра Александровича, записанный в последний год его жизни, выступали родные, гости — все, кто хотел в этот день принародно выразить свои мысли, свое отношение к А. А. Григорову — едва ли не последнему русскому интеллигенту на костромской земле, принадлежащему древнему дворянскому роду.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редколлегии.

3

I. ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ.

1. Л. И. Сизнидера. Федор Васильевич Чижов. 5
2. Ответы на анкету фонда культуры. 12
3. Дискуссия о восстановлении исторических названий улиц города Нерехты 15

II. ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ.

1. Л. А. Колгушкин. Костромская старина. 20

III. ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДОВ КРАЯ.

1. **Д. Ф. Белоруков.** «Бывый город» Парфеньев. 25
2. Дозорная книга г. Солигалича 1614 года. 32

IV. ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ КОСТРОМСКИХ КРАЕВЕДОВ.

1. Н. А. Зонтиков. «За службу и нам, и за яровь, и за терпение...» (Иван Сусанин. Легенды, предания, история). 39
2. А. В. Навлов, С. В. Максимов и А. А. Бахрушин. (К истории творческих взаимоотношений). 55
3. Б. М. Козлов. Литературная жизнь Костромы в послеоктябрьское десятилетие (1917—1929 гг.). 57

V. ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ.

1. В. В. Мизицкий. Боль и тоска по утраченному. (К проблемам Волги и Костромской низины). 71

VI. НАШИ ПУБЛИКАЦИИ.

1. В. Н. Ширяев. Летопись мужицкого царства. 77
2. Л. А. Парийский. В местах, воспетых Н. А. Некрасовым. Шада. 111

VII. ХРОНИКА.

1. А. В. Соловьева. Вечер памяти А. В. Кильдышева в Костроме. 116
2. О. Г. Петрова. Ланихида на могиле М. Я. Диева. 117
3. Ю. В. Смирнов. Археологическая разведка в Судиславле. 117
4. Т. В. Николаева. Праздник на родине писателя. 118
5. Г. П. Беляков. День памяти А. А. Григорова. 119

Главный редактор: Ю. В. Лебедев.

Редакционная коллегия: Л. С. Васильев,
Т. В. Войтюк, Н. А. Зонтиков, О. А. Карягин,
А. В. Письмеров, Ю. В. Смирнов, А. В. Соловьева.

Цена договорная.

*Для благотворительных пожертвований
Костромской фонд культуры имеет счет
702001 в коммерческом банке «Кострома-
соцбанк». МФО 139012.*

Областная типография им. Горького управ-
ления по делам печати и массовой информации
администрации Костромской области, г. Костро-
рома, ул. П. Щербинны, 2. Зак. 2544. Тир. 3000

